

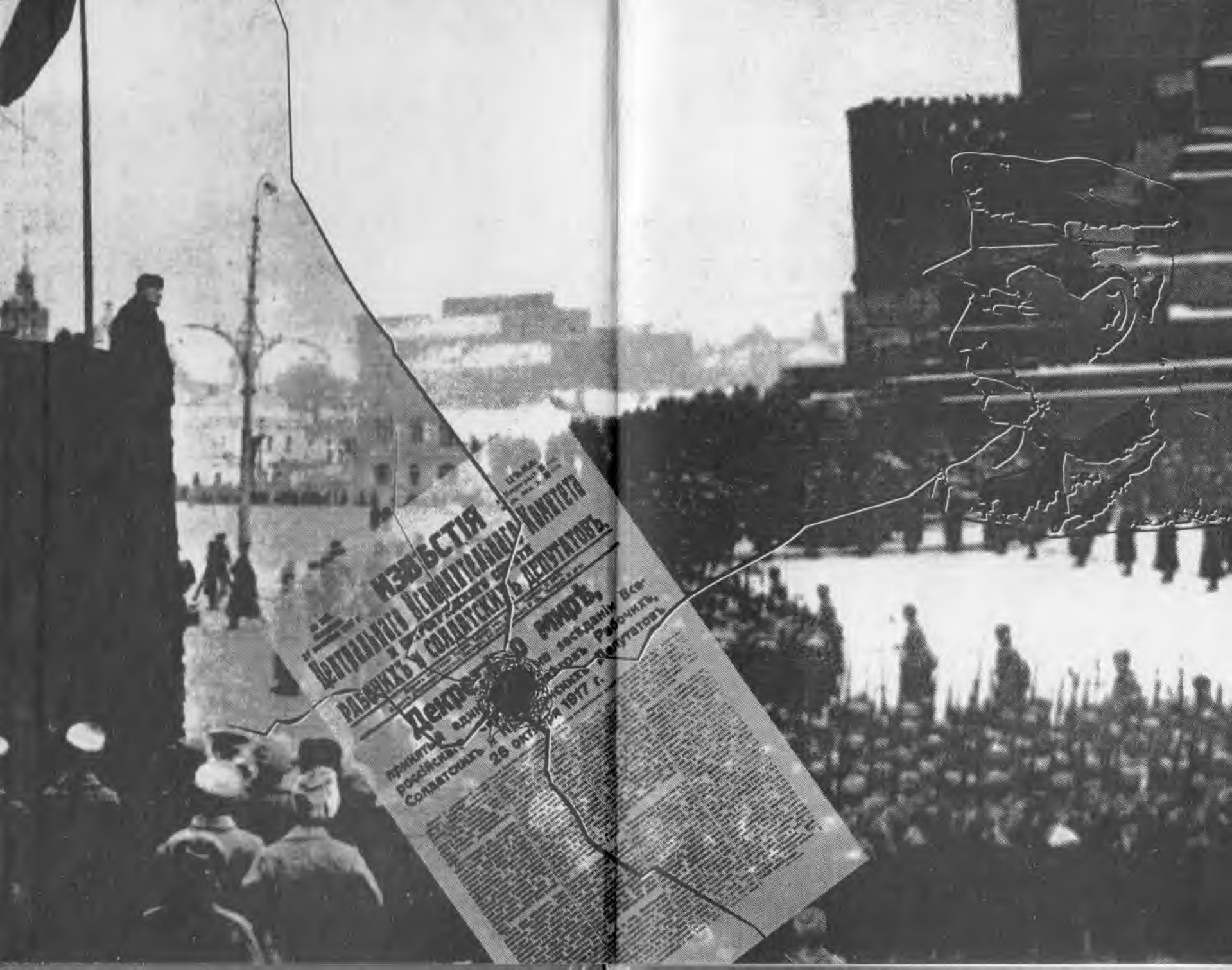

ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ

ЛЕНИН

СТАЛИН

ИЗВЕСТИЯ
 Центральный Комитет
 Рабочих и Солдатских Депутатов

Депрессия
 28 октября 1917 г.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ»

Георг фон Раух

ЛЕНИН

Густав Хильгер

СТАЛИН

РОСТОВ-НА-ДОНУ

«ФЕНИКС»

1998

ББК 63.3 (2)

Р 11

Перевод с немецкого

Жаровой И. И.

Р 11 **Георг фон Раух, Густав Хильгер.**
Ленин. Сталин. Серия «Исторические силуэты».
Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. – 320 с.

Книга включает два не совсем обычных биографических очерка, посвященных ключевым фигурам истории Советского Союза – В. Ленину и И. Сталину. Эти очерки не являются ни энциклопедиями ленинизма и сталинизма, ни историей России в эпоху Ленина и Сталина. Они знакомят читателя с жизнью этих двух неординарных, противоречивых личностей. В центре повествования – революционная деятельность советских вождей и управление государством после захвата власти. Не оставлена без внимания и сфера личной жизни этих людей.

Предлагается широкому кругу читателей.

ISBN 5-222-00458-9

ББК 63.3 (2)

- © 1982, Georg von Rauch «Lenin»
- 1982, Gustav Hilger «Stalin»
- Оригинальное немецкое издание, опубликованное Muster-Schmidt Verlag
- © 1998, перевод: Жарова И. И.
- © 1998, оформление: издательство «Феникс».

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая

ЛЕНИН

Семья, детство и юность	9
Первый революционный опыт. Сибирь	21
Первая эмиграция (1900–1905). Лондонский съезд и раскол партии	37
Генеральная репетиция революции	51
Вторая эмиграция (1907–1917). Годы войны	61
Возвращение	81
Октябрьская революция	95
В Кремле	105
Оппозиция, уступки и разочарования	123
Кончина	137
Действие и результаты	145
Послесловие	159

Книга вторая

СТАЛИН

Детство и юность Сталина	165
Первые шаги в революционном движении	171
Большевик Коба-Сталин	187

Год 1917-й	199
Брест-Литовск и гражданская война	215
Карьера и власть	231
Коллективизация. Индустриализация.	
Чистки	247
От пакта о ненападении к войне	261
Война	277
Конец тирана	289
Низвержение после смерти	297
Послесловие	301
Хронологическая таблица	303

Книга первая

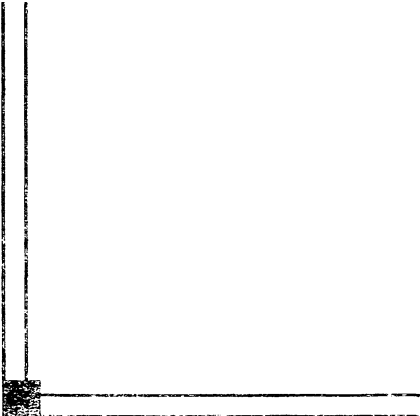
ЛЕЧИ

**КАК ЗАКЛАДЫВАЛИСЬ ОСНОВЫ
СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ**

Моим марбургским студентам

(1946-1958)

“Вы говорите, что я слишком упрощаю жизнь?”

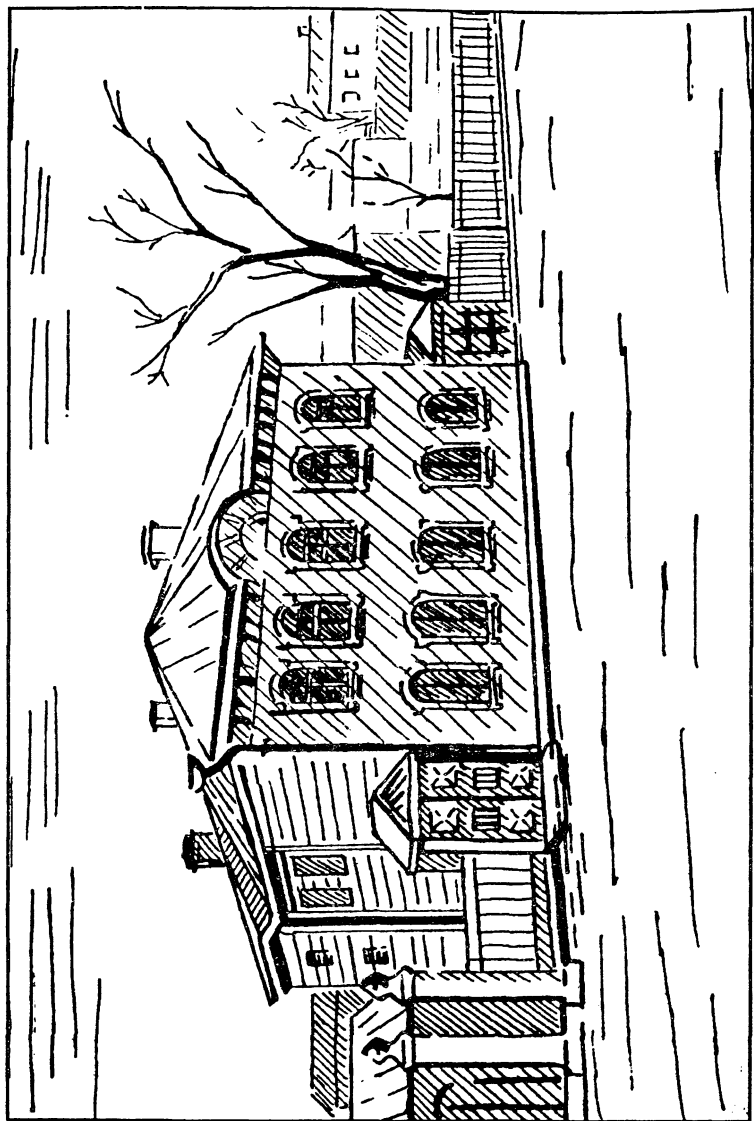
И что это упрощение грозит культуре гибелью?”

*Из письма
Ленина Горькому*

Семья, детство и юность

К моменту рождения Ленина Симбирск был маленьким, незначительным, немного скучным и сонным провинциальным городом на Средней Волге, расположившимся на ее высоком правом берегу; за рекой расстиралась равнина, луга и поля плавно переходили в лесостепь, сменяющуюся в предгорьях Урала густыми лесами. Здесь, в Симбирске, некоторое время прожил Карамзин, автор «Истории государства Российского», в 1859 году Гончаров написал здесь своего «Обломова», тот самый классический роман, герой которого стал синонимом нерешительности и скуки. В 1870 году к городу не подошла еще железная дорога.

Отец Ленина, Илья Николаевич Ульянов, был инспектором, а позднее директором всех народных училищ губернии. В семье царила атмосфера скромности и порядка во всем, дети росли в патриархальной, буржуазной обстановке: в 1864 году родилась Анна, затем Александр (1866 г.) и Владимир (1870 г.), а за ними дочери Ольга и Мария

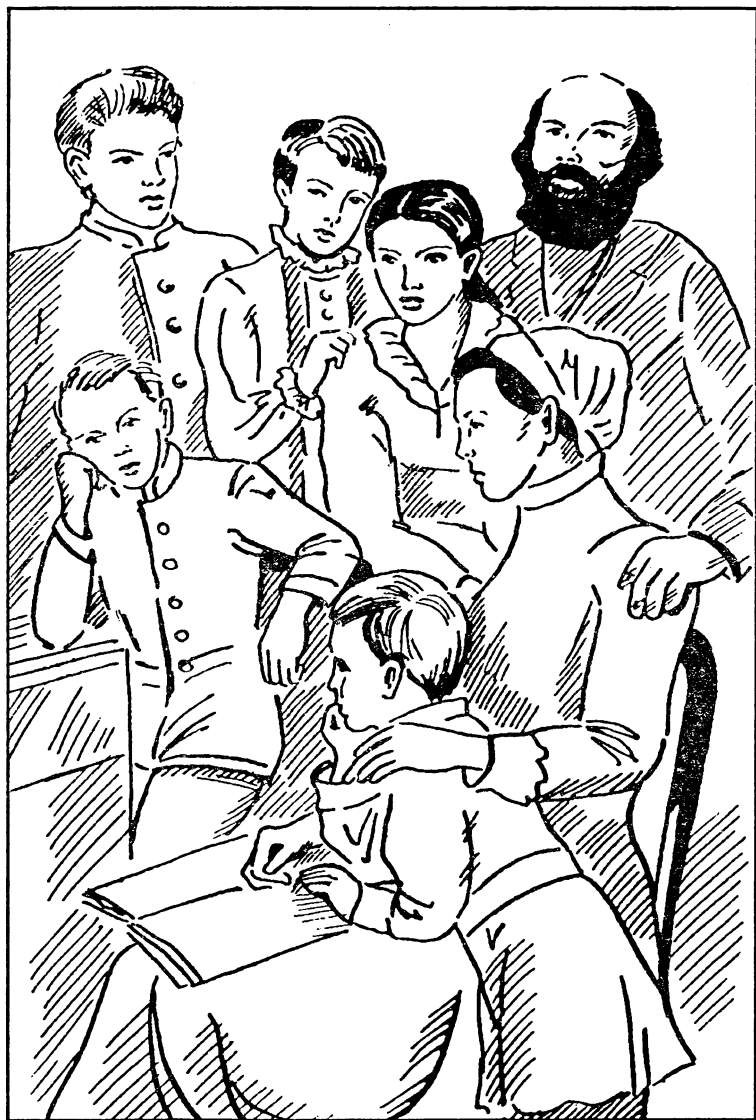
Дом Ленина в Симбирске

и сын Дмитрий. Отец Ильи Ульянова, портной из Астрахани, женился на дочери калмыка по фамилии Смирнов; предки были крестьянами Пензенской губернии. Илья учился в Казани, в том числе и у Лобачевского, знаменитого математика, и, благодаря полученному образованию, поднялся над мелкобуржуазной средой, из которой происходил. Затем он был начальником метеорологической станции, потом преподавал математику и физику в пензенской гимназии. Здесь он в 1863 году женился на Марии Александровне Бланк. Вскоре Илья Ульянов был переведен в Нижний Новгород, где работал в течение шести лет. В Симбирске он с большим усердием взялся за исполнение новых обязанностей. На период его пребывания в должности приходится подъем народного образования по инициативе земства; количество учащихся в регионе удвоилось, было построено 450 новых школьных зданий. Илья Николаевич был преданным режиму, дисциплинированным чиновником либерально-консервативных взглядов. За свои заслуги он получил чин действительного статского советника (1874 г.) и звание потомственного дворянина.

Мария Александровна Бланк принадлежала к семье, имевшей, по-видимому, немецкие корни. Ее предки, как считалось, жили на юге России и давно уже обрусели. Отец Марии Александровны, Александр Дмитриевич Бланк, после окончания военно-медицинской академии в Петербурге служил вначале сельским врачом в Смоленской

губернии, а затем главным врачом одной из столичных больниц. Здесь он женился на дочери немецкого коммерсанта Гросшопфа, мать которой была шведкой. Выйдя на пенсию, дед Ленина Бланк приобрел небольшое поместье Кокушкино в Казанской губернии и здесь, в тиши, посвятил себя воспитанию детей; мать Ленина была младшим ребенком в семье. Дети были воспитаны на православных традициях, в доме говорили частью по-русски, частью по-немецки, а мать Ленина также неплохо владела английским и французским языками. Именно она придала атмосфере дома Ульяновых оттенок немецкой любви к порядку и правильной организации уклада всей жизни семьи, но в то же время и привнесла в него интерес ко всему духовному и прекрасному. Сама она была начитанной и музыкальной.

Владимир, родившийся 10 апреля 1870 года, внешне был очень похож на отца. У обоих небольшие, чуть косо поставленные, темные глаза и выдающиеся скулы свидетельствовали о том смешении русской и татарской или монгольской крови, что нередко встречается в беспокойном регионе между Волгой и Уралом, где в XVII и XVIII веках зарождались крупные крестьянские и казачьи восстания под предводительством Стеньки Разина и Емельяна Пугачева. Владимир был живым и одаренным ребенком и рано обнаружил примечательную способность к систематическим занятиям и сконцентрированности внимания. В то же время он мог быть и резвым, немного проказничал,

Семья Ульяновых

любил шутить; тем не менее, Володя считался хорошим учеником.

Примером для него являлся старший брат Александр, который внешне больше походил на мать, был тихим и задумчивым, зачитывался Достоевским, не обходя в то же время вниманием и песни Гейне¹, и отдавал предпочтение естественным наукам. Уже в школьные годы он отошел от христианской веры. Став студентом, в Петербурге Александр вскоре примкнул к революционным кругам, которые втайне продолжали следовать традициям радикального террористического крыла движения народников, так называемой организации «Народная воля», несмотря на то, что после убийства Александра II его преемник (Александр III) нетерпимо относился ко всякого рода свободам. В 1887 году произошла студенческая демонстрация, в которой приняло участие несколько сот человек, в том числе и Александр Ульянов. Небольшая террористическая группа планировала покушение на царя Александра III. Ульянов входил в нее в качестве специалиста по взрывчатым веществам и сочинил прокламацию, с которой хотел обратиться к народу. По чистой случайности заговор раскрыли, на квартире Александра была арестована случайно оказавшаяся там его сестра Анна, а потом и он сам.

Старания матери спасти сына — отец скончался годом раньше — оказались напрасными. Александр, избалованный в содеянном, взял на

¹ Сборник стихотворений Г. Гейне «Книга песен». — Прим. перев.

себя и вину соучастников. 8 мая 1887 года он был повешен вместе с четырьмя товарищами.

Воздействие, которое это ужасное событие оказало на Владимира Ульянова, едва ли можно переоценить. Ранняя смерть отца, пришедшаяся как раз на пору, когда Владимир находился в переходном возрасте, отняла у детей тот авторитет, который представлял собой в известной степени гарантию уважения авторитета государства. Одновременно исчезло и уважение к религии. «Когда он осознал, что Бога нет, — пишет его друг Лепешинский, — он сорвал с шеи крест, презрительно плюнул и отбросил его». Если уже тогда юноша шестнадцати-семнадцати лет — а в результате потрясения, вызванного судьбой брата, известные сомнения могли в достаточной мере созреть — отвратился от веры столь бесцеремонным образом, причем мать не сумела воспрепятствовать ему, то со временем это неприятие с пугающей быстротой возрастало вплоть до фанатичной ненависти. Ненависть к царю, его бюрократии и его церкви сопровождалась глубоким презрением по отношению к местным либеральным кругам, которыми семья Ульяновых теперь внезапно была предана поруганию. Понимание проявил лишь школьный директор Владимира Керенский, отец его будущего противника в революции 1917 года, который одновременно был и опекуном Володи. Он порекомендовал молодому Ульянову, который тогда же, в июне 1887 года, с отличием выдержал экзамен на аттестат зрелости,

В. Ульянов в год окончания гимназии, 1887 г.

поступать на юридический факультет не в Петербурге, а в Казани.

И вот вся семья Ульяновых переехала в Казань, большой университетский город со значительной долей татарского населения, расположенный в 250 километрах на север от Симбирска. Владимир оставался одиноким. Его брат был эмоциональным и импульсивным, он же – совсем другого склада: рассудителен, осторожен, тщательно взвешивает каждый шаг, недоверчив и умеет приспособиться к ситуации. Лишь теперь, когда он стал студентом Казанского университета, возникли все предпосылки для последовательного развития его революционных воззрений, однако официальная легенда стремится показать, что это произошло в самом раннем детстве. Между тем волны студенческих выступлений, начавшихся в столицах, докатились и до отдаленной Казани. После одного из митингов протеста, проведенного студентами в декабре 1887 года, Владимир был арестован, поскольку случайно сидел в первом ряду, и исключен. Сведения о том, что на вопрос: почему вы бунтуете, молодой человек, ведь перед вами каменная стена, он ответил: да, стена, но прогнившая, толкни ногой, и упадет – не являются вполне достоверными.

Потом Владимир с матерью, братьями и сестрами уехал в Кокушкино, где прежде всегда проводил летние каникулы. Имение деда находилось в 45 километрах от Казани. Рядом с несколько обветшалым домом группа старых лип образвала беседку, в которой так приятно было

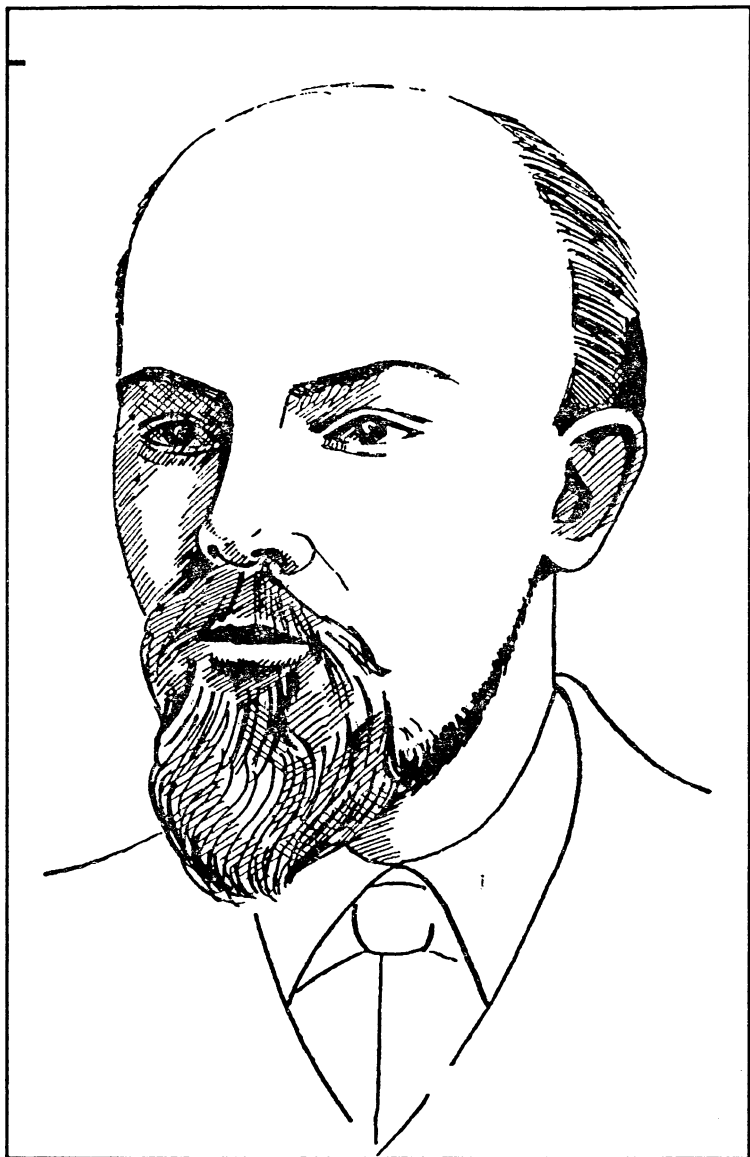
расположиться с книгами; отсюда вниз, к заросшему пруду шла дорожка. Теплыми летними вечерами на клумбах благоухали резеда и левкои, столь горячо любимые матерью и ее сестрами.

Ленин провел здесь период с декабря 1887 по ноябрь 1888 года. Он буквально набросился на библиотеку покойного дяди, а другие книги выписывал из Казани. Молодой человек отличался необыкновенной самодисциплиной. Тогда же по просьбе матери он бросил курить.

Но что с ним будет дальше? Ходатайство о допуске к учебе было отклонено. В конце 1889 года мать продала принадлежавшую ей собственность в Симбирске и часть Кокушкино и за 7500 рублей купила небольшое поместье Алакаевку под Самарой. Здесь Владимиру предстояло заняться сельским хозяйством. Он действительно провел в Алакаевке три лета и использовал эту возможность для изучения условий жизни крестьян. Правда, склонности к сельскому хозяйству он не имел. Напротив: за эти годы он приобрел теоретические знания для карьеры революционера.

В настоящее время доказано, что в ранний период на Ленина произвели большое впечатление работы Чернышевского, русского радикального социалиста домарксистского периода, которому и Маркс не отказывал в признании. Ленин изучал их начиная с лета 1887 года. Чернышевский, как Ленин признавался позднее, его «перепыхал целиком и полностью». Ленина увлекал его революционный радикализм; благодаря работам

Чернышевского он впервые познакомился с философией материализма. И лишь после этого – а не начиная с 1885 года, как это говорится в официальной биографии – обратился к Карлу Марксу, чей «Капитал», наряду с трудами Плеханова, проработал в 1888 году. Диалектический метод и теория классовой борьбы – вот те две составляющие, которые произвели на него наибольшее впечатление. Начиная с января 1889 года, он, по собственному свидетельству, стал сторонником марксизма.

1900 з.

Первый революционный опыт. Сибирь

В 1890 году Ленин получил разрешение на сдачу экзаменов экстерном в Петербургском университете. В 1891 году он выдержал экзамен на звание кандидата *summa cum laude*¹ и был допущен к работе адвоката в самарском суде. Здесь Ленин проработал полтора года, а каникулы проводил в Алакаевке. Он стремился быть ближе к матери, пережившей новый жестокий удар — внезапную смерть дочери Ольги, которая также начала учебу в Петербурге и умерла от тифа. В Самаре Ленин продолжал изучение работ Плеханова, жившего с момента основания революционной группы «Освобождение труда» (1883 г.) в Женеве, куда он эмигрировал. Плеханов считался главой русских марксистов. Его теоретическая полемика с народниками с позиций марксистской идеологии у Ленина попала на благодатную почву; исходя из практики борьбы с большим голодом, прокатившимся по России в 1891–92 годах вследствие засухи и неурожая, он с возмущением

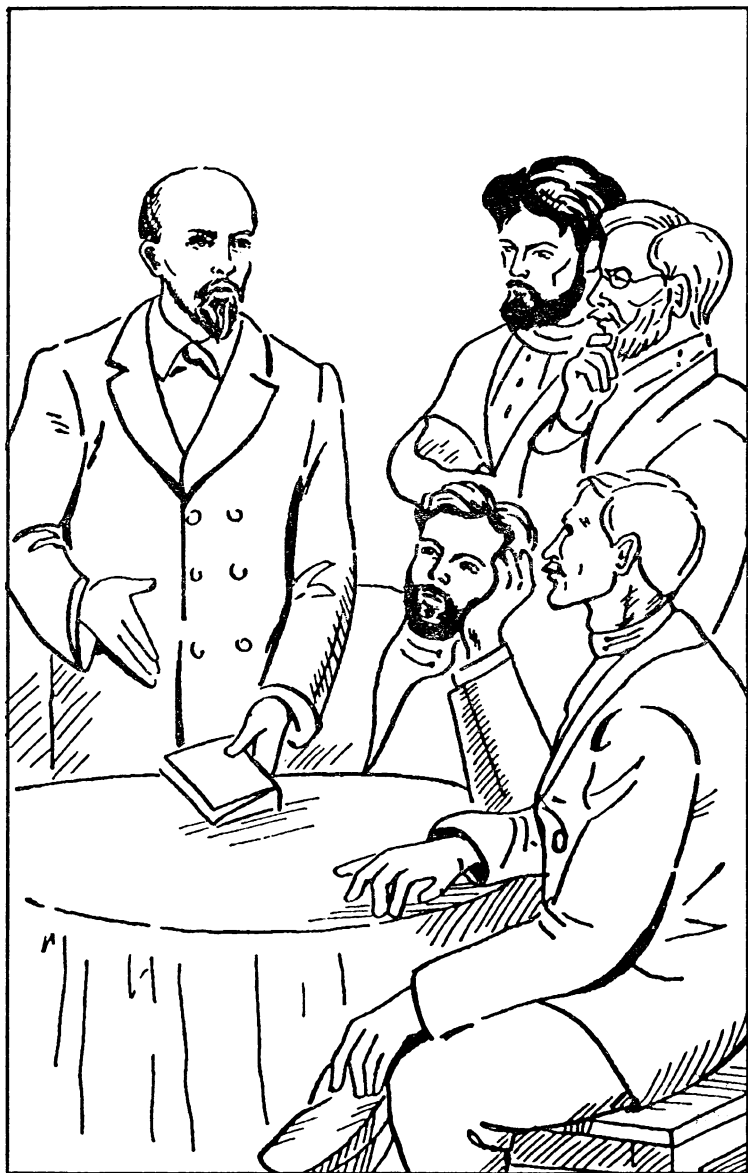
¹ С отличием (лат.). — *Прим. ред.*

выступил против «сахаринно-сладкой сентиментальности» русской интеллигенции, которая способна на одни только проявления милосердия вместо того, чтобы борьбу с голодом объединить с борьбой против государственной системы. Уже в этот ранний период обнаружилось полное отсутствие каких-либо проявлений чувств и какой-либо гуманности в социалистических устремлениях Ленина. Совершенно не задумываясь над бедственным положением крестьян, устремившихся в города из регионов, охваченных голодом, он приветствовал такое развитие событий, ибо результатом было увеличение численности городского пролетариата и рост его недовольства.

Первое произведение Ленина – пространная, опубликованная лишь в 1923 году рецензия на статью по аграрной политике, второе – полемика с народниками. Теперь он был убежден в том, что пролетариат – движущая сила революционного движения, а крупные промышленные города – его исходные точки. После того как прошение Ленина о выдаче заграничного паспорта для посещения Швейцарии, где он намеревался посетить Плеханова и лично познакомиться с ним, было отклонено, он покинул Поволжье, свою малую родину, и в конце 1893 года отправился в Петербург. Позже в партийных анкетах он датировал этим годом свое вступление в партию, хотя таковой в формальном смысле тогда еще не существовало. Мать с Марией и Дмитрием переехала в Москву, где Дмитрий поступил в университет.

Адвокатская практика в Петербурге служила лишь ширмой. Под ее прикрытием Ленин с энтузиазмом занялся агитацией в среде рабочих. Широкие возможности открывало для этого «Общество начального образования», насчитывающее около 1000 членов. В нем работала и Надежда Константиновна Крупская, молодая учительница, которая родилась в 1869 году в Петербурге в семье рано умершего мелкого чиновника. С 1891 года она была членом марксистского кружка и впервые встретила с Лениным на масленицу 1894 года. Вскоре Крупская ближе познакомилась с ним и в конце концов стала его постоянной спутницей. Это была умная и энергичная молодая девушка с несколько грубоватыми манерами, свойственными большинству русских женщин-революционерок. Некоторые современники в то время считали ее хорошенькой, что впоследствии вряд ли соответствовало действительности; Ленина привлекли ее живость и решительность.

Когда «Общество начального образования» было закрыто, группа продолжила работу в порядке частной инициативы. Ленин читал и разъяснял рабочим произведения Маркса и Энгельса, сочинял листовки и распространял их. Рабочие были захвачены «чрезвычайной силой духа» своего наставника; очень скоро в этом кругу он, несмотря на свои 24 года, стал носить кличку «Старик». Год спустя Потресов подчеркнул, что Ленин не производил впечатления молодого человека: бросались в глаза его бледное лицо, наметившаяся лысина, хриплый голос.

Создание рабочих кружков

Тем временем Ленин все подробнее знакомился с положением русского пролетариата. Это были годы, когда индустриализация России благодаря экономической политике Витте шла ускоренными темпами. Если в 60-е годы численность фабричных рабочих составляла 300000, то в 90-х эта цифра возросла в десять раз. В 1894 году Ленин выступил с первой большой работой. Она называлась «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?». В ней Ленин дискутировал с рядом статей, опубликованных в журнале «Русское богатство» и предпринимал беспощадные нападки на его издателя Михайловского, известного публициста и всеми уважаемого человека. Здесь впервые проявился основной принцип политической полемики Ленина. На протяжении всей жизни он никогда не удовлетворялся высказыванием по предмету дискуссии, а в ходе критики быстро переходил к оскорблениям личного характера, часто используя весьма крепкие выражения, и, понося оппонента, в конце концов добивался его полного морального уничтожения, причем в этом далеко превзошел Маркса. В данной работе народники были представлены как мелкобуржуазные демократы, что в глазах самого автора всегда было характеристикой, заслуживающей особого презрения. Одновременно читатель знакомился с марксистской теорией.

Наряду с конфронтацией с народниками очень скоро обозначилась и другая — с так называемыми легальными марксистами: группой

специалистов в области экономики, частью весьма известных, таких как Струве и Туган-Барановский, которых Ленин с большим ожесточением называл «экономистами», поскольку они выдвигали на первый план улучшение экономического положения пролетариата. Для него они были беспринципными оппортунистами – выражение, которое Ленин впоследствии постоянно употреблял для того, чтобы дискредитировать своих противников, причем оппортунистами всегда были они, но ни в коем случае не он сам, даже тогда, когда по тактическим соображениям шел на уступки и предпринимал нечто такое, за что поносил «экономистов» незадолго до этого.

Зимой 1894 года Ленин перенес воспаление легких, что послужило причиной для выдачи ему весной 1895 года заграничного паспорта «по медицинским соображениям». Теперь он мог, наконец, отправиться в Швейцарию, куда его тянуло уже давно, и встретиться с радикальной русской эмиграцией, которая не могла непосредственно следить за развитием событий на родине и была лишена возможности оказывать какое-нибудь серьезное воздействие на происходящее. Наряду с Плехановым там находились Вера Засулич, бывшая в 70-е годы террористкой, и Павел Аксельрод. На Аксельрода произвел большое впечатление прибывший «скромный, серьезный и находчивый молодой человек, лишенный какого-либо личного тщеславия»; очень скоро он назвал его восходящей звездой российского рабочего движения.

Другие современники обрисовывают его внешность так: крепкая, среднего роста фигура, живая мимика, рыжеватая бородка и небольшие черные глаза, в которых могли одновременно отражаться ум, напряженное внимание, насмешка и презрение, а также веселость и шутка; когда они светились ненавистью, то, как писал Валентинов, напоминали глаза злобного кабана. Максим Горький, напротив, увидев его немного позже, испытал к нему дружескую симпатию: «И на лице монгольского типа, — писал он, — горели, играли эти острые глаза неутомимого борца против лжи и горя жизни, горели, прищуриваясь, подмигивая, иронически улыбаясь, сверкая гневом. Блеск этих глаз делал речь его еще более жгучей и ясной. Иногда казалось, что неукротимая энергия его духа брызжет из глаз искрами и слова, насыщенные ею, блестят в воздухе». Действительно, сами по себе черты лица Ленина в России ничем не были примечательны; они могли бы произвести совершенно заурядное впечатление, и как заметил Луначарский, подобное лицо мог бы иметь любой сельский торговец откуда-нибудь из-под Ярославля. Но пронизывающий взгляд колючих глаз всегда производил неизгладимое впечатление.

Во время этой первой поездки в Швейцарию Ленин ближе познакомился с Плехановым и относился к соратнику, который был десятью годами старше, с надлежащим почтением. В ходе долгих дебатов обсуждались возможности создания в России революционной организации.

Тогда Ленин провел за границей целых пять месяцев. Для лечения в швейцарском санатории, которое было истинным поводом для поездки, оставалось всего несколько недель. В Берлине он смотрел в театре «Ткачей» Гауптмана и познакомился с Карлом Каутским, являвшимся для него, прежде всего, воплощением марксиста-теоретика. Энгельс умер в августе этого года, так что Ленин уже не мог с ним познакомиться. В последнее время Ленин много занимался его работами и пытался свести воедино учения Маркса и Энгельса, невзирая на известные расхождения. В округе Нидербарним под Берлином Ленин принял участие в собрании рабочих. В берлинских библиотеках он познакомился с третьим томом «Капитала» Маркса. Одновременно Ленин совершенствовался в немецком языке, которым, правда, владел с детства, однако должен был привыкнуть к звучанию устной речи. Утверждение о том, что он говорил по-немецки со швабским акцентом — не более чем легенда; во время последующего пребывания в Швейцарии он, по-видимому, усвоил некоторые швейцарские диалектизмы. Французский язык поначалу давался ему даже легче, чем немецкий. В Париже Ленин посетил зятя Маркса П.Лафарга, с которым поддерживал связь до самой его смерти, наступившей в результате самоубийства.

После того как Ленин вернулся в Россию, доставив в чемодане с двойным дном нелегальную литературу, внимательная царская полиция

установила за ним слежку. Несмотря на это ему удалось установить в Вильне, Петербурге и Москве связи с женевской группой «Освобождение труда» и наладить регулярное поступление корреспонденции в Швейцарию. Затем он попытался включиться в волну забастовок, прокатившуюся осенью 1895 года по предприятиям Петербурга, распространяя среди рабочих крупных заводов листовки и брошюры. Тогда же Ленин познакомился со своим будущим противником Юлием Мартовым и по заслугам оценил его деятельность. Вместе с Мартовым он приступил к объединению небольших разрозненных революционных групп города в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Ленин обучал своих соратников методам нелегальной работы, которым научился у самарских народников: шифрованию, использованию тайнописи, умению уйти от преследователей или организовать слежку и тому подобному. Будучи крайне неприхотливым в частной жизни, он целиком и полностью посвятил себя этой агитационной деятельности. В кругу соратников Ленина особенно резко ощущалось влияние его волевой личности. Потресов в своих воспоминаниях говорит о почти гипнотическом воздействии, с помощью которого Ленину удавалось осуществлять власть над людьми: секрет, которым не владели ни Плеханов, ни Мартов. «Никто, — писал Плеханов впоследствии, — не способен был настолько убедить в своих планах, настолько пленить всей своей личностью, как этот на первый взгляд невзрачный

и грубоватый человек, который, казалось, вовсе не обладал талантом очаровывать других».

В декабре 1895 года было подготовлено издание давно задуманной газеты «Дело рабочего»; тайная типография народников готова была приступить к набору. Ленин уже правил пробные оттиски первого номера, когда в ночь на 20 декабря нагрянула полиция, наведенная на след шпиком. Почти все члены петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» были арестованы. Среди них — Ленин и Надежда Крупская.

Период предварительного заключения в Петербурге Ленин использовал для серьезной научной работы по вопросам развития капитализма. Прокурор разрешил Ульянову получать необходимую литературу, поскольку ему импонировал энтузиазм, с которым заключенный относился к научным занятиям. Позднее, в сибирской глуши, у Ленина также была возможность покупать и брать для прочтения книги, подписываться на журналы и вести обширную, частью нелегальную корреспонденцию.

Ленина сослали в село Шушенское у истоков Енисея, где ему предстояло провести четыре года. Административный приговор был вынесен без какого-либо судебного разбирательства в феврале 1897 года. Ленину разрешили добираться до места ссылки на собственные средства, что позволило ему в течение недели свободно перемещаться по Петербургу, а также посетить мать и друзей в Москве. Мать и сестра сопровождали его до Тулы.

В Красноярске, столице губернии, он сделал остановку на несколько недель и смог воспользоваться знаменитой библиотекой купца Юдина; 20 мая Ленин прибыл к месту назначения. Климат в этой местности был здоровым; располагалась она неподалеку от китайской границы и называли ее «сибирской Италией». Вдалеке виднелись заснеженные вершины Саян. Сюда был также сослан и князь Кропоткин, анархист. Ленину повезло больше, чем Мартову, которого отправили в ссылку на холодный север Сибири, в Туруханск, куда позднее пришлось прибыть и Сталину.

Ссылный мог самостоятельно выбрать себе квартиру, ему предоставлялась свобода перемещения. Ленин наносил визиты, ходил на охоту, держал собаку и кошку, играл в шахматы. Летом плавал — чему был обучен с детства, живя в Поволжье, — зимой катался на коньках, чтобы любым способом сохранить физическую форму. Вечером он никогда не ложился спать, не сделав гимнастику, причем, разработав для себя определенную систему гимнастических упражнений, придерживался ее и впоследствии. При этом Ленин постоянно ограничивал свои развлечения, а прежде всего дискуссии с другими ссылными в том случае, если считал их пустой тратой времени, и усаживался за письменный стол. Тщательно разработанный распорядок дня свидетельствует о том, что он прекрасно разбирался в системе распределения энергозатрат. Ленин читал книги преимущественно по философии и политэкономии. По самостоятельно

разработанной методике он занимался иностранными языками, основываясь при этом на знаниях, полученных от матери, и заучивал наизусть длинные отрывки из «Фауста» Гете. С целью заработка — дополнительно к восьми рублям, получаемым ежемесячно в качестве ренты, — Ленин стал заниматься переводами с немецкого языка на русский, а также писал рецензии; юридические консультации, даваемые им ссыльным и местным жителям, являлись бесплатными. С родиной его связывала обширная корреспонденция. Письма к матери, которые Ленин писал регулярно, всегда были обнадеживающего и ободряющего содержания и свидетельствовали о глубокой привязанности.

В первые годы ссылки он занимался преимущественно завершением работы о капитализме. В 1899 году она вышла под псевдонимом «В.Ильин», не встретив никаких возражений со стороны цензуры. Итогом упорного труда, в ходе которого был обработан обширный статистический материал (список источников содержит 300 наименований), явился следующий вывод политического характера: «Успехи капитализма в России нельзя недооценивать; они превратили глухое недовольство и бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу за освобождение всего трудящегося человечества». Правда, Туган-Барановский, наиболее видный российский авторитет по экономическим вопросам, дал книге уничтожающую оценку, так как вообще был невысокого мнения о познаниях Ленина в области политической экономии и истории.

Столь же отрицательной была оценка профессора философии С.Булгакова, некоторое время близкого к кругам легальных марксистов, данная им научной методике Ленина: «Он окружает себя броней марксистской ортодоксальности и игнорирует все проблемы, при столкновении с которыми марксизм оказывается бессилён». Булгаков невысоко оценивал Ленина как мыслителя и характеризовал его работы как пустые и поверхностные.

Спустя восемь месяцев после ареста Ленина Надежда Крупская также была арестована и сослана на три года в Уфимскую губернию. Ее просьбу о разрешении на отбывание ссылки в Шушенском удовлетворили. В мае 1898 года она приехала туда в сопровождении матери, с большим багажом, состоящим преимущественно из книг, заказанных Лениным. 10 июля, выполняя условие, поставленное властями, Ленин и Крупская заключили церковный брак. Надежда сохранила свою девичью фамилию. Теперь она была для мужа всем: супругой и смышленной ученицей, сведущей в марксизме, а поэтому легко воспринимающей его уроки, незаменимым секретарем и заботливой экономкой, хоть и несколько расточительно-небрежной.

Между тем в отсутствие Ленина российское рабочее движение не стояло на месте. К местным объединениям типа петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 1898 году прибавилась первая общероссийская социал-демократическая массовая организация – еврейский

«Бунд». В марте 1898 года делегаты от различных союзов собрались в Минске на I партийный съезд российских социал-демократов. Был распространен Манифест, вышедший из-под пера Струве, и избран центральный комитет из трех человек. Однако очень скоро движение почти полностью лишилось дееспособности вследствие арестов.

Ленин наблюдал за развитием международного рабочего движения не без опасений. Он был возмущен выходом книги Э.Бернштейна «Предпосылки социализма» и полностью согласился с критикой Каутского, высказанной в адрес этой книги. Уже тогда в Швейцарии опубликовали несколько небольших статей Ленина, среди них программная брошюра о задачах русской социал-демократии (Женева, 1898).

К этому времени благодаря удачно сложившейся экономической конъюнктуре в Европе центр тяжести все больше смещался от политической борьбы за решение социальных проблем в сторону экономики. Ленин с горечью констатировал, что этот усилившийся «экономизм» нашел свое место и в России. Струве и «легальные марксисты» отклоняли практику политических заговоров и концентрировали свое внимание на улучшении социальных условий. Подобные идеи встречали со стороны Ленина яростные нападки; он собирал среди ссыльных подписи под заявлением протеста и распространял его по всей России.

В этот период Лениным овладело сильное беспокойство и раздражительность. Он проводил

ночи без сна и заметно похудел. Ему не давал покоя план издания крупной нелегальной газеты в качестве основы для создания всеобъемлющей организации и органа борьбы против «экономистов». Закончилась ссылка. В феврале 1900 года Ленин и его жена отправились в обратный путь на санях по льду Енисея. По дороге они встречались с единомышленниками. За эти годы, проведенные в Сибири, авторитет Ленина продолжал расти; благодаря активной деятельности и силе его революционных устремлений появились многочисленные связи.

Поначалу Ленин временно обосновался в Пскове, где к нему примкнули Потресов и Мартов. Идея об издании газеты приняла конкретную форму: она должна появиться за границей под названием «Искра». Было твердо решено нелегально отправиться за границу. Ленин распрощался с матерью, жившей в Москве, и с женой, которая смогла доехать пока лишь до Уфы, поскольку срок ее ссылки еще не истек. Несмотря на то, что пребывание в Петербурге было ему запрещено, он невзирая на опасность отправился туда вместе с Мартовым. Арест последовал немедленно. Однако уже через несколько недель Ленина освободили. По меньшей мере, история российской социал-демократии пошла бы другим путем, если бы Ленина в тот момент вновь сослали. 29 июля 1900 года он пересек австрийскую границу и направился в Швейцарию.

Первая эмиграция (1900—1905).

Лондонский съезд и раскол партии

В Женеве между Лениным и Плехановым очень скоро возникли разногласия относительно создания газеты: Плеханов ценил Ленина как организатора революционного движения, однако не воспринимал его всерьез как теоретика и писателя. Ленин же, который вначале относился к старшему по возрасту соратнику с надлежащим уважением, теперь под действием волевых импульсов, накопленных в сибирской тиши, резко выступал против притязаний Плеханова на руководство. Поначалу конфликт сглаживал Потресов, и Ленин добился того, чтобы газета печаталась в Германии, а редактирование и распространение были доверены ему. Первый номер «Искры» вышел в Лейпциге 21 декабря 1900 года. Девизом газеты стали слова Пушкина, посвященные декабристам: «Из искры возгорится пламя». Экземпляры, напечатанные на тонкой бумаге, были подготовлены к отправке в подвалах «Форвертс»

в Берлине и тайно перевезены через границу. В России газета силами пропагандистов «рассеивалась» повсеместно: на улицах и на предприятиях, в казармах и в театрах, на почтамтах и т.д.

Ленин вначале разместил свою штаб-квартиру в Мюнхене, где под псевдонимом «Мейер» снял скромное жилище в квартире, занимаемой семьей рабочего, в Швабинге на Зигфридштрассе, 14. В это же время, в декабре 1901 года, в России в журнале «Заря» появилась его статья, которую он впервые подписал именем «Н.Ленин». Ранее он иногда использовал псевдоним «Тулин». Теперь псевдоним «Ленин» все больше закреплялся в устном и письменном обиходе и вскоре принял официальный характер. Использувавшийся для маскировки инициал «Н» позднее уступил место буквам «В.И.», соответствующим действительности. Подлинного происхождения нового имени — о псевдониме «Ленин» как таковом можно говорить лишь начиная с 1901 года — установить невозможно. Река Лена, протекающая в Восточной Сибири, привлекла внимание революционного мира только в 1912 году; Ленин никогда там не был. То обстоятельство, что так называл себя еще Александр Ульянов, не является доказанным. Не исключено, что спонтанно, в виде шутки толчок дало женское имя Лена; сам Ленин по этому поводу хранил молчание. Начиная с этого момента он выступал в печати под именем «Ленин», хотя порой использовал псевдоним «В.Ильин». Большинство своих статей Ленин опубликовал в «Искре». Она

была для него «коллективным агитатором» партии и одновременно рупором борьбы против всех иных мнений. Редакционная коллегия стала руководящим органом рабочего движения, которое Ленин теперь рассматривал как авангард профессиональных заговорщиков.

Еще отчетливее эта идея проявляется в его работе «Что делать?», которую Ленин опубликовал в 1902 году в Штутгарте, в издательстве «Dietz», на русском языке, сознательно взяв заголовок известного романа Чернышевского. Плеханов назвал эту книгу объемом неполных 180 страниц «патетическим катехизисом» революционного движения. Ленин утверждал, что пролетариат собственными силами может достичь лишь профсоюзного сознания, современное социалистическое сознание может быть принесено ему только извне и являться результатом лишь научного познания. Таким образом Ленин вручает интеллигенции монополию на руководство рабочим движением: великая революционная задача, решение которой делает «российский пролетариат авангардом международного пролетариата». Поэтому Ленин выдвигает требование централизованного, иерархического построения партийной организации, которая должна быть подчинена «пролетарской дисциплине» и обучена не хуже полиции. «Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию!» – восклицал Ленин в книге «Что делать?»

Очевидно, что здесь к марксовскому пониманию роли пролетариата в истории примешивается

посторонний элемент. Откуда берет свои истоки элитарная идея Ленина? В истории русских революций она впервые появилась у Ткачева (1874 г.), радикал-эмигранта, который в переписке с Энгельсом занял антидемократическую позицию. Неизвестно, читал ли Ленин произведения Ницше или Сореля; сам Сорель считал, что с его работами Ленин не знаком. Однако в требованиях Ленина касательно совершенства приемов конспирации и абсолютного самопожертвования индивида ощущается наследие «Народной воли»; несмотря на то, что он отвергает свойственный ей индивидуальный террор и опровергает ее идеи с современных марксистских позиций, все же ярко выраженный волюнтаристский характер работы, написанной в 1902 году, неопровержимо свидетельствует о тех ранних до-марксистских впечатлениях, которые Ленин почерпнул от Чернышевского и народников. Эта работа ясно дает понять, что в центре учения Ленина будет не исторический материализм как таковой, а теория о воле; в принципе, это означало отказ от классического экономического детерминизма Маркса.

Здесь, в связи с этим первым значительным сочинением Ленина, было бы уместно коснуться стиля его работ. Работы Ленина не отличались особым глубокомыслием и не отвечали строгим литературным требованиям. Если читать их, абстрагируясь от личности автора, то зачастую следовало бы, как пишет Фюлеп-Миллер, характеризовать их как посредственные, не слишком

логично построенные, подчас прямо-таки односторонние или поверхностные. Несмотря на это сильное воздействие оказывали и часто встречающаяся весьма нестандартная структура предложений, и обращение непосредственно к читателю, даже безудержные нападки личного характера на оппонента; например, он любил употреблять слова своего оппонента с тем, чтобы лишить их силы воздействия и в известной степени разоблачить их суть. Троцкий сравнил его стиль со стилем Маркса и счел, что «стиль Маркса богат и великолепен, сочетание силы, гибкости, гнева и иронии, жестокости и элегантности; в своем стиле он соединил литературные и эстетические достижения всей политической литературы прошлого. Напротив, у Ленина литературный и ораторский способ выражения прост, утилитарен, почти аскетичен». Особое воздействие стиля Ленина проистекало из отказа от революционной фразы, замены общепринятых высокопарных слов простыми выражениями. Личность самого автора, авторитет политического лидера придавали его работам то большое значение, которое они приобрели и которое выходило далеко за рамки их предметного содержания и официальной формы.

Из-за трудностей, возникших в связи с печатанием «Искры» в Лейпциге, а потом и в Мюнхене, в апреле 1902 года Ленин принял решение перенести издательскую деятельность в Лондон. Он поселился на квартире в Кингз Кросс-роуд и с большим усердием взялся за изучение английского

языка. Через некоторое время Ленин овладел им настолько, что мог объясняться устно и письменно, правда, первое несколько хуже из-за сильного акцента. В библиотеке Британского музея, где когда-то работал и Маркс, у него было постоянное рабочее место.

Однако Ленин не отгораживался и от жизни, которая пульсировала вокруг него, он знакомился с жизнью лондонских трущоб и постоянно предпринимал прогулки за город. Иногда посещал концерты. Вскоре после прибытия в Лондон к нему приехала Надежда Крупская. В 1902 году в Лондон прибыл и Троцкий, которому удалось совершить побег из сибирской ссылки. Ленину нравилось его блестящее перо и, несмотря на молодость Троцкого (23 года), он принял его в качестве седьмого члена в редакционную коллегия.

Плеханов все более отдалялся от молодого поколения, однако и внутри последнего также вскоре возникли разногласия между Лениным с одной стороны и Потресовым и Мартовым с другой. Все дебаты велись вокруг программы партии. Ленин критиковал проект Плеханова в педантично-неуважительной манере; его альтернативный проект являлся более резким по языку, несдержанным, однако в то же время и более приближенным к условиям реальной жизни. К расхождению на деловой почве присоединилась и личная антипатия. Наверное, Ленин был по-настоящему искренним, когда однажды конфиденциально написал, что никогда не смотрел на человека с таким почитанием

и смирением, а тот его грубо оттолкнул; Плеханов оказался неискренним и заносчивым. Основываясь на концепции Плеханова, Мартов и другие в конце концов выработали компромиссный вариант, к которому Ленин добавил пункт относительно крестьянского вопроса, по-видимому, в нем он действительно разбирался лучше остальных эмигрантов. Затем в апреле 1903 года вопреки мнению Ленина было решено перенести редакцию газеты в Женеву. В связи с этим Ленин переехал в Швейцарию и поселился в пригороде Женевы. Трения внутри редакционной коллегии не уменьшались. Как сообщает Потресов, Ленин, отстаивая свое мнение, был беспощаден: он делил мир на тех, кто был за него, и тех, кто был против; середины не признавал. Однако постоянная борьба изнуряла и его самого; в начале года Ленин заболел опоясывающим лишаем; сейчас его мучила бессонница нервного характера. Подготовка к съезду отнимала все силы.

Попытки экономистов и «Бунда», еврейской революционной организации, скоординировать все революционные группы до сих пор успеха не имели: группа «Искры», например, всегда ставила неприемлемые условия. Летом 1903 года делегаты от различных групп из России встретились в Женеве. 30 июля 1903 года съезд действительно открылся в Брюсселе, в отеле *Coq d'or*. Из 43 делегатов, имеющих 51 голос, рабочих было только четверо. Среди делегатов съезда находился и брат Ленина Дмитрий Ульянов. Состоялось лишь

несколько заседаний, когда бельгийская полиция напала на след, и съезд пришлось перенести в Лондон. Здесь встречи делегатов происходили в молельном доме сектантов на Стаутгейт-роуд.

Группа искровцев имела на съезде абсолютное большинство. Ленин сделал так, что самостоятельно выбранные им и посланные в Россию агенты теперь появились на съезде как «выборные» представители русских социал-демократов. Другие мелкие фракции, имеющие разногласия друг с другом, при голосовании проигрывали; «Бунд» вообще покинул съезд. Но сама группа искровцев оказалась непрочной. При этом решающее значение имели даже не разногласия Ленина и Плеханова. Плеханов, чья речь в защиту программы была «фейерверком знаний и духа», объявил себя сторонником диктатуры пролетариата, благодаря чему речь и встретила восторженное признание Ленина; к ужасу «экономистов», оба они заявили о необходимости подчинения принципов демократии требованиям революции, вследствие чего могло иметь место, например, ограничение всеобщего избирательного права. На самого Плеханова произвел большое впечатление Ленин; «это материл, из которого делают Робеспьеров», — сказал он Аксельроду. Характерной является реакция Ленина на утверждение одного из делегатов о том, что центральный комитет должен быть «вездесущим, руководящим духом» партии. Он ответил репликой: «Не духом, а кулаком!».

Истинным противником Ленина оказался Мартов. В ходе дискуссии по жизненно важному вопросу о том, чего следует ожидать от членов партии, «сотрудничества» или «поддержки», выявилось глубокое противоречие между кадровой партией с ее строгой дисциплиной и партией широких масс. После нескольких полных драматизма голосований Ленин, обрабатывавший каждого делегата по отдельности, получил большинство. Так возникло новое название партии — «большевики» и одновременно была найдена магическая формула для масс, которой в дальнейшем суждено было стать более воодушевляющей, чем названию сторонников Мартова — «меньшевики».

Съезд, предполагавший добиться окончательной координации всех социалистических групп, закончился крупным расколом, который в целом ощущался уже с 1903 года, хоть и несколько вуалировался внешне до 1912 года фикцией единой партии. Однако Ленин, пожалуй, единственный среди членов противоположного лагеря, сохранил дружбу с Мартовым, которая была более давней и прочной, чем грядущая дружба с Зиновьевым и Каменевым. И в дальнейшем Ленин относился к Мартову с уважением. Впрочем, совместная работа с Плехановым и Мартовым в редакции «Искры», которая по его ходатайству была сокращена до трех человек, была теперь невысказана. Мартов отказался принимать участие в редакционных совещаниях, а когда позднее Плеханов с целью

восстановления единства партии собрал в Женеве редакцию в старом составе, Ленин вышел из нее.

После завершения 23 августа лондонского съезда, в ходе которого состоялось 24 заседания, Ленин постоянно подвергался огромному количеству нападок в печати со стороны своих бывших товарищей. Сильнее других дожимал его Троцкий: «Ленин деспот и террорист, который хочет превратить центральный комитет в “комитет общественной безопасности”, чтобы играть роль Робеспьера. Если бы якобинцы остались у власти, то, пожалуй, под нож гильотины попала бы и львиная голова Маркса». В работе «Наши политические цели», вышедшей в Женеве в 1904 году, он предсказал: централистское понимание Лениным роли партии неизбежно приведет к тому, что диктатура пролетариата в конце концов выродится в диктатуру одного человека, — прогноз, к которому, впрочем, пришел, к своему ужасу, и меньшевик Мартынов по прочтении воззвания из Уральской области, инспирированного Лениным. Аксельрод выступил в «Искре» в декабре 1903 года и январе 1904 года с весьма серьезными упреками в адрес Ленина, указывая на якобинский и «теократический характер» ленинского понятия партии. Ознакомившись со статьями Аксельрода, Ленин пришел в яростное возбуждение. Он сказал, что писанина Аксельрода — самая большая подлость и глупость, какую ему когда-либо приходилось читать, и еще многое другое. В подобных случаях, по свидетельству очевидца, Ленин превращался «в тигра»,

готового вцепиться нападающему в глотку. В других же случаях он умел сохранять ледяное и опасное спокойствие. Когда, несколько лет спустя, Струве отошел от марксизма, Ленин лишь заявил: «он заслуживает смерти!». Здесь за его спиной видна тень Николаева, террориста, который в 1869 году приказал убить товарища, не оправдавшего надежд; Достоевский увековечил его в «Бесах» в образе Верховенского.

Немецкие социал-демократы Каутский и Бебель также выразили свое несогласие с Лениным, Роза Люксембург подвергла его критике в двух статьях, опубликованных в «Искре». Ленин в полную силу вступил с ними в полемику несколько позже. Кстати, в опубликованной в 1918 году статье, направленной против Каутского, содержались наиболее грубые из оскорблений, употребляемых им; необходимо было полностью дезавуировать теоретика социализма, который до тех пор пользовался в России большим авторитетом.

Ответом Ленина на недоброжелательное отношение со стороны «умеренного социализма» стала книга объемом более 200 страниц: «Шаг вперед, два шага назад». Занимаясь ее разработкой – с февраля по апрель 1904 года – он довел себя до состояния такого ожесточения, которое могло принять пароксизмальный характер. День ото дня его ненависть к меньшевикам возрастала. Ленину необходимо было давать волю чувствам, и время от времени он так хлопал дверью, что стены дрожали. К концу работы Ленин производил

впечатление больного — бледно-желтый от накопившейся ненависти и утомления цвет лица, тяжелый взгляд из-под опечаленных век. Разработка книги изнуряла его подобным образом, поскольку он из тактических соображений всеми силами пытался избежать полного разрыва отношений.

Валентинов, бывший непосредственным свидетелем этих событий, описывает стиль и ритм работы Ленина так: «Утром, не особенно рано, он садился за письменный стол, никогда не забывая перед этим вытереть пыль, так же, как тщательно и основательно всегда выполнял разные домашние обязанности, например, сам пришивал пуговицы, содержал в образцовой чистоте свой велосипед: для российского революционера столь педантичная любовь к порядку кажется чуждой и по русским понятиям составляет своеобразный контраст с его широким образом мыслей. В четыре часа пополудни Ленин шел на прогулку, иногда приглашая собеседника, с тем, чтобы прояснить для себя отдельные мысли. Если о встрече договаривались заранее, то Ленин был всегда точен».

Важность памфлета, направленного против меньшевиков, состоит в том, что в нем Ленин недвусмысленно высказывается против демократии и автономии и окончательно останавливается на централистском принципе построения партийной иерархии. «Демократизм ведет к анархии, — заявляет Ленин, — и этим отказывает рабочим массам в праве на участие в решении политических вопросов. Социал-демократ должен быть якобинцем;

без чистки и насилия не бывает революции и пролетарской диктатуры». Для приверженцев Ленина новая книга стала евангелием по всем вопросам организационного характера, хотя «Что делать?» – работа гораздо более значительная и по характеру идей, и по содержанию.

Нервная система Ленина была вконец расстроена. Жена убедила его отдохнуть от работы в течение четырех недель. Они отправились с рюкзаками в швейцарские горы, совершали длительные прогулки, в Фирвальдштеттском озере Ленин смог поплавать. Ему была необходима передышка. В Женеву он вернулся отдохнувшим и сразу же приступил к работе.

После раскола узкий круг соратников стал еще более сплоченным. Ленина вдохновляло то обстоятельство, что к этому кругу примкнули такие интеллектуалы, как философ Богданов, будущий комиссар народного образования Луначарский и другие. Осенью 1904 года Ленину удалось провести в Женеве конференцию с участием 22 большевиков, в которой приняли участие также Литвинов и Рыков. Теперь план создания контрорганизации, противостоящей «Искре», был претворен в жизнь. В декабре вышел первый номер газеты «Вперед», позднее переименованной в «Пролетарий». В новой редакции царила полная гармония даже тогда, когда источники денежных средств в России начали иссякать. Здесь Ленин вновь стал непрекаемым авторитетом. Обращение «Ильич», принятое в его свите, фамильярное и одновременно

уважительное – звучит курьезно, но жена тоже называла его так, а не по имени – свидетельствовало о преданности и почитании, которые он встречал в этом кругу. По свидетельству Потресова, Ленин воплощал в себе непривычную для России железную силу воли и неукротимую энергию, в которых соединились фанатичная вера в свое дело и твердая уверенность в себе; именно эта «волюнтаристская избранность» всегда производила впечатление на ленинское окружение и подтверждала его предназначение быть политическим лидером.

С февраля 1904 года всеобщее внимание было привлечено к русско-японской войне. Каждое новое поражение царской армии революционеры встречали с ликованием. Казалось, час революции настал.

Генеральная репетиция революции

Когда до Женевы дошла весть о жестокой расправе над рабочими в «Кровавое воскресенье», которая произошла в январе 1905 года в Петербурге, русские эмигранты пришли в сильное волнение. Согласно официальной легенде, жилище Ленина в Женеве стало штаб-квартирой революции, где он ежедневно наносил на карту обстановку и отдавал распоряжения. Это абсолютно не соответствует истине. В действительности же события накладывались друг на друга, сменяясь с чрезвычайной быстротой; ход военных действий, политические маневры правительства, устремления либерально-конституционных кругов, а также и спонтанные выступления складывались в общую картину событий, находящуюся, разумеется, вне сферы влияния Ленина. Любая попытка какого-либо воздействия из Женевы была бы невозможна из-за недостатка и случайного характера информации. В действительности Ленин поначалу был очень сдержан, в том числе и в советах товарищам, прибывшим из России. Несмотря на

состояние возбуждения он по-прежнему работал в библиотеке. Продолжающееся обострение положения в России подстегивало его ожидания и открывало возможности для объединения всех революционных акций во всеобщем народном восстании, руководство которым захватили бы большевики.

Когда священник-provokator Гапон, приобретший известность в связи с событиями «Кровавого воскресенья» в Петербурге, посетил Ленина в Женеве, Ленину стало ясно, что крестьянство представляет собой весьма значительную революционную силу и может стать важнейшим союзником пролетариата. До сих пор Ленин расценивал крестьянство как преимущественно консервативный фактор. Правда, поначалу он рассчитывал привлечь его лишь с помощью очень скромной программы возврата земельных наделов, переданных помещикам при отмене крепостного права в 1861 году; и только в 1906 году он, дабы не отстать от радикальной программы социал-революционеров, выдвинул требование о национализации всей земли.

III съезд партии большевиков в Лондоне, состоявшийся весной 1905 года – меньшевики одновременно проводили съезд в Женеве – постановил, что восстание является «одной из наиболее настоятельных задач партии», и поручил местным партийным организациям немедленно приступить к агитации за восстание, вооружению рабочих и формированию боевых групп.

Ленин самостоятельно разработал тактику деятельности этих боевых групп, построенную в известной степени на партизанских методах с применением бесшощадного насилия. Дало свои плоды чтение работ Энгельса, который считался военным экспертом марксизма. Его принцип: восстание, как и война — искусство и подчинено определенным правилам, стал для Ленина решающим. Весьма вероятно также, что Ленин, который позднее, во время мировой войны, усердно изучал труды Клаузевица, уже в описываемый период познакомился с его теорией о тесной связи между политикой и искусством ведения войны, с тем, чтобы объединить ее с марксистским понятием классов и конкретизировать для условий гражданской войны.

В частности, сейчас Ленин был готов дать самые вызывающие советы. Когда молодой большевик из Казани спросил его, что необходимо предпринять, в ответ прозвучало: «Разумеется, вооруженное восстание!» Неважно, сулило ли оно в этот момент победу. Почву под автократией следовало поколебать, а массы привести в движение. Важную роль здесь сыграет восстание как таковое. Основываясь на сообщениях с театра революционных действий, создавалась его теория вооруженного восстания: сеть агентов осуществляет связь с массами; эта связь предоставит возможность правильно оценивать обстановку и выбрать подходящий момент для восстания. Совершенно справедливое обвинение в том, что он пропагандирует путч с применением насилия без учета истинного

соотношения сил, то есть, иными словами, занимается «бланкизмом», ничуть не тронуло Ленина. Разумеется, восстание сможет иметь успех лишь в том случае, если созреет общая ситуация; спонтанное движение масс и организованный заговор будут идти рука об руку.

Когда же должно начаться восстание? Ленин придерживался мнения, что следует дождаться возвращения инфицированных революцией войск с театра русско-японской войны, а также роста крестьянских волнений и нанести удар весной 1906 года. Однако, как сообщает Крупская, он был вынужден признать, что движение проходило в значительной степени спонтанно и «в нас так или иначе нет нужды». В случае удачного исхода революции и падения царского правительства Ленин предусматривал установление республики, которая будет представлять собой революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Сформированное временное правительство прежде всего проведет преобразование России, включающее в себя экспроприацию крупных землевладельцев, введение восьмичасового рабочего дня и т.д., которое будет утверждено конституировавшимся национальным собранием. Важным является обстоятельство, что в тот момент Ленин еще считал временный союз с другими социалистами неизбежным. Правда, к тому времени (весной 1906 г.) большевистская партия насчитывала всего 13 тысяч членов. Невозможно с точностью определить, насколько далеко простирались тогда его надежды на то, что

большевикам постепенно удастся переиграть и отстранить группы умеренной ориентации, то есть начать вторую фазу революции, в ходе которой при поддержке европейского пролетариата станет возможным переход к социализму.

Во всяком случае, подъем волны забастовок в сентябре 1905 года убедил Ленина в необходимости вернуться в Россию. Он поехал – в сопровождении жены – через Германию и Швецию. В Стокгольме пришлось сделать остановку, поскольку задерживалась доставка подложного паспорта. Когда в ноябре он наконец прибыл в Петербург, война с Японией уже была закончена; на родину постепенно возвращались части разбитой армии.

По-видимому, пришло время действовать. Однако оказалось, что теоретические замыслы Ленина столкнулись с неожиданными препятствиями, на которые он не рассчитывал. Революционное движение развивалось стихийно и интенсивность его, естественно, не поддавалась механически-рационалистическому управлению. К явлениям неожиданного характера относились, в первую очередь, советы, спонтанно выросшие из недр рабочего движения, появившиеся вначале в провинции, а затем и в Петербурге. Это было нечто совершенно новое, не укладывавшееся ни в схему ленинских боевых лозунгов, ни в рамки решений последних партийных съездов. Второй неожиданностью было то, что решающим фактором стало забастовочное движение, а не вспыхивающие то тут, то там вооруженные нападения: так, в октябре 1905 года это

движение вылилось в гигантскую всеобщую забастовку, которая вынудила царскую автократию пойти на решающую уступку. Россия получила конституцию и народное представительство.

Вернувшийся задолго до Ленина в Россию Троцкий тотчас же вдохновился идеей советов. Петербургский совет избрал его заместителем председателя. Он, хоть и был меньшевиком, все же поддерживал связи с большевиками и уже одной своей революционной теорией далеко отошел от курса, по которому вел Мартов. Ленин по прибытии признал заслуги Троцкого и после некоторого колебания согласился с идеей советов. Он считал, что при определенных условиях они могут послужить ядром временного правительства.

9 ноября 1905 года в Петербурге вышел в свет первый номер ежедневной большевистской газеты «Новая жизнь». Она стала для Ленина трибуной агитации, с которой он призывал ко всеобщему восстанию. Считая обретенную конституцию незначительным в его понимании завоеванием буржуазии, Ленин теперь стремился объединить вновь вспыхнувшие крестьянские мятежи с вооруженными выступлениями пролетариата городов. Когда правительство арестовало исполнительный комитет петербургского совета, в том числе и Троцкого, революционная ситуация в Москве, где большевики имели сильные позиции в рабочей среде, обострилась. Призыв к новой всеобщей забастовке нашел горячий отклик среди трудящихся. Без какого-либо четкого плана сооружались

баррикады. 9 декабря начались уличные бои. По истечении недели ожесточенных сражений московское восстание потерпело поражение. Вопреки предположению Ленина, войска, в особенности недавно подтянутые из Петербурга, проявили верность правительству. Ленин заранее отправился в безопасное место, в Финляндию. Здесь он руководил работой партийной конференции в Таммерфорсе, во время которой впервые встретился со Сталиным. Последний был удивлен, прямо-таки неприятно поражен совершенно бесцеремонной манерой общения Ленина с товарищами. Решили бойкотировать выборы в Государственную думу, предусмотренные октябрьским манифестом царя.

В адрес Ленина раздавалось немало упреков в том, что его агитация послужила причиной ненужного кровопролития. Сам он, сохраняя полную трезвость оценок, считал 1905 год генеральной репетицией грядущей неизбежной победы революции. В одной из работ он охарактеризовал «уроки московского восстания», которые сводились к тому, что управлять восстанием нужно еще более искусно и в будущем наносить удар еще решительнее.

Незадолго до начала работы I Думы, в апреле 1906 года, в Стокгольме состоялся IV (объединительный) партийный съезд русских социал-демократов. Лозунг Ленина, касающийся отношений с меньшевиками гласил: «Мы не позволим идее единства накинуть себе петлю на шею». Когда обнаружилось, что во вновь избранном центральном

комитете меньшевики в большинстве, он сохранил истинно большевистские партийные ячейки. Единство стало лишь формальным.

Роспуск I Думы, вопреки ожиданиям Ленина, не привел к новой всеобщей забастовке. Он немедленно изменил свою тактику по отношению к выборам. Во время совместной конференции с меньшевиками, которая состоялась в январе 1907 года в Петербурге, Ленин внезапно изменил курс в момент, когда небольшая группа предложила действовать совместно с левым крылом либеральной партии кадетов, и заявил о своем соглашении с меньшевиками и выдвижении общих списков. V партийный съезд, собравшийся в Лондоне весной 1907 года, являлся, несомненно, наиболее блестящим совместным форумом русских социалистов всех направлений. Наряду с Зиновьевым, Каменевым, Сталиным и другими большевиками на съезде можно было увидеть писателя Максима Горького, лидеров меньшевиков Мартова, Дана, Церетели, а также Розу Люксембург и других. Теперь Ленину удалось добиться большинства в центральном комитете. С этого момента большевики открыто стали принимать участие в выборах, с тем, чтобы использовать их, а также Думу в качестве трибуны для агитации. Ленин вернулся из Англии совершенно обессиленный от постоянных споров. Крупская позаботилась о том, чтобы он смог в полном уединении отдохнуть в Финляндии, в Стирсуддене. Случалось, что во время прогулки, на привале в лесу, у него закрывались глаза; казалось, будто на

этот раз в ритмичной смене предельной затраты энергии наступил кризис. Однако и теперь рецепт «передышки» в условиях абсолютного отдыха от людей и умственной работы оказал удивительное действие.

В июне 1907 года премьер-министр Столыпин распустил II Думу и посредством государственного переворота навязал новый закон о выборах. Повод, необходимый ему для роспуска Думы, предоставил Ленин: он настоял на том, чтобы депутаты-большевики, пользуясь своей неприкосновенностью, вели агитацию, призывая к вооруженному восстанию. Через провокаторов, внедренных в боевые ячейки, об этом стало известно полиции. На этот раз серьезный удар нанесло правительство. Все 65 депутатов от социал-демократии утратили неприкосновенность и были большей частью сосланы в Сибирь. Тот факт, что это коснулось в особенности меньшевиков, Ленина не интересовало.

Однако и его положение стало ненадежным, его уже разыскивала полиция. Не сумев предупредить жену, Ленин вновь отправился из Петербурга в Финляндию. Когда и здесь ситуация стала критической, он в декабре 1907 года в сопровождении двух крестьян-финнов совершил опасное путешествие по льду Балтийского моря, направляясь на Аландские острова. «Какой глупый способ умереть», — мелькнула у него в голове мысль в момент, когда незадолго до того, как под ногами оказалась твердая почва, лед провалился и они чуть не утонули.

Однако все благополучно добрались до берега, откуда корабль доставил Ленина в безопасное место, в Стокгольм.

С точки зрения либерально-конституционных устремлений революция завершилась успешно. Ленин же, напротив, потерпел фиаско.

Вторая эмиграция (1907–1917). Годы войны

В Швеции Ленин не задержался. Он вновь обосновался в Женеве и в течение двух лет издавал здесь журнал «Пролетарий».

Вначале, несмотря на фиаско, которое он потерпел в Москве, Ленин все еще рассчитывал на всеобщее вооруженное восстание, так как осенью 1906 года он ожидал нового всплеска крестьянских волнений, но начиная с лета 1907 года больше не питал надежд на это. Теперь было необходимо противостоять усиливающейся с каждым днем реакции. С одной стороны, он давал руководящие указания по подготовке к выборам в III Думу; с другой – распорядился возобновить набеги, от которых отказались на лондонском съезде. Речь шла о пополнении партийных касс. Подобные нападения на банковский транспорт были особенно успешными на Кавказе, частью руководимые Сталиным. Например, в июне 1907 года было захвачено 250 000 рублей. Значительные средства доставляла

оперативная группа большевиков из Уральской области, не пренебрегали и производством фальшивых денег. Плеханова и других социалистов возмущали подобные методы добычи денег для партийных касс. Однако Ленин считал, что революция — «тяжелое дело»; ее нельзя «делать в перчатках и с наманикюренными ногтями», а партия не «пансион для девиц», и к ее членам нельзя подходить с мерками ограниченной буржуазной морали.

В целом же многими овладело чувство безысходности. Партию, как и следовало ожидать, охватил серьезный кризис; многие видные представители интеллигенции заявили о выходе из нее. В 1908 году Ленин пребывал еще в большей изоляции, чем в 1903 году. Из числа большевиков, пользовавшихся большим авторитетом, его поддерживали Зиновьев и Каменев. В России многие товарищи находились в Сибири.

В течение длительного времени дружеские отношения связывали его с писателем Максимом Горьким. В апреле Ленин навестил друга, страдающего заболеванием легких, на острове Капри, где тот жил уже давно. Несмотря на то, что Горький тогда тоже вышел из партии, Ленин вновь посетил его летом 1910 года. В революционном 1917 году и в последующие годы между ними произошел разрыв, сгладившийся лишь в последние годы жизни Ленина.

В 1908 году Ленин углубился в научную работу. Целыми днями он просиживал в библиотеке;

временами ездил в Лондон, чтобы там пополнить свои рукописи новыми данными. Результатом проведенной работы явилось произведение «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 г.), наиболее объемная из его работ, если не считать раннего труда, касающегося капитализма в России. Произведение представляет собой критическое толкование философской школы Маха и Авенариуса, которое он предпринял, нисколько не заботясь о методической стороне и не углубляясь в работы обоих авторов. Мах и Авенариус стали объектами его нападок, поскольку их идеи в России послужили основой для попыток Луначарского и Богданова примирить марксистскую теорию с элементами идеалистической философии и христианской религии. Важным для дальнейшего развития замысла Ленина был сформулированный в новой работе вслед за Марксом тезис о том, что любое развитие в природе и истории совершается не только в виде постоянных количественных, но и в виде внезапных качественных изменений. Отсюда вытекает весьма однозначное практическое применение его в политике: социализм может быть осуществлен не только посредством ряда постепенно проводимых реформ, но и путем внезапной смены условий, другими словами, путем революции. Эти теоретико-практические выводы были, как и в других работах, облечены в форму полемических нападок на оппонентов, причем резкие формулировки переходили в настоящие обвинения. Отповедь, данная «реформизму» меньшевиков и западных

социал-демократов, была столь острой и безжалостной, что правомерным будет говорить о подлинном духовном терроре.

На парижской партийной конференции в декабре 1908 года меньшевики, стремившиеся вступить в коалицию с либеральной партией «кадетов», а также «идеалисты» подверглись суровому осуждению.

В ноябре того же года Ленин переселился из Женевы в Париж, ибо ему «надоело сидеть в этой провинциальной дыре». В пригороде, на рю Буанье (Rue Beaupier), была снята квартира из четырех комнат; сестра Ленина, Мария Ульянова, учившаяся здесь, также поселилась вместе с ним и его женой. Ежедневно Ленин ездил на велосипеде в Национальную библиотеку; случались и происшествия: однажды он упал и сильно ушибся, в другой раз украли велосипед. На время обеденного перерыва библиотека закрывалась, так что работу приходилось прерывать. Письма к матери, как и прежде, полны заботы о ней и ее здоровье (в 1909 году она тяжело заболела), а также позволяют сделать вывод и о затруднительном положении самого автора. Ленин предлагал матери окончательно переехать к ним с Надеждой в Париж. Восемь лет назад, летом 1902 года, они вместе провели несколько месяцев на северном побережье Франции. Каким приятным ни было бы это время для матери, она считала, что должна оставаться с младшими детьми, Марией и Дмитрием, которых — как, впрочем, и старшую из детей, Анну, и ее мужа,

чиновника страхового агентства Елизарова — постоянно арестовывали или выслали, хотя самым серьезным их преступлением являлось родство с Лениным. Квартира в Париже была холодной; поэтому вечером приходилось ходить в кино или в театр, однако в большинстве случаев Ленин не выдерживал до конца представления. Ему больше нравилось бывать в кабаре рабочих предместий, где он мог изучать типы простых людей, а также в небольших кафе. Недостаток физических нагрузок возмещали прогулки. Позднее Ленин с семьей переселились в более уютную квартиру на рю Мари-Роз, № 14, поблизости от бульвара Монпарнас. Лето 1911 года Ленин провел у Зиновьева, в сельской местности под Парижем.

В парижский период состоялось и знакомство Ленина с Инессой Арманд. Она была француженкой, выросшей и жившей долгое время в России. Время от времени ее выслали за связь с революционными организациями. Если же теме «Ленин и женщины» придавать какое-либо значение, то, разумеется, не более, чем периферическое, а распространявшаяся в прессе история о Ленине и «аристократке Элизабет К.» оказывается выдумкой. В случае же с этой нервной француженкой со своеобразным асимметричным лицом и чарующими глазами действительно присутствовала некоторая заинтересованность. Она играла ему «Апассионату» Бетховена, которую он готов был слушать снова и снова. Весной 1911 года Инесса Арманд организовала большевистскую «партийную школу»

для русских эмигрантов в Лонжюмо под Парижем; в 1915 году в Берне они совершали прогулки втроем, Надежда не видела никаких поводов для ревности. Смерть Инессы в 1920 году потрясла Ленина на удивление глубоко.

Тогда, в 1910 году, международный авторитет Ленина ощутимо снизился. Многим социалистам он казался безнадежно помешанным революционным сектантом. Со стороны делегатов конгресса II Интернационала, состоявшегося в Копенгагене, он почувствовал враждебное отношение. Возможности влияния на ситуацию в России были невелики. Правда, рабочий класс располагал известной свободой маневра благодаря относительной свободе прессы и независимости союзов. Меньшевики вели активную деятельность в профсоюзах. Ленин, находясь вдалеке, видел в этом серьезную опасность для революционного движения; оно грозило превратиться в реформистский придаток профсоюзного движения. Поэтому было необходимо внедрить в профсоюзные органы своих единомышленников, и по возможности, расставить их на ключевые посты. В объединении рабочих-металлургов стал играть определенную роль Малиновский, генеральный секретарь партии, ставший спустя некоторое время заместителем Ленина в России и лидером большевистской фракции в IV Думе. Когда позднее выяснилось, что он был агентом охранки и играл двойную роль, Ленин попытался замять дело, однако потом все же был вынужден отказать ему в поддержке. После Октябрьской

революции Малиновский предстал перед партийным судом и был расстрелян. Большевистская фракция III Думы при оживлении забастовочного движения стала фактором, сдерживающим его. С 1910 года в Петербурге вновь начала выходить еженедельная газета социалистов «Звезда» (1910–1912 гг.), в которой некоторое время сотрудничал Плеханов, пока она не стала чисто большевистским органом.

Отношения с меньшевиками становились все более напряженными. На одном из заседаний совместного центрального комитета в Париже в 1910 году Ленин заявил о своих претензиях на осуществление руководства; это была пустая декларация, не воспринятая всерьез меньшевиками и «бундовцами», тем более что отдельные представители большевиков отстаивали идею объединения. В январе 1912 года на очередной партийной конференции в Праге произошел окончательный разрыв между большевиками и меньшевиками, последние были исключены из партии. С этого момента друг другу противостояли две отдельные партии; лишь в Думе все еще осуществлялось сотрудничество в рамках объединенной социалистической фракции. В новый большевистский центральный комитет наряду с Лениным, Зиновьевым и др. вошел также Малиновский; по его предложению был кооптирован Сталин, которого Ленин ценил как дерзкого заговорщика и жесткого организатора. Сталин являлся для него незаменимой фигурой на российском фронте, поскольку все

видные партийные лидеры находились за границей. В Праге было также принято решение об издании «Правды», первый номер которой вышел 22 апреля 1912 года. Тираж этой газеты вскоре достиг 40000 экземпляров.

Произошедшие события побудили Ленина перенести место своего проживания ближе к границам России. Он отвез Надежду в Швейцарию, к бернскому врачу доктору Кохеру, для лечения заболевания щитовидной железы, а сам и июне 1912 года переселился в Краков, на территорию Польши, в то время принадлежавшей Австрии. За ним последовали Зиновьев и Каменев, некоторое время они жили в одной квартире. Это было время, полное нетерпения и ожиданий. В Кракове часто происходили партийные совещания, на которые приезжали эмиссары со всех концов России. В декабре 1912 года было решено сформировать на фабриках тайные комитеты и в рамках подготовки забастовок организовывать уличные демонстрации. В тот период, начиная с весны 1912 года, наблюдался мощный рост забастовочного движения, толчок которому дала забастовка на ленских золотых приисках, где при столкновении с войсками было убито 250 человек. Это кровопролитие вызвало бурную реакцию общественного мнения. Во многих городах европейской части России прошли забастовки протеста, в которых приняли участие почти полмиллиона рабочих. «Выстрелы на Лене, — писал Ленин, — сломали лед молчания, и поток народного движения пущен в

ход». Забастовочное движение больше не ослабевало, и в августе 1914 года, незадолго до начала войны, число участников его достигло полутора миллионов. На заседании большевистского центрального комитета в Закопане в августе 1913 года Ленин добился окончательного разрыва с меньшевиками в рамках думской фракции, так что теперь в ней семь меньшевиков противостояли шести большевикам. На страницах «Правды» и в Думе концентрировалась вся большевистская агитация против неприятеля; правительство взирало на это не без удовольствия, ибо считало меньшевиков опаснейшими революционерами.

После январского заседания Думы Сталин, чьи статьи в «Правде» казались Ленину слишком миролюбивыми, несколько недель провел за границей; он получил задание написать в Вене работу о «марксизме и национальном вопросе». Филологическую помощь оказывал ему Бухарин, Ленин составил общий план и проконтролировал результат, так что работа в большей или меньшей степени отражала его собственный взгляд на эту столь важную для России проблему. В отличие от Бауэра и Реннера, австромарксистов, Сталин отвергал личностный принцип в вопросе о национальности и признавал право на самоопределение и автономию лишь за народами, имеющими замкнутую территорию расселения.

В международном рабочем движении возникло серьезное беспокойство относительно единства российского пролетариата. Когда в июле 1914 года

в Брюсселе была созвана конференция, лидеры меньшевиков явились, а Ленин нет. Несколько незначительных фигур из числа последователей Ленина по его заданию отвергли предложение об объединении. Отношения между меньшевиками и большевиками становились все напряженнее, язык полемики все резче. «Ленин – человек с железной волей и несравненный организатор боевых групп, – сказал русско-французский коммунист Раппопорт, – но он социал-демократический царь, считающий себя сверхмарксистом», в действительности же «представляет собой не что иное, как первоклассного авантюриста»... Его победа «была бы серьезнейшей угрозой русской революции; Ленин обнял бы ее так крепко, что она задохнулась бы». Лишь значительно позднее, в конце лета 1917 года, именно то, что в ленинских агитационных призывах вызывало возражения: ярко выраженный радикализм, упрощенные и примитивные лозунги, оскорбления личного характера, упадет на благодатную почву широких российских масс. Поначалу аргументы меньшевиков оказывали на российский пролетариат большее воздействие, в то время как крестьянство находилось под влиянием социал-революционеров.

Когда мир всколыхнули выстрелы в Сараево, Ленин придерживался мнения, что начало войны, хоть и весьма способствовало бы делу революции, все же является маловероятным. Он считал, что социал-демократическая партия Германии проголосует против военных кредитов. Когда же произошло обратное, Ленин был потрясен.

Все русские, живущие в Австрии, подозревались в шпионаже; на квартире у Ленина также производили обыски, однако никаких существенных материалов не конфисковали. В конце концов его все же арестовали. В Вене за него ходатайствовал австрийский социалист Виктор Адлер, и в сентябре 1914 года Ленину было разрешено выехать в Швейцарию.

На этот раз он разместил свою штаб-квартиру в Берне. Тайное собрание, состоявшееся в лесу неподалеку от города, приняло резолюцию: эта война является империалистической и захватнической, а поведение партий — членов II Интернационала, поддержавших правительства, предательством интересов пролетариата. Однако в ходе дебатов в Цюрихе Ленин также выступил против лозунга Троцкого «Мир любой ценой». Напротив, Ленин считал, что войну следует приветствовать, потому что она представляет собой мост к революции и должна перейти в гражданскую войну. В окопах будут сформированы революционные ячейки. Сообщения о неудачах русской армии настраивали Ленина на радостный лад; он уже тогда заявлял, что Россия должна уступить нерусские западные провинции, поскольку великороссы с давних пор угнетали другие народы.

В Лозанне Ленин, мертвенно-бледный от возбуждения, но сохраняя спокойствие, выступил против Плеханова, который в своей речи призвал всех социалистов поддержать союзников. Спустя некоторое время Ленин выступил с докладом, чтобы

дать подробное объяснение своим тезисам. В прессе опубликовали его заявление, содержащее радикальную формулировку: нам, революционерам-марксистам, все равно, кто выиграет войну, однако желательным было бы поражение царского правительства, ибо оно является наиболее варварским и отсталым из всех империалистических правительств.

Итак, Ленин нашел новых противников, на которых обрушился со всей страстью: пацифисты и отказывающиеся участвовать в военных действиях. По его мнению, они разрушали блестящие перспективы, открытые войной перед революцией; война — явление не случайное, а неразрывно связанное с существованием капитализма.

Обрушиваясь в Швейцарии на «социал-пацифистов», с одной стороны, и на «социал-патриотов», с другой, он требовал от депутатов Думы в Петрограде подписания заявления о том, что рабочие России ожидают поражения царизма. Совещание на эту тему, собранное в Финляндии в сентябре 1914 года, было сорвано полицией, в октябре прошли аресты, участникам совещания предъявили обвинение в государственной измене. Депутаты Думы утратили свою неприкосновенность и были сосланы в Сибирь, где уже находилось немало видных большевиков, например, Сталин. Ленин поддерживал с ними связь. В среде социал-революционеров и меньшевиков произошел раскол на патриотов и интернационалистов, в число последних входили Аксельрод, Мартов и Троцкий.

Во время войны в Швейцарии прошли две международные социалистические конференции. В сентябре 1915 года в Циммервальде Ленин выдвинул предложение о создании нового Интернационала и обращении ко всем рабочим и солдатам воюющих стран с манифестом. Наиболее серьезным оппонентом Ленина был немецкий социалист К. Каутский, который, впрочем, лично при этом не присутствовал; он был противником войны, а также отрицал ее переход в войну гражданскую. Позиция Каутского встретила одобрение большинства. В конце концов на основании компромиссного предложения приняли совместную резолюцию, объединявшую пролетариат Европы под лозунгами мира без аннексий и контрибуций и самоопределения народов; в результате социалисты, являвшиеся противниками войны, объединились в так называемый Циммервальдский союз, носивший чисто формальный характер.

Со временем у Ленина возникли материальные трудности. Доходы от публицистической деятельности никогда не были значительными; средства, ранее поступающие из России, в том числе и пожертвования состоятельных людей, иссякли. Его заявление на участие в составлении российской энциклопедии не было принято. На что же жить? Каким образом финансировать свою политическую агитационную деятельность? В 1921 году на страницах газеты «Вперед» Эдуард Бернштейн утверждал, что к концу войны Ленин получил из германской государственной казны свыше 50 миллионов

марок золотом на дезорганизирующую агитацию в России. Еще летом 1917 года подобные слухи активно использовались в антибольшевистской пропаганде Временного правительства. Лишь сейчас изучение документов Министерства иностранных дел дает неопровержимые доказательства того, что еще в начале войны правительство Германии установило связь с российскими революционерами, находившимися в Швейцарии, ознакомилось в общих чертах с программой Ленина и через посредников передавало значительные денежные средства. Ленин без зазрения совести принимал деньги на борьбу с ненавистным царизмом или Временным правительством из любых источников.

Переезд Ленина из Берна в Цюрих в феврале 1916 года был обусловлен надеждой на более интенсивные контакты с местными рабочими; одновременно, по-видимому, возникла необходимость замести следы тайных связей в Германии. В Цюрихе Ленин поселился в пролетарском окружении; частыми посетителями его хозяйки были представители цюрихского дна. Ленина забавлял жаргон, который ему приходилось слышать в этих кругах. Вскоре он переехал к революционно настроенному сапожнику на Шпигельгассе, №14. Однако в Цюрихе ему было одиноко. Связи с Россией оставались слабыми, с местными радикалами и эмигрантами также не возникло настоящего контакта. «Это выглядело трагически, — пишет Крупская, — когда однажды он держал за пуговицу пальто редактора-социалиста, радуясь, что

ему удалось поймать его на улице, чтобы объяснить тому неизбежность мировой революции, пока он не вырвался». Ленин напоминал ей белого медведя с российского Севера, которого они видели в лондонском зоопарке.

Теперь он приступил к изучению философских трудов, для чего до сих пор не находил времени; Ленин пытался углубить свои знания с помощью работ Аристотеля, Лейбница, Фейербаха и Гегеля. Переписка Маркса с Энгельсом по вопросам диалектики, опубликованная в 1913 году, убедила Ленина в том, что понятие «Капитал» без знакомства с логикой Гегеля невозможно. Но правильно ли Ленин понимал Гегеля? Имеющиеся отрывки и написанные в тот период «Философские тетради» (впервые опубликованные лишь в 1929 году) позволяют усомниться в этом; сам он признавался, что читал Гегеля «материалистически», в известной степени вынося за скобки «Бога и все абсолютное», или царапал на полях замечания типа: «Чепуха», «Ха-ха!», «Пустое и скучное», «Мистицизм», «Ложь», «Смрад», «О Боге можно сожалеть, идеалистическая подлость» и проч.

Нельзя не заметить, что Ленин дает Гегелю весьма своеобразное, собственное толкование; для Ленина ядро принципа диалектики составляло не единство противоположностей, а борьба между тезой и антитезой.

На второй социалистической конференции в Кинтале в апреле 1916 года «Циммервальдер Линке» добилась принятия резолюции, выносящей

порицание II Интернационалу и его бюро. Ленин, в свойственной ему манере, с энтузиазмом выступал против пацифизма; «войны будут ликвидированы лишь после победы социализма во всем мире».

Затем он взялся за следующую большую работу, которая принадлежит к наиболее значительным произведениям, вышедшим из-под его пера, и представляет собой своего рода требник большевиков по вопросам внешней политики: «Империализм как высшая стадия капитализма». Что касается разделов этой работы, в которых затрагиваются вопросы экономической теории, то они содержат мало оригинального, автор основывается большей частью на работах Гобсона и Хильфердинга. Однако в своих практических выводах относительно политики большевиков Ленин пошел гораздо дальше Маркса и в первую очередь выступил как оппонент ведущего немецкого теоретика социализма К.Каутского. Империализм по сути своей является монополистическим капитализмом, который представляет переходную ступень от капиталистической формы экономической организации общества к более высокой ее стадии. Подобный переход может быть осуществлен лишь революционным путем. Этому может способствовать война, к которой стремятся капиталистические государства, поскольку в погоне за новыми рынками они не могут урегулировать свои споры иным путем. Важнейшим выводом из данных рассуждений был перенос идеи классовой борьбы на

отношения между господствующими и угнетаемыми народами и таким образом на международный уровень. В одной из статей 1915 года Ленин написал об освобождении колоний как результате победы пролетариата в России. Теперь эта мысль нашла свое подробное теоретическое обоснование. Значение другого важного вывода состоит в том, что Ленин совершенно по-новому осветил роль России в этом процессе. Позднее Сталин дал более острую формулировку его мысли: «Фронт капитала прорвется там, где цепь империализма наиболее слаба. Поэтому нет необходимости в том, чтобы пролетарская революция вначале произошла, как считали Маркс и Энгельс, в промышленно развитых странах; она может победить и в отсталых странах, например, в России, если только пролетариат достигнет необходимой политической зрелости». Именно так, считал он, все и происходит. И хотя в оценке западного капитализма Ленин допустил немало фундаментальных ошибок, в этом прогнозе он оказался прав. Спрашивается только, насколько социализм, осуществленный в России после 1917 года, соответствует представлениям Маркса и Энгельса.

В 1916 году Ленин получил весть о смерти матери. Она пережила отца на 30 лет. В последний раз Ленин виделся с ней в 1910 году в Стокгольме, когда прибыл туда на международный конгресс социалистов. Она приехала туда, чтобы увидеться с сыном, поскольку Париж был слишком далеко. Здесь, в Стокгольме, она в первый и в последний

раз услышала публичное выступление сына; в порту произошло печальное прощание. Ее смерть была для Ленина большим ударом. На протяжении всей жизни между матерью и сыном существовали тесные, сердечные отношения. Сразу же по прибытии в Петроград в апреле 1917 года Ленин отправился на кладбище.

Никогда он не чувствовал себя хуже, никогда не ощущал себя в большей изоляции, чем в последнюю зиму, проведенную в Швейцарии, когда Крупская была чуть ли не единственным из видных членов партии, оставшихся на его стороне. Многие называли его высокопарным глупцом, фанатичным сектантом революции. Даже бывшие — и позднее покаянно возвратившиеся — соратники разочаровались в нем. «Ленин не заслуживает помощи, — заявил Красин, который получил в России хорошую должность в качестве инженера и отклонил помощь бывших товарищей. — Он являет собой тип разрушителя, никогда не узнаешь, какие дикие проекты возникнут в его татарском черепе». «Если Ленин когда-нибудь придет к власти, — говорил Менжинский, — он натворит не меньше бед, чем царь Павел I. Ленинисты — даже не фракция, а племя партийных цыган, которые размахивают кнутами и надеются своим криком заглушить голос пролетариата».

На собрании молодых рабочих Цюриха в январе 1917 года Ленин заявил, что нынешняя гробовая тишина в Европе не должна вводить в заблуждение относительно того, что континент носит

в себе заряд революции, однако он с некоторым разочарованием добавил: «Старшее поколение не доживет до решающих боев грядущей революции в России, только новое поколение выйдет победителем из пролетарской революции».

Шесть недель спустя в результате февральской революции пал царский режим. Когда однажды утром один из революционеров-эмигрантов ворвался к Ленину с сенсационной новостью, тот не хотел верить; цюрихские газеты подтвердили сообщение. То, чего он так долго и страстно ждал, совершенно неожиданно стало явью.

Возвращение

Теперь вся энергия Ленина сконцентрировалась на одной мысли: назад в Россию. Он метался, как пишет Троцкий, взад и вперед по своей цюрихской «клетке», ища выхода, и проявлял неиссякаемую энергию, устанавливая связь с революционерами в России. С помощью корреспонденции Ленин собирал эмигрантов, рассеянных по разным странам, давал рекомендации, вырабатывал тезисы и резолюции. Он не слишком доверял своим представителям в Петербурге. Там Молотов и Шляпников руководили небольшим бюро большевиков и намеревались выступить в «Правде» с нападками на Временное правительство. Каменев, Свердлов и Сталин, вернувшиеся из ссылки, стали проводить курс на примирение, который предполагал сотрудничество с другими группами социалистического направления. В этой ситуации появились «Письма издадека» Ленина, заставшие читателей газеты насторожиться. Они адресовались сестре Марии. В «Письмах» Ленин призвал к свержению Временного правительства и составил программу действий для

всеобщего совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; требовал отмены всех договоров с союзниками и освобождения колоний. Это были первые раскаты ожидаемой мировой революции.

Ничего не подозревавшее Временное правительство не выразило протеста против его возвращения на Родину. Однако, как и у Троцкого, возникли трудности при получении транзитной визы для проезда через Англию и Францию; так возникла идея ехать через неприятельскую Германию. Вначале ее высказал Мартов, а немецкие и местные социалисты в Швейцарии подготовили дальнейшую почву. Переговоры с посольством Германии в Берне вели Фриц Платтен и Пауль Леви; в Германии Парвус Хелпханд через некоторых немецких политиков нашел доступ к рейхсканцлеру Бетману Холльвегу, и, наконец, дало согласие высшее руководство армией. Таким образом, не было необходимости претворять в жизнь абсурдную идею Ленина — добираться домой через Германию, притворившись глухонемым шведом. В связи с возвращением русских революционеров в Россию правительство Германии ожидало значительного ослабления сопротивления и развала внутреннего фронта. Было известно, что Ленин поддерживает свержение царизма. Предоставление ему возможности приступить к деятельности находилось в полном соответствии с практикой финансовых субсидий.

То обстоятельство, что Ленин поедет через Германию без согласия Петроградского совета,

вызвало негодование социалистов Швейцарии; Ромен Роллан, с которым Ленин поддерживал связь через французского социалиста Гильбо (Guilbeaux), также не советовал этого делать и не появился на вокзале несмотря на приглашение Ленина.

В прощальном письме рабочим Швейцарии Ленин изложил свой взгляд на русскую революцию и ее взаимосвязь с мировой революцией. «Русскому пролетариату, — сказано в нем, — принадлежит честь открыть шеренгу последующих революций. Впрочем, этот пролетариат не является избранным в ряду других отрядов рабочих. Отнюдь не его качества, а особые исторические условия сделали российский пролетариат, быть может, только на короткое время, авангардом международного пролетариата. Одними лишь собственными силами пролетариат России не сможет завершить социалистическую революцию. Однако можно настолько широко распространить русскую революцию, что условия для мировой революции будут созданы прежде, чем пролетариат Европы и Америки вступит в свои решающие битвы».

8 апреля 1917 года настал день отъезда. Вместе с Лениным и его женой ехали Зиновьев, Радек и другие большевики, а также 20 эмигрантов, не принадлежавших к большевикам. На цюрихском вокзале состоялись демонстрации противников Ленина, его сторонники запели «Интернационал». Ленин, улыбаясь, стоял у окна своего купе. Он все еще стоял там и несколько часов спустя,

когда поезд уже шел по Германии. Разумеется, поезд не был в буквальном смысле слова «опломбирован», хоть остановок в Германии и не предусматривалось. 13 апреля прибыли в Швецию, стокгольмский посредник Ленина Ганецкий встретил его и посоветовал остаться в Швеции до выяснения ситуации. Хелпханд просил передать Ленину, что существует настоятельная необходимость незамедлительного проведения мирных переговоров, на что Ленин ему ответил: «Моя специальность – политическая агитация, а не дипломатия».

И вот наконец настал час прибытия на Финляндский вокзал Петрограде, где его ожидала толпа, исчислявшаяся тысячами. Это было 3 (16) апреля 1917 года. Ленин 10 лет находился вдалеке от России. Вождя внесли на плечах в здание вокзала, где меньшевик Чхеидзе от имени Петроградского совета поздравил его с прибытием. Теперь революцию необходимо защитить от всех внешних и внутренних посягательств, он надеялся на поддержку Ленина. Ответ Ленина был абсолютно однозначным. Он обратился к трудящимся массам. От имени победоносной русской революции Ленин приветствовал в их лице авангард международной армии пролетариата. Он цитировал Либкнехта и произносил здравицы в честь мировой социалистической революции. Это был язык, непривычный для Петроград даже после свержения царя.

С балкона дворца знаменитой балерины Кшесинской, который стал штаб-квартирой большевиков,

Ленин

Ленин еще раз выступил перед народом и предсказал скорое начало революций в Германии, Франции и Англии. Затем в большом зале заседаний лидеры большевиков проинформировали его о создавшемся положении. Тут Ленин дал себе полную волю и настолько язвительно резко выступил против нынешнего курса «Правды», что многих участников собрания охватил ужас. «Никогда, — пишет Суханов, один из свидетелей этих событий, — я не забуду речь, которая разразилась над собранием подобно грозе и потрясла и привела в замешательство не одного меня. Казалось, будто были выпущены на волю все стихии и демон разрушения двинулся на нас из бездны, презирая любые препятствия и сомнения, личные трудности и предрассудки... через головы зачарованных приверженцев». Закончив атаку на собственных последователей, Ленин разорвал связь между большевиками и другими социалистическими партиями, то есть с большинством советов. После всего услышанного Каменев первым взял себя в руки и призвал принести клятву верности Ленину как «признанному вождю нашей партии».

Когда на следующее утро на представительной конференции социал-демократов в Таврическом дворце, штаб-квартире советов, Ленин в таких же резких и непримиримых выражениях похоронил всякие надежды на единство социалистических партий, возмущение было гораздо большим. «Это бредовые идеи безумца, — воскликнул Богданов, — его концепция абстрактна,

он не понял смысла революции». Еще более примечательны слова бывшего большевика Гольденберга, который охарактеризовал позицию Ленина как полное отрицание социал-демократической доктрины и всей теории научного марксизма. «Мы только что услышали ясную и недвусмысленную проповедь анархизма. Его провозвестником, наследником Бакунина, является Ленин... Возник новый Ленин, Ленин-анархист». Не случайным является тот факт, что в 1916 году в Швейцарии и теперь, в 1917 году в Петрограде, Ленина воспринимали как Бакунина *redivivus*¹. Как бы ни старался марксизм отмежеваться от анархизма, сколь ожесточенными ни были бы полемика и последующая политика Ленина, направленные против анархизма, все же корни его революционной деятельности уходили не только в народничество, но и в анархизм. Если рассматривать Бакунина не только как автора известного высказывания «Разрушение — это радость созидания», но и как сторонника «сильной диктаторской власти», которая «в России необходима более, чем где бы то ни было», то между марксизмом и анархизмом обнаружится больше точек соприкосновения, чем принято считать.

Критическим дискуссиям в среде лидеров социалистических партий сопутствовали враждебные настроения широких слоев народа. Прimitивный пропагандистский штамп, объявивший Ленина агентом Германии, возымел действие.

¹ Воскресший, возрожденный, новый. — *Прим. перев.*

Имели место демонстрации, направленные против вождя большевиков.

Несколько дней спустя Ленин опубликовал свои «Апрельские тезисы». Они представляли собой его программу действий и не оставляли сомнений ни в стремлении к разрыву с буржуазной демократией и ее Временным правительством, ни в приверженности новой непарламентской системе советов. «Если удастся склонить на сторону этой системы большинство в совете, то отпадет необходимость в решающей схватке с применением насилия. В противном случае гражданская война является неизбежной». Этот тезис Ленина вызвал резкое неприятие не только других партий, но и среди его товарищей. Каменев даже выступил с возражениями в «Правде».

На партийной конференции, состоявшейся в мае, предложение Ленина о немедленном разрыве с международным рабочим движением и создании нового «Интернационала» было отклонено, так же, как и требование переименовать партию в «коммунистическую». Однако собрание одобрило его точку зрения на национальный вопрос, который предполагал право наций на самоопределение вплоть до отделения, и в заключительной резолюции большинство склонилось на сторону Ленина. В итоге однозначно установили, что нужно вести борьбу против Временного правительства и не следует сотрудничать с меньшевиками.

Начиная с этих апрельских дней партия большевиков получила новую ориентацию. В оппозиции

у Ленина не было недостатка и в дальнейшем, особенно Зиновьев и Каменев, постоянно демонстрировавшие самостоятельность своего мышления. В конечном итоге авторитет Ленина теперь оставался непоколебимым.

Ленину было уже 47 лет. Он имел за спиной почти двадцатипятилетнюю карьеру революционера и опыт, приобретенный в период революции 1905 года, мог теперь реализовать, так же как и знания, полученные за границей. Ленин расширил свой кругозор, усовершенствовал языковые навыки, углубил знания философии и экономики. Однако в Ленине оставалось нечто не от мира сего, и возникало впечатление, что шоры доктринерства мешают ему осознать реальность иных форм жизни и исторических предпосылок. Например, одно из наиболее фундаментальных заблуждений подстерегало Ленина при оценке социальных условий в англосаксонских странах, где он, в отличие от Маркса и Энгельса, отрицает возможность эволюционного пути.

Теперь вопрос состоял в том, сможет ли он после пятнадцатилетнего отсутствия, если не считать полутора лет революции, дать правильную оценку положению в России и на ее основе принять соответствующие решения. Непосредственный контакт с рабочими России Ленин имел лишь в 1894–1895 годах в Петербурге; его общение с крестьянством также носило весьма поверхностный характер. Представления о структуре партии и о тактике революционной борьбы выработались

в эмиграции, в обстановке изолированности. В связи с этим закономерно возникал вопрос: достаточно ли будет этих теоретических выводов для того, чтобы немедленно начать действовать в реальных условиях?

Оппоненты Ленина снова и снова сталкивались с его целеустремленностью и силой воли, так же, как и с внезапными поворотами тактики. Сейчас, в апреле 1917 года, он в принципе позаимствовал теорию Троцкого о перманентной революции, которую отвергал в 1905 году, а вместе с ней и неприятие компромиссов с буржуазной демократией и другими социалистическими партиями. Решающим фактором предстоящей революции являлись народные массы, начиная с момента их освобождения в феврале. Имея специфическую точку зрения на партию, Ленин не считал себя представителем масс, ни крестьян, ни солдат, ни рабочих. Однако они станут для него инструментом, с помощью которого партия придет к власти.

«Вся власть Советам!» — этот лозунг был брошен в массы, и в его выразительной простоте содержалось не меньше зажигательной силы, чем в требованиях о мире и земле. Относительно того, что советы — лишь ширма для последующего захвата власти партией, массы пребывали в таком же неведении, как и относительно отведенной им функции. Однако сейчас речь шла только о том, чтобы именно завоевать эти массы.

Ленин поднимался на ораторские трибуны и с каждым разом все больше привлекал слушателей

на свою сторону. Его речь звучала отрывисто и немзыкально, и находились слушатели, например, Федор Степун, на которых она оказывала воздействие скорее отталкивающее, чем притягательное. Однако и они подчеркивают суггестивную убеждающую силу его речей. В чем состояла тайна ленинской риторики? Некоторые моменты можно объяснить аналогично воздействию стиля его письменной речи. Выражения Ленина зачастую производили впечатление избитых, может быть, банальных, однако благодаря медиуму стоящей за ними личности приобретали значимость и полновесность. «Я понял, — пишет Луначарский, — что как трибун этот человек должен производить сильное, незабываемое впечатление. Я уже знал, насколько силен Ленин как публицист своим грубым и необыкновенно простым стилем, своим талантом так варьировать любую, даже самую запутанную мысль, что она наконец запечатлевается в самом ограниченном уме». По сравнению с другими выдающимися народными ораторами партии, прежде всего с Троцким, язык Ленина казался лишенным пламенного воодушевления, ритмического построения, подлинного напряжения, которые, как правило, необходимы для того, чтобы увлечь массы и внушить им желаемое. Голос его звучал зачастую хрипло, а подчас тускло и бесцветно; в используемых им оборотах речи отсутствовал какой бы то ни было пафос и прочие ораторские украшения. Любил же он популярные, заимствованные из разговорного языка выражения, исконно народные

сравнения и характеристики. Правда, при случае мог употребить какую-либо из латинских пословиц, в которых ценил краткость и точность формулировок, не было недостатка и в библейских выражениях, однако еще охотнее он черпал свои образы из басен Крылова. Иногда ему удавались красочные сравнения или языкотворческие формулировки собственного сочинения, которые долго еще оставались эффектными. Риторика Ленина захватывала дух, особенно в те моменты, когда он выбирал себе оппонента, выставлял его слова в ироническом свете и лишал их первоначального смысла. С помощью целой системы язвительных выкриков он пытался полностью выставить оппонента на посмешище и уничтожить его. Случалось, Ленин с удовольствием постоянно повторял одну и ту же формулировку, постепенно все больше подчеркивая ее значение, стремясь таким образом вдолбить ее в головы слушателей и сконцентрировать на ней их внимание. Его речь была обращена не столько к эмоциям и силе воображения, сколько к воле и решимости. Он принуждал своих слушателей к участию в принятии решений, увлекал их собой, так что некритичный слушатель мог бы, подобно Горькому, сказать: «Речь его всегда вызывала физическое ощущение неотразимой правды, и даже если эта правда часто была для меня неприемлема, я все же не мог не чувствовать постоянно ее силу».

Теперь Ленин наконец имел возможность обратиться не к узкому кружку заговорщиков или

закрытому собранию, а к целым массам людей на улице с импровизированных сцен, с балконов, с броневигов. Всеразрушающий и всеутверждающий пыл его красноречия, несущего в себе заряд воли и энергии, охватывал массы людей, взбудораженных войной и переворотом, словно трут, который долгое время был иссушен, чтобы теперь наконец ярко вспыхнуть. Именно анархические инстинкты своих слушателей и умел в первую очередь всколыхнуть Ленин.

С открытием I Всероссийского съезда советов в июне 1917 года мгновенно стало ясно, что он, подобно охотнику в засаде, выжидает момент для молниеносного захвата власти. Из 833 делегатов лишь 105 были большевиками. Когда Ленин приветствовал советы подобно конвенту времен французской революции 1792 года и потребовал забрать всю полноту власти из рук Временного правительства, ему возразил Церетели, один из министров-меньшевиков: «Нет такой политической партии, которая была бы способна, действуя самостоятельно, покончить с хаосом и взять в свои руки власть». «Нет, — раздалась знаменитая реплика Ленина, — такая партия есть! Наша партия каждую минуту готова взять власть целиком». Собрание отреагировало на это высказывание смехом, Керенский в ответ предостерег от сравнений с 1792 годом и от насильственных методов, однако в конце съезда Ленин снискал аплодисменты.

Церетели, распознав опасную решимость Ленина и его людей, потребовал разоружить

«заговорщиков». Действительно, Ленин вынашивал следующий план: во время съезда, при поддержке массовых демонстраций, свергнуть посредством путча Временное правительство и захватить власть именем советов. Однако центральный комитет колебался, да и сам Ленин потерял прежнюю уверенность. Когда же по отношению к большевикам не последовало никаких мер, слабость правительства стала очевидной.

Изнуренный первым этапом крупного политического сражения за власть, лихорадочный темп которого истощил его силы, Ленин отправился на финские озера для короткого отдыха. Как зачастую и раньше, купание и плавание стали для него хорошей разрядкой; то, к чему он привык на Волге и в Сибири, а позже и в Швейцарии, оказало благотворное действие и сейчас; Ленин мог часами загорать, а потом неожиданным прыжком броситься в воду.

4 июля он получил сигнал боевой тревоги — сообщение о том, что в Петрограде наступило новое обострение революционной ситуации. Ленин немедленно прервал отдых и возвратился в столицу.

Октябрьская революция

Теперь должно было осуществиться то, что планировалось в июне во время съезда советов. Подходящей предпосылкой для этого явился провал начавшегося по приказу Керенского наступления на фронте. Под руководством большевиков состоялась демонстрация рабочих и солдат по направлению к Таврическому дворцу, в котором располагались советы, всю ночь напролет призывавшие к свержению Временного правительства и захвату власти. Произошли кровавые столкновения. Лишь после того как выяснилось, что развязывание рук уличной толпе не повлекло за собой всеобщего народного восстания и что исполнительный комитет совета отказался от каких бы то ни было экспериментов, руководство партии большевиков приняло решение «направить демонстрации в мирное русло». Как и в ходе прежних попыток, в мае и в июне, восстание — и это признал сам Троцкий — разразилось слишком рано.

Временное правительство ввело в город войска и вновь восстановило спокойствие. Бюро большевистской партии и редакция «Правды»

были заняты, Троцкий и Каменев арестованы. Ленин вначале скрывался у петроградского рабочего Аллилуева (дочь которого позднее стала второй женой Сталина). После короткого размышления, не отдать ли себя в руки правосудия, он решил бежать. Вместе с Зиновьевым он в течение нескольких недель скрывался на болотах севернее Петрограда. Ночлегом служила копна сена. Затем ему удалось, сбрив бороду, в белокуром парике, выдавая себя за «финского рабочего», совершить рискованное путешествие по болотам и уйти через финскую границу. Вначале он поселился в Гельсингфорсе. Лишь в преддверии Октябрьской революции Ленин возвратился в Петроград.

К этому периоду относится его работа «Уроки революции», в которой он подвел итоги выступлений в мае и июле этого года. На основании поражения своей партии он не сделал вывода о том, что вооруженное восстание является неправильным путем к власти, напротив, теперь он отказался от всяких надежд на мирное развитие событий и взял энергичный курс на вооруженное восстание. Партии, составляющие в советах большинство, он обвинил в содействии контрреволюционным, «бонапартистским» силам. Теперь лозунг гласил не «Вся власть Советам!», а «За диктатуру пролетарских масс!». В качестве авангарда пролетариата выступала партия большевиков. Ее задача состояла в том, чтобы ускорить новый революционный кризис и воспользоваться им.

Конфликт между Керенским, который в июле, непосредственно после подавления попытки большевистского путча, стал премьер-министром, и верховным главнокомандующим, генералом Корниловым, имевший место в сентябре 1917 года, укрепил Ленина в движении по этому маршруту. То обстоятельство, что Керенский был вынужден обратиться с призывом участвовать в подавлении корниловского мятежа к социалистическим организациям и даже к кронштадтским матросам как наиболее радикальному элементу столицы, способствовало всеобъемлющей радикализации и дало большевикам возможность стать истинным победителем в этом конфликте. В Петрограде и Москве они теперь добились большинства в советах. Прежний лозунг «*Вся власть Советам!*» теперь мог вновь использоваться в ином смысле: «*Вся власть большевистским Советам!*», то есть партии большевиков.

Между тем Ленин, находясь в финской эмиграции, нашел время и для фундаментального сочинения, которое получило название «*Государство и революция*» и принадлежит к наиболее значительным произведениям, вышедшим из-под его пера. В нем автор вслед за Марксом и в особенности Энгельсом, последователем которого он являлся в гораздо большей степени, рассматривает роль государства в капиталистическом и социалистическом обществе. Не принимая во внимание ограничивающего замечания Маркса о возможности мирного развития, Ленин безапелляционно констатирует: «Смена буржуазного

государства без революции с применением насилия невозможна; в Англии и Америке разрушение государственной машины также является предпосылкой революции». С одной стороны, Ленин требует разрушения буржуазного государства и замены его диктатурой пролетариата, а не просто взятия власти; с другой — и в этом отчетливо проявляется направленность работы против анархистов, — подобное разрушение не может произойти, не сопровождаясь одновременной ликвидацией буржуазии.

Подлинное «отмирание» государства возможно лишь в коммунистическом и бесклассовом обществе. До тех пор государство необходимо для подавления противников пролетариата и, как каждое государство, диктатура пролетариата будет инструментом не свободы, но подавления. В ходе резкой полемики «продажному и прогнившему» буржуазному парламентаризму с его «балаганами» противопоставляется новая демократия «бедняков», в которой исполнительная и законодательная власти должны составлять одно целое. Однако сколь долгод будет интервал этого переходного периода? Не менее, чем «целая историческая эпоха».

Тем временем сообщения из Петрограда подтверждали предположения Ленина о том, что наступил момент для низвержения Временного правительства. Для него было само собой разумеющимся, что захват власти пролетариатом будет захватом власти большевистской партией. В сентябре Ленин писал, что она удовлетворит

стремление масс к миру, крестьян к земле и рабочих к социализации фабрик: революция в России будет сопровождаться революциями в других странах, в первую очередь в Германии. Если эту возможность упустить, то власть захватит контрреволюция. Ленин был безмерно разгневан сообщением о том, что партия большевиков приняла участие в организованной Керенским демократической конференции в Петроград. Его письмо, написанное в самых резких выражениях, вызвало замешательство; Центральный комитет принял решение уничтожить письмо.

Для того чтобы быть ближе к происходящему, в конце сентября Ленин перенес место своего жительства из Гельсингфорса в окрестности Выборга. Отсюда он направлял в Центральный комитет партии пространные послания, в которых высказывал свою отрицательную точку зрения на позицию Каменева и Зиновьева, предостерегавших от вооруженного восстания. 8 октября в написанных им пяти тезисах он обобщил идеи Энгельса касательно «искусства восстания», а в других письмах с величайшей настойчивостью призывал к движению по намеченному пути. Соратники Ленина опасались, что после прихода к власти у большевиков не окажется специалистов для обеспечения работы государственной машины, однако их сомнения он высокомерно отвергал. Его брошюра «Удержат ли большевики государственную власть?», написанная в октябре, уже самым своим заголовком выражает глубокую убежденность в победе.

Если царь мог управлять, имея «130000 дворян и крупных землевладельцев», то почему это будет невозможно с 240 тысячами членов партии большевиков?

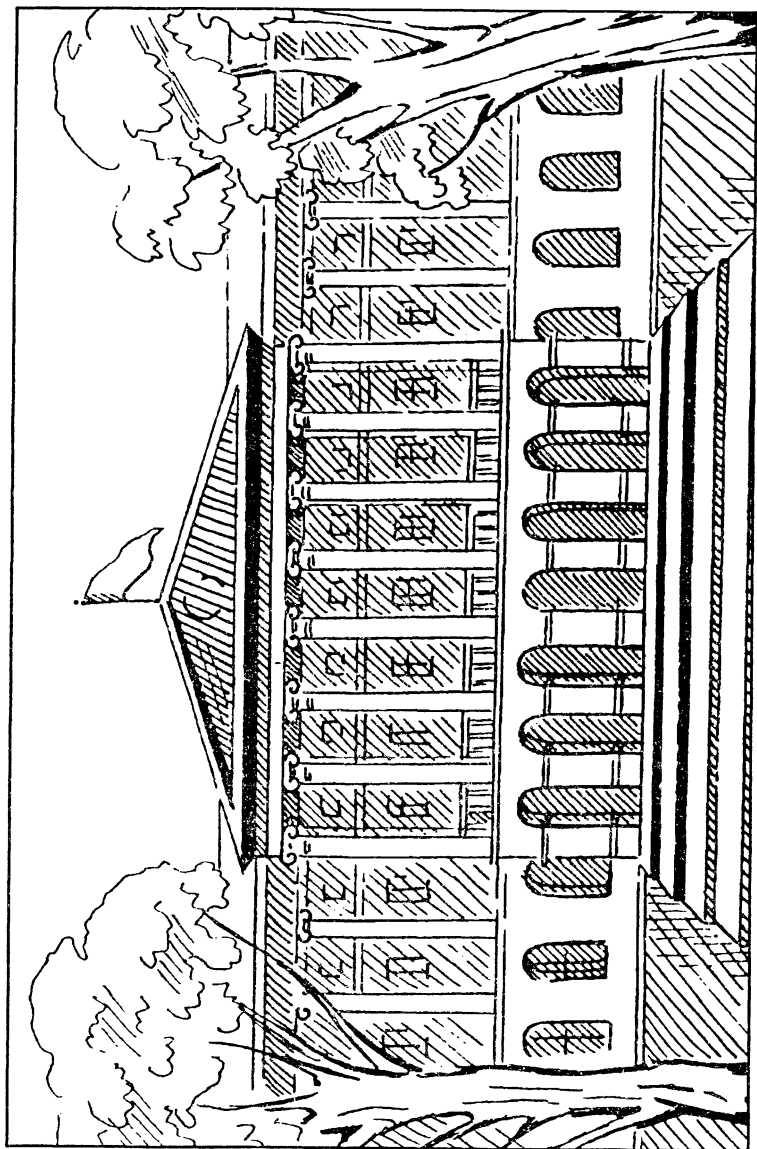
Однако издалека было нелегко составить себе полное представление о конкретных перспективах начала восстания. В Петрограде все нити заговора находились в руках Троцкого. Он сумел превратить Военно-революционный комитет, сформированный ничего не подозревавшим центральным комитетом совета, в главный штаб будущего восстания, и ему принадлежала идея совместить начало революции с открытием съезда советов. Троцкий провел ее в жизнь вопреки воле Ленина.

Окончательное решение о восстании было принято 10 октября на заседании Центрального комитета партии большевиков, на которое прибыл из Выборга Ленин. После десятичасового совещания, продлившегося до утра, десятью голосами против трех было решено осуществить восстание и назначить его на 20 октября, день открытия съезда советов.

Затем Ленин вновь вернулся в свое убежище, а в Петрограде вся ответственность, как признал даже Сталин в одной из статей в ноябре 1918 года, была возложена на Троцкого. Когда съезд советов решили перенести с 20 на 25 октября, Ленин вначале не хотел и слышать об изменении дня проведения восстания. В действительности же именно эта отсрочка дала большевикам тот дополнительный срок для подготовки, необходимость в

котором Троцкий распознал с большей проницательностью, чем Ленин. 24 октября Ленин взялся за перо, чтобы предостеречь своих товарищей от дальнейшего промедления: «Положение правительства непрочное, его необходимо свергнуть, чего бы это ни стоило. Всякое промедление смерти подобно!» Этим одновременно был дан решающий стартовый выстрел. Уже вечером того же дня Временное правительство заняло редакционные помещения «Правды», чем и дало большевикам повод для нанесения удара. Отряды восставших молниеносно заняли стратегически важные пункты города. В ночь с 25 на 26 октября правительство Керенского капитулировало.

Вечером в день революции, 25 октября, собрался второй съезд советов, на котором большевики преобладали, хоть и не самостоятельно, а вместе с левыми социал-революционерами. Ленин возвратился в Петербург в ночь с 24 на 25 октября. Получив известие об аресте Временного правительства и бегстве Керенского, он отправился в Смольный институт, бывший пансион для благородных девиц, в котором собрался съезд советов и где большевики теперь разместили свою штаб-квартиру. Тем временем делегаты, не принадлежавшие к партии большевиков, покинули съезд в знак протеста против боев, происходивших в городе. Когда Ленин вошел в зал заседаний, большевистский корпус съезда приветствовал его бурной озацей. С самой весны он не показывался на публике. В своем выступлении Ленин обрисовал

Смольный

перспективы формирования нового, чисто пролетарского правительства и создания социалистической государственности. Он потребовал немедленного окончания войны и высказал надежду, что мировая революция вскоре станет реальностью. Захват власти удался, Ленин достиг цели.

На вопрос о том, была ли Октябрьская революция подлинным народным восстанием или путем, совершенным кликой заговорщиков, невозможно ответить, используя лишь эти альтернативные понятия. В своей «Истории революции» Троцкий указывает на взаимосвязь между стихийным восстанием масс и организованным заговором. В противоположность февральской революции, свершившейся спонтанно, события 25 октября представляют собой комбинацию организованного, тщательно подготовленного заговора меньшинства и всеобщего движения масс, имеющего, однако, неясные ориентировки и поэтому легко управляемого. Развитие событий в период с мая по октябрь 1917 года принесло большевикам симпатии широких кругов населения, ибо Временное правительство и социалистические партии, представленные в правительстве, эти симпатии утратили, и лишь Ленин, казалось, мог предложить то, что представлялось массам существенным.

Вечером того же дня Ленин, совершенно измученный, расположился на ночлег в квартире своего соратника Бонч-Бруевича. Хозяин устроился в соседней комнате, имея наготове оружие. Однако Ленин смог уснуть только после того, как

составил проект первого декрета нового правительства, касающегося экспроприации земли.

«Ленин еще не нашел времени сменить воротничок, — так описывает Троцкий встречу в Смольном на следующий день. — На моем утомленном бессонницей лице останавливаются ясные глаза Ленина. Он смотрит на меня приветливо, с какой-то неловкой застенчивостью, с выражением внутренней чистоты. “Знаешь, — нерешительно говорит он мне, — так внезапно перейти от преследований и существования в подполье к власти, — он ищет слова и неожиданно заканчивает по-немецки — *es schwindelt einem!*” — и машет рукой вокруг головы. Мы смотрим друг на друга и улыбаемся».

В этом головокружении, овладевшем Лениным, выразилось пьянящее ощущение перехода от подполья к власти. За улыбкой, которой он обменялся с Троцким, кроется железная решимость уничтожить старую Россию и пойти на любые жертвы при построении новой.

¹ Голова кружится (нем.). — *Прим. перев.*

В Кремле

Эта исполнительная власть получила название: Совет Народных Комиссаров. Ленин стал во главе кабинета министров нового типа и этим взял на себя значительно более широкие функции, чем имели Витте или Столыпин в царские времена. Далее в число народных комиссаров входили Рыков, Антонов-Овсеенко, Луначарский, Троцкий, Сталин и другие. Первые декреты касались решения земельного вопроса и окончания войны. По обоим пунктам Ленин отошел от своей первоначальной позиции и этим вновь подтвердил свою ловкость в вопросах тактики. Выдвинув лозунг о немедленном перемирии, он отказался от своего намерения достичь мира только непрямым путем, посредством мировой революции, а незамедлительной раздачей земли крестьянам присвоил требование, выдвигавшееся социал-революционерами. «Утонченный марксист, — иронизировали они после его выступления с декретом о земле, — который пятнадцать лет борется с нами из-за нашего “мелкобуржуазного невежества”, а в тот момент, когда приходит к власти, осуществляет

нашу программу!» «Замечательная партия, — парировал Ленин, — которую нужно лишить власти, чтобы реализовать ее программу».

На первых порах позиция Ленина была далеко не бесспорной. В вопросе сотрудничества с другими социалистическими партиями существовали резкие разногласия с умеренным крылом партийного руководства. Угроза Ленина осуществить раскол партии и с помощью матросов отстаивать свою точку зрения стала иллюзорной после того, как о спорном вопросе было доложено Центральному Комитету Совета. В период с ноября 1917 года по март 1918 года Ленин был вынужден осуществлять управление посредством коалиционного кабинета, в числе министров которого входили и социал-революционеры. В ноябре на конференции крестьянских советов отчетливо проявилась ожесточенность, по-прежнему царившая повсюду: когда Ленин взял слово, его выступление было сорвано криками собравшихся. 21 ноября Максим Горький в своей газете назвал Ленина, с которым тогда разошелся во взглядах, «расчетливым лжецом, у которого не вызывают никаких чувств ни жизнь, ни честь пролетариата». «Рабочий класс для него то же, что для металлурга руда; Ленин работает подобно химику в лаборатории, но если тот использует мертвый материал и при этом добывается результатов, полезных для жизни, то Ленин работает с живыми людьми и губит революцию». Перед лицом «анархистских склонностей» Ленина Горький апеллировал к здравому

рассудку рабочего класса, который не должен допустить, чтобы «авантюрист и безумец обременил его ответственностью за позорные, бессмысленные и кровавые преступления», отвечать за которые когда-нибудь придется не Ленину, а пролетариату.

Внутреннее положение России действительно отличалось хаотичностью. Существовавшие до сих пор правительственный аппарат и провинциальная администрация развалились, а экономика, естественное развитие которой было прервано войной, полностью разладилась. Новые руководители повсеместно нуждались в специалистах. Бесчисленные банды орудовали в больших городах, занимаясь грабежом и разбоем. Запад страны был в руках немцев. На Северном Кавказе и на Дону возникали первые антибольшевистские боевые формирования.

На подобную ситуацию, сложившуюся в стране, Ленин ответил грубым насилием. Уже 27 октября была ограничена свобода прессы и запрещены некоторые социалистические газеты, в том числе органы печати Плеханова, Горького и других. 7 декабря была создана ЧК, и осуществляемый ею террор Ленин рассматривал как неотъемлемый элемент большевистской государственной практики. Если в дискуссиях раннего периода с народниками и социал-революционерами он отрицал индивидуальный террор, то теперь считал необходимым подчеркнуть, что индивидуальный террор, разумеется, следует отвергать, но не принципиально, а лишь по соображениям целесообразности; тот, кто

так поступает, достоин насмешки и презрения. Управление теперь должно осуществляться с еще большей строгостью и твердостью, чем во времена царизма. «Что Вы хотите, — однажды сказал он Горькому, который заговорил с ним об этом, — возможна ли вообще человечность в такой неслыханно ожесточенной борьбе? Была бы здесь уместна мягкость или великодушие? Европа блокирует нас, помощь, ожидавшаяся со стороны европейского пролетариата, отсутствует — а мы? Разве мы не должны защищаться и бороться?..» «Когда-нибудь, — заявил он в другой раз, — жестокость нашей жизни, к которой нас принуждают обстоятельства, будет понята и оправдана». Характерно, что террор коснулся отнюдь не только ненавистного высшего общества, но и всех слоев населения; число жертв исчисляется десятками тысяч. Буржуазные партии были запрещены, их лидеры объявлены вне закона, частью арестованы, частью убиты.

Может показаться, что Ленин систематически поощрял ликвидацию какого бы то ни было порядка и отрицание любых ценностей, подстегивая низменные инстинкты масс — например, когда с помощью заимствованной у Маркса формулы «грабь награбленное» призывал к самопомощи и этим открывал возможности для поджогов, убийств и налетов. Пусть аппарат террора находит оправдание в борьбе с антибольшевистскими, в основе своей анархистскими бандами: практически представляется, что Ленин воистину воздвиг трон Бакунину, как считалось в апреле 1917 года. Вопрос

состоял в том, насколько удастся вновь совладать с этой анархией. Или же ее формы были вообще неотличимы от практических последствий диктатуры пролетариата как перехода к бесклассовому обществу?

5 января 1918 года в Петрограде состоялось первое заседание долгожданного Учредительного собрания. Оно обнаружило подавляющее большинство меньшевистского направления: из 707 депутатов большевиков было лишь 175, зато социал-революционеров 370. Учитывая это обстоятельство, Ленин сделал выводы на свой лад. Когда заседание, несмотря на провокации со стороны делегатов-большевиков, охраны и галерки, пошло своим чередом, большевики, а за ними и левые социалисты, покинули зал; Учредительному собранию как раз хватило времени, чтобы принять закон о земле и провозгласить республиканскую форму правления: решение, теперь направленное не против царя, а против Ленина! На следующий день здание заняли войска, и правительство отдало приказ о роспуске Учредительного собрания. «Все кончилось к лучшему, — такова была недвусмысленная формулировка Ленина после доклада Троцкого, — роспуск Учредительного собрания означает полную и открытую ликвидацию идеи демократии в пользу идеи диктатуры. Это будет полезный урок». «Только подлецы и идиоты могут вообразить, — сказал он через год, — что пролетариат вначале должен иметь большинство на выборах... Мы утверждаем, что пролетариат

вначале должен свергнуть буржуазию и взять в свои руки власть». Однако Плеханов наиболее ясно вскрыл ложность этих понятий: «Ваша диктатура – не диктатура трудящихся классов, а диктатура клики».

Одной из наиболее первоочередных задач нового правительства Ленин считал выполнение обещания, которое летом 1917 года занимало главное место среди его агитационных лозунгов. России нужен мир. Декрет о мире, подписанный Лениным и Троцким еще 26 октября 1917 года, предлагал всем воюющим странам закончить войну. Ленин отказался от использования продолжения войны в своих целях. Он понял, что следует удовлетворить стремление русского народа к миру. Солдатам на фронте было рекомендовано брататься с немцами и даже вопреки воле офицеров «брать дело мира в свои руки». В конце ноября 1917 года начались переговоры о перемирии со странами Центральной Европы¹, а вслед за ними, в декабре – переговоры о мире.

После того как стал известен размах требований, выдвигаемых Германией, большевистское руководство стремилось отклонить условия и продолжить войну крайними средствами – *levee en masse*². Троцкий выступил в защиту странной формулы – «ни мира, ни войны». В конце 1918 года

¹ Во время первой мировой войны – военный союз Германии и Австро-Венгрии, к которому присоединились Болгария и Турция. – *Прим. перев.*

² Народное ополчение (франц.). – *Прим. перев.*

вновь началось наступление немецкой армии, и были заняты Прибалтика и Украина.

Ленин невысоко ценил театральные жесты и героические позы. С грубой образностью он сравнивал своих оппонентов с курами, которые боятся выйти из мелового круга: «Они с восхищением взирали на ничего не значащие штампы и отказывались воспринимать действительность». В ходе жарких дебатов в Совете Народных Комиссаров и в Центральном комитете аргументам Бухарина и некоторых других большевиков, а также народных комиссаров из числа левых социал-революционеров он противопоставлял свою концепцию. Правда, если бы немцы потребовали низвержения большевистского правительства, он также принял бы решение продолжать борьбу. Впрочем, Ленин был готов отдать как Финляндию с Прибалтикой, так и Украину. В обстановке ожидания дальнейшего победного шествия мировой революции эта потеря казалась ему эфемерной: ради выигрыша во времени можно было пожертвовать пространством. При последнем голосовании при четырех воздержавшихся семь голосов было подано за принятие условий Германии и четыре против. 3 марта 1918 года новая советская делегация подписала Брест-Литовский мирный договор.

Ленину пришлось еще раз защищать проводимую им политику перед съездом партии. Когда затем Карахан подал ему договор для подписания, Ленин отказался прочитать его: «Я не стану ни читать его, ни следовать его статьям». Правда, свою

подпись под ним он все же поставил. Россия обрела долгожданный мир. Однако внутри уже можно было различить ростки гражданской войны.

В это время резиденцию правительства перенесли из Петрограда в Москву. Данное решение, символизировавшее конец 200-летней европейской, петербургской эпохи русской истории, исходило из действительно небезопасного как стратегически, так и с точки зрения жизнеобеспечения, положения столицы на северной окраине государства. Вечером 10 марта 1918 года Ленин покинул Смольный институт, всю зиму служивший ему резиденцией. Следующим вечером спецпоезд с соблюдением особых мер предосторожности прибыл в Москву. После поездки по городу, залитому солнцем в преддверии начинающейся весны, Ленин прибыл в свою новую квартиру в Кремле. Она состояла из трех комнат и нескольких подсобных помещений. Охрану осуществлял отряд латышских стрелков.

До конца 1920 года деятельность Ленина как главы правительства проходила под знаком гражданской войны. Она продлилась в общей сложности три года, во время которых положение трижды было угрожающим для правления большевиков: в августе 1918 года, в октябре 1919 года и в мае 1920 года. Ленин возложил ответственность за ведение войны против контрреволюционных сил на Троцкого, создателя Красной Армии, шефа Реввоенсовета и военного комиссара, тогда как важные политические решения принимались в Совете Народных Комиссаров и в Политбюро. Если

Троцкий был в разъездах, с тем чтобы всегда иметь возможность энергично вмешаться в ход событий в самом центре военных действий и, как правило, всегда успешно, то Ленин в это время не покидал Москву. Однако Троцкий держал все нити в своих руках, и в воспоминаниях партийных вождей, а также в собрании Сочинений Ленина содержатся сведения о множестве решений, принятых непосредственно Троцким. Подчас Троцкий вынуждал Ленина дать согласие на проведение каких-либо мер, как, например, служба царских офицеров в Красной Армии или оборона Петрограда в октябре 1919 года, когда Ленин уже принял решение о сдаче города.

Непосредственная деятельность Ленина в этот период заключалась в реорганизации большевистской государственной системы в свете национализации предприятий, хозяйственного обеспечения, построения аппарата террора и организации мировой революции. Однако уже тогда, в разгар гражданской войны, все его помыслы были сосредоточены на фундаментальных планах создания нового общественного порядка, о чем свидетельствует один из декретов того периода, предусматривавший подключение к электросети двух населенных пунктов вблизи Москвы. Одним из этих населенных пунктов являлись Горки¹, расположенные в 35 км южнее Москвы, где в распоряжение Ленина

¹ Небольшая усадьба в стиле классицизма в Горках принадлежала семейству московских промышленников Морозовых и в 1910 году была перестроена архитектором Ф.О.Шехтелем. В ходе революции экспроприрована и находилась в распоряжении Советского правительства.

была предоставлена прекрасная усадьба в стиле классицизма, принадлежавшая прежде семейству Морозовых, тем не менее этот декрет является весьма знаменательным. Электрификацию России Ленин считал одной из основополагающих внутригосударственных задач, а также важнейшей предпосылкой подъема культуры российского крестьянства и, разумеется, всякой политической пропаганды в деревне. Он был полон решимости начать энергичную борьбу с неграмотностью, чтобы в течение десяти лет, как он намечал, полностью уничтожить это главное зло русского народа. Подобное мероприятие поможет ликвидировать глубокую пропасть, которая существовала в России между городом и деревней.

Наряду с принятием решений по важнейшим вопросам международной политики, Ленин с некоторым педантизмом вникал также в мельчайшие детали управления и экономики, если они представлялись ему симптоматичными для его программы в целом.

Формально высшей властью в государстве являлся Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), во главе которого стоял Свердлов. Однако в действительности советы вскоре стали инструментом большевистской партии, которая теперь дистанцировалась от социал-демократов также и посредством перемены названия в Коммунистическую партию (большевиков). Центральный Комитет партии также был поистине решающей инстанцией на государственном уровне.

Сам Ленин называл это «гибкое объединение государственных и партийных дел» «источником чрезвычайной силы» в политике большевиков и никогда не делал тайны из того, что в принципе все вопросы как внутренней, так и внешней политики в конце концов всегда решались высшим партийным органом — Политбюро. Кроме Ленина и Троцкого в него входили Каменев, Бухарин и Сталин.

Ленин умел мастерски вести собрания, мог направить дискуссию в нужное русло, не боялся сократить или прервать ее, чтобы, например, наспех записанные наброски сформулировать в виде резолюции или декрета. Он обладал особой способностью нарушать ход мыслей окружающих с помощью реплик, брошенных посреди дискуссии, зачастую просто одного слова; в пространных объяснениях не было необходимости, ибо подобное словечко, как в психологическом опыте Павлова, запускало механизм нужных «условных рефлексов», и лишь задним числом слушавшие могли, по словам наблюдателя, освободиться от гипнотического воздействия такого рода слов.

Теперь, когда Ленин занимал новый пост, его авторитет не нуждался ни в каких внешних атрибутах. Скромная манера поведения подкупала не только простых людей из его окружения, но и иностранных дипломатов. Он был лишен какого-либо тщеславия; самосознание Ленина искало удовлетворения на более высоком уровне обладания властью, в ощущении духовного превосходства,

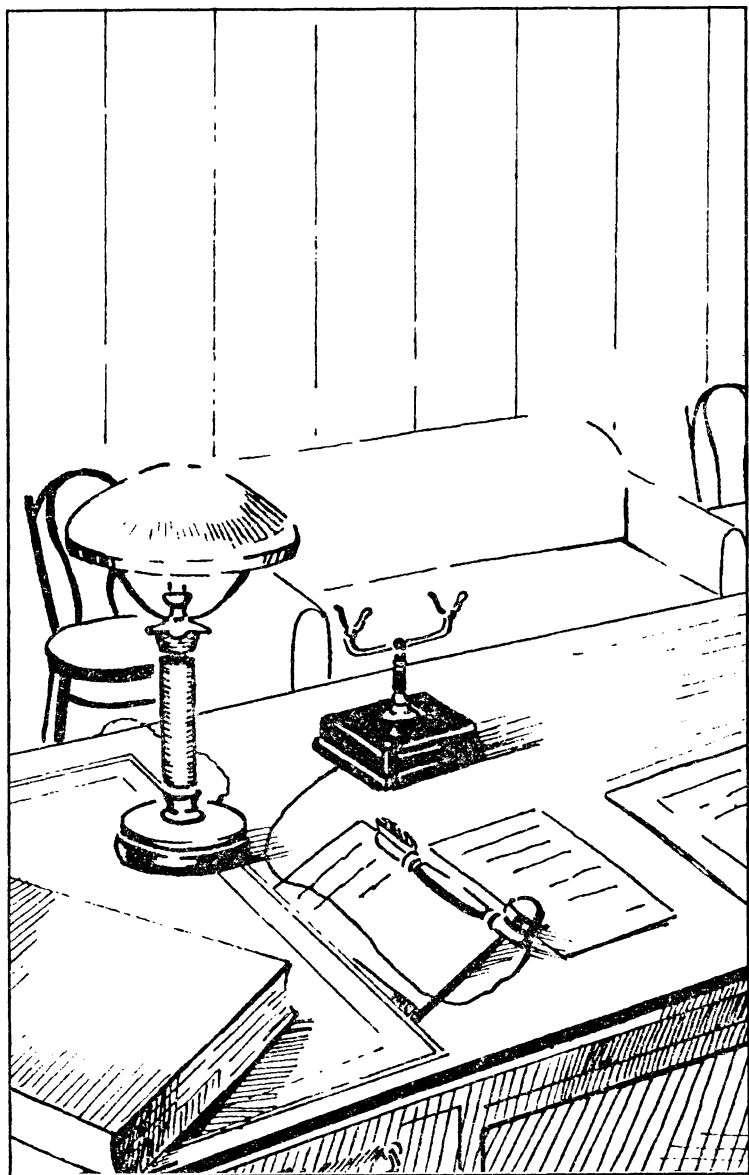
поэтому он не допускал лести в прессе в свой адрес и празднеств в свою честь. Его пятидесятилетие в 1920 году отпраздновали чрезвычайно скромно, в отличие от дня рождения Сталина, отмечавшегося девять лет спустя.

В кругу соратников Ленина его ум оказывал убедительное воздействие, его неутомимая энергия и кажущаяся не свойственной русским способность к систематической концентрированной работе стимулировала труд, жизнерадостность вождя оказывала живительное воздействие на утомленных. Впрочем, распорядок дня Ленина был типичным для русского интеллигента. Он работал по ночам, к делам текущего дня приступая, как правило, в одиннадцать и заканчивал работу только в пять-шесть часов утра. После обеда, который всегда был у него в одно и то же время, он позволял себе немного отдохнуть.

Домашний быт Ленина был крайне неприязнительным, почти бедным, несмотря на наличие серебряных царских приборов и дорогой посуды, подававшихся на стол во время редких официальных приемов. Ленин явно испытывал неловкость, когда в голодном 1919 году ему присылали из провинции дары, «словно барину», и не успокаивался до тех пор, пока все лишнее не было роздано нуждающимся. В своих потребностях Ленин был очень скромен и по-прежнему не употреблял алкоголя и табака. Наряду со всеми он придерживался правила, установленного им для своих сотрудников: «в государстве большевиков ни один чиновник не получает большую зарплату, чем квалифицированный

рабочий на производстве». Стихией этого ордена революционеров был аскетизм, принятый в руководящих кругах ленинцев. «Его кабинет в Кремле, — пишет английский философ Бертран Рассел, первым сравнивший большевизм с исламом, — был обставлен очень скудно; там находились большой письменный стол, несколько карт по стенам, две книжные полки и два-три жестких стула, а также удобное кресло для посетителей». Ленин «очень любезен и прост в обращении, без малейшей тени высокомерной замкнутости. Если взглянуть на него, не зная, кто он на самом деле, то никогда не догадаться, что он обладает неограниченной властью».

В квартире Ленина жила также его сестра Мария Ульянова, которая вела домашнее хозяйство; детей у супругов не было. По-видимому, Ленина это угнетало больше, чем Надежду Константиновну. Находясь в эмиграции в Австрии, он иногда играл с маленьким сыном Зиновьева, которого очень хотел усыновить, а теперь — с маленькой дочерью латыша Берзина, одного из наиболее близких ему из числа товарищей по партии. Он мог подолгу и серьезно беседовать с ребенком или играть в прятки, причем не стеснялся забраться под диван, откуда потом и появлялся, сопровождаемый торжествующими криками девчушки. За этим скрывалось нечто большее, чем обычная поза диктатора, стремящегося и словом, и делом проявить себя другом детей. Для него подобное общение было разрядкой, необходимой для достижения душевного равновесия — точно так же он любил играть с котятами.

Рабочий стол Ленина в Кремле

Горький пишет, что в часы досуга Ленин всегда был приятным собеседником, ценившим шутку и смех. По словам Луначарского, «в самые печальные моменты своего существования он был в любое время склонен к веселому смеху». Впрочем, его шутка могла быть вызывающе едкой, а смех сардоническим или насмешливым. В театр Ленин ходил нечасто; ему нравилась пьеса «На дне» Горького, а также творчество Диккенса и классические произведения; авангардистские изыски московских театров были так же чужды ему, как и футуристическая поэзия и живопись. И в литературе его вкусы были более традиционными, чем модернистскими, если только определяющими не становились политические пристрастия; так, Ленин упрямо восхищался тенденциозным романом Чернышевского, впрочем, допуская наличие в нем недостатков. Он любил Тургенева, персонажи романов которого часто приводил в качестве примера, и Некрасова, стихи которого декламировал, а из нерусских писателей — Виктора Гюго. Иногда Ленин принимался цитировать Гете. Достоевского он отвергал, а Толстого воспринимал со смешанными чувствами: часто перечитывал «Анну Каренину» и постоянно снова и снова брался за «Войну и мир»; когда Горький дал Ленину прочесть свою книгу о Толстом, тот заявил, что Толстой, по его понятию, «колосс, самобытный великан», которому Европа не в состоянии противопоставить ничего равноценного. В музыке ничто так не трогало вождя, как Бетховен, чью «Аппассионату»

он называл «чудесной, нечеловеческой музыкой». За границей он всегда с удовольствием слушал Чайковского; еще в 1903–1905 годах в его бедной женеvской квартире занимались музицированием: обычно в программу входило выступление друга, обладавшего прекрасным баритоном, Крупская в те времена тоже иногда пела романсы. Однажды Ленин сказал Горькому: «Я всегда думаю: какое же чудо могут создать люди, но часто я не могу слышать музыку; она действует на нервы. Лучше говорить чепуху и гладить людей по голове, потому что они, живя в мерзкой преисподней, умеют создавать такую красоту. Но сегодня никого нельзя гладить по голове, иначе откусят руку. Бить по голове их нужно, беспощадно бить».

По воскресеньям, если позволяло время, он часто искал разрядки вне стен Кремля, совершая экскурсии за город. Это было наследием дней, проведенных в Кокушкино, и детства, прошедшего на Волге. Воспоминания о них за границей часто вызывали у него тоску по родине, о чем свидетельствуют письма, адресованные матери, мужу сестры Анны Елизарову, Горькому. Возможно, эта любовь к природе ему самому казалась пережитком буржуазно-крестьянских представлений, но, тем не менее, он все же не расставался с ней, как оставил столь привлекательную для него игру в шахматы, поскольку она слишком сильно поглощала его. Однако отправляясь на отдых за город, Ленин, по-видимому, осознавал и столь необходимое

ему благотворное терапевтическое воздействие прогулки на перенапряженную нервную систему и мозг. Весной и осенью он с удовольствием ходил на охоту и был неплохим стрелком; летом его тянуло в леса, широко раскинувшиеся в окрестностях Москвы. В таких случаях Ленин имел обыкновение ночевать на сеновале, вставать до восхода солнца и умываться у колодца. Часами он бродил по окрестностям, иногда в сопровождении Марии или Дмитрия, лежал в траве, купался в речке или озере. Порой ему предоставлялась возможность побеседовать с простыми людьми, часто инкогнито, узнать о настроениях народа. Ленин мог терпеливо и задумчиво слушать, как старик-крестьянин, с мрачным видом собиравший в лесу грибы, критиковал партию или в целом положение в стране.

Итак, идиллические черты в образе нового кремлевского тирана, несколько смягчающие цинизм его мизантропии, фанатизм его политических целей, непреклонность его властных притязаний? Разумеется: они свойственны Ленину-человеку так же, как и другие, упомянутые вскользь приятные стороны его нрава. Однако эти черты не составляют истинной сущности его природы, они лежат на периферии его личности. И поэтому, как бы их ни выпячивали, такие проявления носят лишь эпизодический характер и не могут считаться типичными.

Оппозиция, уступки и разочарования

В августа 1918 года Ленин выступал с короткой речью перед московскими рабочими. Когда он вышел из здания и направился к своему автомобилю, женщина, стоявшая в небольшом отдалении, трижды выстрелила в него. Одна из пуль попала в шею, другая в ключицу. Ранения не были опасными для жизни. Ленин выздоровел. Но покушение не осталось без последствий. В тот же день в Петрограде студент стрелял в шефа местной ЧК Урицкого. Начался массовый террор, затмивший все кровавые расправы прошлых лет. Эти события имеют внутреннюю и внешнюю подоплеку. Внутренняя заключалась в том, что партия социалистов-революционеров заняла позицию, враждебную по отношению к правительству большевиков.

Левое крыло социал-революционеров также становилось во все более резкую оппозицию против большевиков. На V съезде Советов в июле 1918 года состоялись ожесточенные дебаты, прежде всего, по внешнеполитическим вопросам.

Убийство посла Германии графа Мирбаха двумя социал-революционерами стало сигналом к началу широко разветвленного восстания, начавшегося в Москве и охватившего города Верхнего Поволжья. Восстание поддержали западные державы. Член партии социал-революционеров, Верховный главнокомандующий Волжским участком Восточного фронта гражданской войны, самоуправно вновь объявил войну Германии. В Москве восстание потерпело поражение спустя несколько часов, в провинции — через несколько недель. В ответ были проведены драконовские¹ акции. Ленин дал личное указание о проведении в Пензе беспощадного массового террора против кулаков, белогвардейцев и священников. Когда в эти дни заседание Совета Народных Комиссаров было неожиданно прервано сообщением об убийстве на Урале царской семьи, внеплановую инициативу местных властей полностью одобрили. В Петрограде имели место спонтанные акции ЧК против британского посольства; отношения с западными державами были прерваны.

Таким образом, покушения, совершенные в августе, представляются отголосками этих событий. Оппозиция социал-революционеров была потоплена в крови, внешний кризис был преодолен благодаря вмешательству Троцкого на Волжском фронте, которому угрожали чехословацкий корпус и белогвардейцы. В дальнейшем

¹ Крайне жестокие (по имени афинского законодателя Дракона, VII в. до н. э.). — *Прим. авт.*

ходе гражданской войны, в особенности зимой 1919–1920 годов, когда обстановка была критической, по отношению к меньшевикам и социал-революционерам было проявлено некоторое снисхождение. Еще в августе 1920 года в Москве состоялся съезд меньшевистской партии; в Кремле знали, что в профсоюзах меньшевики все еще пользуются большой симпатией. В декабре 1920 года VI съезд Советов еще раз объединил делегатов от всех трех социалистических партий. Тем не менее, о проявлении подобной терпимости в течение долгого времени нечего было и думать. Позиция Ленина по отношению к правым социалистам весной 1920 года была выражена недвусмысленной формулировкой. В работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» он заявил, что о серьезном союзе с «социал-предателями» не может быть и речи; с ними необходимо сотрудничать лишь для видимости и «поддерживать их, как веревка поддерживает повешенного». Это была весьма объемная характеристика истинных намерений Ленина, относительно которой западные социалистические круги не всегда имели достаточно ясное представление и которая использовалась здесь с целью успокоения лево-экстремистских подстрекателей в собственных рядах, время от времени напоминавших о себе как в 1918 году, так и теперь.

Лишь после окончания гражданской войны новое антибольшевистское восстание дало Ленину повод принять меры против социалистических

партий в России. Окончание войны не принесло смягчения социальных условий, ненавистная трудовая повинность сохранилась. Разочарованные петроградские рабочие решили выйти на улицы. «Мы чувствуем себя, — говорилось в резолюции, — подобно заключенным,.. мы погибли как человеческие существа и превратились в рабов». Прошли забастовки и демонстрации. Они переросли в Кронштадтский мятеж в марте 1921 года.

Под лозунгом «Советы без большевиков» восстали матросы военной крепости, расположенной на подступах к Петербургу. Они арестовали партийных функционеров и передали власть временному революционному комитету. Поскольку существовала возможность перенесения революционной искры в массы охваченных недовольством рабочих и крестьян на всей территории страны, правительство приняло жестокие меры. «Мы потеряли достаточно времени на дискуссии, — заявил Ленин 9 марта на X съезде партии. — Наступил момент дискутировать не с помощью тезисов, а с помощью винтовок». После артиллерийского обстрела началось наступление по льду, которое 18 марта подавило последние очаги сопротивления в Кронштадте.

Из Кронштадтского восстания Ленин сделал для себя выводы. Они касались экономической и внешнеполитической сфер, а также осуществления власти внутри страны. В этой связи ему представилась возможность покончить с последними остатками антибольшевистской оппозиции. Еще в

начале 1921 года лидеры меньшевиков и социал-революционеров бежали за границу. Теперь начались аресты. «Подходящее место для меньшевиков и социал-революционеров – тюрьма», – заявил Ленин. Летом 1922 года прошел первый показательный политический процесс – против социал-революционеров. Было вынесено 14 смертных приговоров. Ходатайства Клары Цеткин, Максима Горького и других видных революционеров о помиловании Ленин отклонил; впрочем, приговоры были приведены в исполнение лишь после его смерти.

Одновременно Ленин покончил с оппозиционными течениями и внутри собственной партии. На X партийном съезде весной 1921 года прозвучала открытая критика экономической и социальной политики партии, которая все больше превращает профсоюзы в органы государства. Наряду с этой социалистической «рабочей оппозицией» существовала группа, требовавшая ослабления бюрократического централизма в партии, и устами своего оратора критиковала «культивируемый у нас режим бронированного кулака», который не имеет «ничего общего с партийной дисциплиной».

Ленин пустил в ход все искусство диалектики, чтобы настоять на своем понимании диктатуры партии. И здесь, как это часто бывало, он не преминул использовать личные оскорбления и морально дискредитировать оппонента. Съезд принял решение о запрете всех оппозиционных групп внутри партии. После X съезда превращение

руководства партии в бюрократический аппарат значительно ускорилося. Теперь она перестала быть свободным объединением независимых, критически мыслящих и отважных революционеров. Бюрократ вытеснил идеолога, функционер – идеалиста. Звезда Троцкого и Бухарина светила уже не столь ярко, на первый план из задних рядов выдвинулись большевики нового типа. Среди них был Сталин. В 1922 году Ленин сам голосовал за его назначение генеральным секретарем партии.

Начало сбываться то, о чем писала Роза Люксембург в своей последней статье в 1918 году: «Без всеобщих выборов, свободы прессы и собраний и без свободного обмена мнениями жизнь в общественном институте замирает и превращается в подобие жизни, в которой единственным действующим элементом остается бюрократия. Элита рабочего класса время от времени будет мобилизовываться на собрания, чтобы аплодировать речам вождей и голосовать за предложенные резолюции... Свобода только для приверженцев правительства, для членов одной партии свободой не является. Свобода – это лишь свобода инакомыслия».

Кронштадтское восстание обозначило те опасности, которые грозили большевистскому режиму до тех пор, пока не будет ликвидировано бедственное положение в экономике. Нельзя отрицать, что грандиозная экономическая программа Ленина с ее всеобщей трудовой повинностью, массовой продрозверсткой и отказом от денег и

рынка потерпела полное фиаско. Теперь он решил коренным образом повернуть штурвал экономической политики, чтобы найти выход из хаотической ситуации, в которую завел страну так называемый «военный коммунизм». Прежде всего нужно было обеспечить снабжение продовольствием и наладить торговлю. Марксистской экономической программе пришлось претерпеть некоторые изменения; необходимо было, оставаясь на прежних основах, найти временный компромисс между теорией и реальностью.

Этим компромиссом стала так называемая новая экономическая политика (нэп). Ленин отставил свою новую идею на X съезде РКП(б). Он признался, что прямой переход к чисто социалистическому распределению благ в настоящее время пока еще невозможен. Поэтому вначале следовало ввести смешанную экономическую систему, при которой известная свобода действий предоставлялась бы и частной инициативе. Теперь можно надеяться, что социалистический сектор будет постепенно расширяться, а частный постепенно отмирать.

Идея Ленина имела успех. Нэп был введен и продолжала действовать и после его смерти. Страна успокоилась, недовольство и отчаяние, имевшие место в начале года, улеглись. После нескольких лет дезорганизации экономическая жизнь демонстрировала симптомы стабилизации. Смерть Ленина произошла в разгар этого процесса, в период, когда крестьянин мог часть своей продукции сбывать на свободном рынке, уровень

жизни, находившийся на нулевой точке в годы гражданской войны, обнаруживал тенденцию к росту, буржуазным специалистам вновь было найдено применение и разговоры о коллективизации сельского хозяйства только начинались: все способствовало тому, что правительство Ленина в аспекте грядущего правления Сталина, наводившего ужас, представало в выгодном свете, и народ сохранил о нем добрую память. В воспоминаниях поблекли ужасы террора, так же, как и первый большой голод, который сам Ленин считал весьма подходящим средством истребления буржуазных слоев, однако позднее понял, что это начало превращаться в общенародную катастрофу.

Нэп имел и внешнеполитические последствия. Теперь иностранный капитал вновь был достаточно хорош для сформированного развития экономики. Иностранные фирмы приглашались для возобновления деятельности в России, не вызвало опасений заключение договоров о торговле с иностранными государствами. Еще не закончился март, ознаменованный сменой политического курса, а уже был подписан мирный договор с Польшей, положивший конец эпохе гражданской войны и военного коммунизма, а также заключен важный торговый договор с Англией, имевший немалое значение для экономики обеих стран.

На последние годы жизни Ленина приходится и более тесное объединение регионов Советского государства. Поначалу Октябрьская революция создала советское государственное

образование лишь на территории России, Российской Социалистическую Федеративную Советскую Республику (РСФСР), которая летом 1918 года получила конституцию. Окраинные области на западе и юге, не только Польша, Финляндия и прибалтийские государства, но и Белоруссия, Украина и страны Кавказа, частью под защитой германской оккупации 1918 года, провозгласили свою независимость. Затем в ходе борьбы белых и красных, которая была также и борьбой за автономию нерусских территорий, наступил спад. В 1919 году Белоруссия и Украина стали советскими республиками, в 1920–1921 годах – страны Закавказья; в 1922 году в состав РСФСР вернулась отделившаяся во время гражданской войны Дальневосточная республика, в Средней Азии восстание потерпело поражение. Теперь в Москве перешли к налаживанию более прочных связей с отдельными советскими республиками, которые до тех пор были формальными и непрочными. В конце 1922 года съезд Советов принял постановление о создании Союза Советских Социалистических Республик. В 1923 году СССР получил свою первую конституцию. Таким образом, все территории бывшей Российской империи, за исключением западных окраинных государств и областей, отошедших к Румынии и Турции, вновь объединились в одно государство, которое – в отличие от царской империи – казалось, учитывало национальное многообразие народов. Однако невозможно было закрывать глаза на тот факт, что подобная федеративная

структура являлась фиктивной и поддерживалась жестким централизмом партии. Она вполне соответствующим образом отражала официальный принцип: «национальная по форме, социалистическая по содержанию».

Если новая экономическая политика являла собой отступление на фронте «социалистической» внутренней политики, то и во внешнеполитической сфере объявление войны, последовавшее в эпоху военного коммунизма в надежде на скорое распространение мировой революции во вселенском масштабе, не могло оставаться в силе в течение долгого времени. И здесь Ленин перед лицом реальной действительности был вынужден пойти на уступки.

Поскольку внешняя политика занимает в идеологии важнейшие позиции, Ленин мог рассматривать ее только как неотъемлемую составную часть всей своей политической концепции о необходимости русской революции и скорого перерастания ее в мировую революцию. Его воззвания к народам через головы правительств были столь же непривычными, сколь и бесцеремонное обращение с бывшими союзниками: аннулирование долгов царской России и опубликование секретных договоров.

На взгляд Ленина, подлинным средоточием мирового капитализма была британская мировая империя. Поэтому одобрение стремления колониальных народов Азии и Африки к освобождению от цепей империалистического владычества стало

бы особым вызовом Англии. Теоретическая основа того особого внимания, которое Советское правительство уделяло в 1918–1922 годах странам Дальнего Востока и Центральной Азии, заключалась в работе Ленина об империализме как последней стадии капитализма. Она одновременно знаменует поворот спиной к Европе, в то время как царская империя всегда считала себя частью таковой, несмотря на свое межконтинентальное расположение и наличие азиатских колоний. Было начато тесное сотрудничество с Китаем и его лидером Сунь Ятсеном; в этом регионе Ленину представлялось тактически более важным способствовать развитию новых национал-демократических идей китайцев, чем едва различимых зачатков коммунизма.

Однако отношения между отдельными государствами представляли собой только один из рельсов, по которым Ленин пустил советскую внешнюю политику. Другим были универсальные устремления мирового коммунизма, вершителем которого ощущала себя большевистская партия. В этом причина своеобразной двойственности или двусмысленности советской внешней политики, которая в эпоху Ленина характеризовалась преобладанием международно-конспиративной и агитационной стороны.

Важнейшим органом мирового коммунизма стал московский III Интернационал.

Начиная с 1914 года Ленин стремился заменить социалистический II Интернационал новым,

который занял бы антипатриотическую позицию. В своих «Апрельских тезисах» 1917 года в числе настоятельных требований момента Ленин назвал создание III Интернационала; в январе 1919 года Ленин призвал к его созданию в открытом письме рабочим Европы и Америки. Были разосланы приглашения на учредительный съезд, а 2 марта в Москве открылся первый конгресс Коминтерна. Несмотря на то, что задачи отдельных делегатов зачастую носили лишь случайный характер и представлены были не все страны, требование, выраженное с помощью патетических речей, являлось абсолютно универсальным. Рядом с первым председателем Зиновьевым, одним из старейших соратников Ленина, стоял и он сам, признанный наставник и духовный вождь мирового пролетариата. С тех пор Коминтерн и Советское правительство были тесно связаны друг с другом неписанным личным союзом.

При жизни Ленина состоялись еще три конгресса Коминтерна (1920, 1921, 1922 гг.), в работе первых двух он принимал активное участие. Второму конгрессу он представил свои 21 пункт, которые должны были считаться руководящими указаниями для всех коммунистических партий мира. Строжайшее подчинение, железная дисциплина, решительная борьба против социал-демократов и активная пропаганда являлись важнейшими требованиями. На последующих конгрессах они были расширены. Основы будущего абсолютного подчинения коммунистических партий КПСС были заложены.

Наибольшие ожидания в части распространения коммунизма Ленин связывал с Германией. Он возлагал большие надежды на дисциплинированность и организованность немецких рабочих и не уставал ставить эти качества в пример своим русским товарищам. Предполагалось, что Германия станет трамплином для распространения коммунизма в мировом масштабе. Первая волна революции прокатилась по Германии зимой 1919–1920 года, когда в Берлине «Союз Спартака» призвал к восстанию, а в Баварии была провозглашена советская республика. В 1920 году вновь сложилась революционная ситуация, когда Красная Армия вторглась в Польшу и в Рурской области было поднято коммунистическое восстание. Третья попытка такого рода, руководимая уже не Лениным, была предпринята в октябре 1923 года, когда Германия стояла на грани раскола. Свидетельством того, что Ленин, начиная с 1920 года, уделял большое внимание возможности большевизации Германии, является формулировка «советская Германия», которую он употребляет в своей работе о левом радикализме.

Двойственность ленинистской внешней политики выразилась в одновременном установлении нормальных дипломатических и экономических отношений с Германией. Они начались в 1920 году договором по военнопленным, затем последовал торговый договор 1921 года, а за ним – неожиданный Рапалльский договор о дружбе 1922 года, который следовал одному из наиболее испытанных принципов

внешней политики Ленина – столкновение одной группы «капиталистических держав» с другой.

Впрочем, поворот, предпринятый в экономической политике в 1921 году, освободил путь для новых соглашений в сфере экономики. Заключенные договоры о торговле с Англией, Италией и другими странами означали фактическое признание Советского правительства. Мировая политика Коминтерна была вынуждена топтаться на месте. Сам Ленин со временем стал впадать в некоторый скепсис, возможно, даже пессимизм, каждый раз, когда хотел высказаться по вопросу отмирания государства, который мог встать остро лишь с победой мировой революции. В 1918 году он считал, что переходный период продлится «десять лет, а возможно, и больше», а в 1919 году в одной из речей Ленин предсказал, что те из присутствующих, которым меньше 30–35 лет, когда-нибудь «увидят зори коммунизма, от которых мы еще далеки». Позднее он писал, что десять или двадцать лет – это очень немного в сравнении с масштабами мировой истории. Осознавал ли он утопический характер своего учения? Разумеется, нет; однако, по-видимому, понял, что реальная действительность сложнее, чем это допускала теория.

Кончина

После X съезда партии, состоявшегося в марте 1921 года, стало очевидным, что Ленин тяжело больной человек. Несмотря на возраст, всего в 51 год, у него обнаружились явные симптомы склероза мозга. Он преждевременно истощил свои силы, темпы работы и затраты энергии в последние годы были сверхчеловеческими. Впрочем, едва ли допустимо считать причиной возникновения его заболевания лишь умственное и психическое перенапряжение. О роли, которую сыграл наследственно-физиологический фактор, свидетельствует то обстоятельство, что его отец, на которого Ленин внешне был очень похож, умер в том же возрасте и также от кровоизлияния в мозг, причем его трудовые нагрузки нельзя было назвать чрезмерными. Факт наличия у Ленина прогрессирующего паралича, этиология которого допускала бы весьма однозначные выводы относительно его образа жизни, не является бесспорно доказанным. К лечению вождя привлекались немецкие профессора медицины Борхерт и Клемперер.

Ритм жизни Ленина был чрезвычайно бурным. Он всегда развивался как бы ярко выраженными систолами и диастолами. Возникает впечатление, что Ленин не мог жить без постоянной воинственной стычки с противником. Его жизненный ритм колебался между подъемами агрессивности в ходе письменной или устной полемики и кратковременными периодами спокойствия, которое нередко напоминало изнеможение. Он снова и снова должен был входить в «раж», как называла это состояние Крупская, а уж ей-то оно было знакомо. Он также мог с интенсивностью, доходящей до страсти, предаваться своим развлечениям (если только сознательно не ограничивал себя), будь это катание на коньках, охота, шахматы или даже столь любимое в России собирание грибов. Что касается политической полемики, то все его крупные произведения вырастали из актуального на данный момент соотношения друзей и врагов, в результате чего перед ним возникали друг за другом самые разные противники, которых он немилосердно поражал оружием своего пера. Острым взглядом охотника Ленин умел отыскивать врага внутри разнообразнейших политических направлений, которые не во всем соответствовали его собственным взглядам, не выпускал его из виду и в конце концов брал его на мушку. Начиная с пародников, в поле зрения его агрессивного духа оказывались вслед друг за другом ревизионисты и экономисты, меньшевики, социал-шовинисты и социал-пацифисты, эмпириокритицисты и,

наконец, левые большевики. «Это моя судьба, — писал он в 1916 году, — одна кампания за другой, и это начиная с 1893 года». Жизнь Ленина представляла собой непрерывную цепь боевых походов, и в каждом он проявлял весь потенциал своих волевых побуждений, духовных и физических сил; нередко Ленин подвергал их чрезмерной нагрузке, например, в 1907, 1909 или 1915 годах, и был близок к истощению нервной системы.

Начиная с октября 1917 года ритм подъемов и спадов нарушился, напряжение стало постоянным. Личных врагов больше не было, но оставались враги государства. Груз ответственности, хоть и распределенный между соратниками, стал чудовищным, ибо хаос революции длился, в принципе, уже годами и не оставлял возможности для передышки. В июле 1921 года он писал Горькому: «Я так сильно устал, что не способен больше ни на что». Это была низшая точка его барометра, с конца этого года ему становилось все хуже.

Несмотря на ухудшение состояния здоровья в марте 1922 года Ленин выступил на XI съезде партии, как обычно, с основным докладом, в котором изложил результаты нэпа. Как следствие подобного напряжения 26 мая он перенес инсульт и два месяца был не в состоянии двигаться, говорить и писать. На фотографии, сделанной летом 1922 года, он, несколько осунувшийся, но все еще с острым взглядом, сидит на скамейке в парке в Горках рядом со Сталиным, который позднее нажил политический капитал на этом документально

засвидетельствованном взаимопонимании. Только в октябре Ленин возвратился в Кремль и снова приступил к работе.

Когда в ноябре 1922 года в Москве собрался IV конгресс Коминтерна, Ленин, казалось, вновь обрел свою былую энергию. В очередной раз он появился на трибуне, чтобы в большом докладе разъяснить конгрессу, а вскоре после этого и Московскому совету, как государственный капитализм периода нэпа когда-нибудь полностью перерастет в социалистическое государство. Однако в середине декабря состояние здоровья вновь ухудшилось. Ленин был вынужден отказаться от участия в конференциях, хоть и поддерживал связь с руководящими партийными органами и сотрудниками письменно и по телефону. Жена постоянно находилась при нем в роли консультанта и вместе с секретарями помогала ему выполнять текущую работу, а его сестра Мария обеспечивала уход за больным.

Новое ухудшение состояния здоровья в конце года было, возможно, связано с неприятностями и волнениями вследствие роста бюрократизма в органах управления государством и в партийном аппарате, который все больше бросался ему в глаза. В письме XIII съезду партии, собравшемуся только после его смерти, в мае, он предлагал расширить Центральный Комитет партии до 50–100 человек, с тем, чтобы придать партии больше стабильности. Лишь на XX съезде в 1956 году Хрущев процитировал другие письма и статьи Ленина, написанные в декабре 1922 года, которые касались

в основном функций госплана и состава Центрального Комитета и до того времени были известны лишь частично или неизвестны вообще. По всем этим вопросам Ленин выразил опасения, направленные против устремлений человека, назначение которого генеральным секретарем он одобрил еще не так давно. Это был Сталин, несший ответственность за раздувание бюрократического аппарата и за обострение курса на централизм в национальном вопросе, в особенности в Грузии. Уже в декабре в их отношениях возникла напряженность. 23-го Крупская пожаловалась Каменеву на Сталина, с которым у нее накануне произошел неприятный инцидент. «Необыкновенно грубым» образом Сталин по телефону упрекал ее из-за письма, которое Ленин ей продиктовал. Крупская попросила Каменева и Зиновьева, как наиболее близких друзей Ленина, защитить ее от подобных грубых вмешательств в ее личную жизнь; она в партии тридцать лет и лучше любого врача знает, что можно обсуждать с Лениным и что нет, во всяком случае, лучше Сталина.

25 декабря Ленин продиктовал записки, в которых видные члены высшего руководства были охарактеризованы самым откровенным образом. Этот документ называли завещанием Ленина несмотря на то, что речь шла, по-видимому, лишь о предварительных формулировках, которые в таком виде не предназначались для публикации. Характеристики, данные здесь Сталину и Троцкому, Каменеву и Зиновьеву, Бухарину и Пятакову, проливали свет на каждого и, видимо, преследовали цель убедить

партию в необходимости введения для преемника коллективного руководства при сбалансированности личного соперничества. Когда же к концу года поступили новые сообщения об обострении положения в Грузии, Ленин 4 января 1923 года внес в «завещание» дополнение, продиктованное явным ожесточением против Сталина, в котором содержится недвусмысленное требование об удалении Сталина из генерального секретариата. Вскоре он перешел к открытым атакам на Сталина по всем направлениям. В статье, опубликованной в «Правде» от 25 января, Ленин критиковал его деятельность в качестве комиссара Рабоче-крестьянской инспекции еще довольно умеренно; во второй публикации он развил свою мысль в гораздо более резком тоне. Она была явно задержана редакцией и напечатана лишь 4 марта. На следующий день, 5 марта, Ленин продиктовал так называемое письмо об отречении, адресованное Сталину, в котором в резкой форме запретил выпады против своей жены и предоставил ему решать, готов ли он взять свои слова назад и извиниться, или предпочитает обострение взаимоотношений.

Послание Троцкому, также от 5 марта, является предположительно последним письмом, продиктованным Лениным; в нем он просил Троцкого, одновременно пересылая ему все материалы, доложить Центральному Комитету о положении дел по грузинскому вопросу, ибо на объективность Сталина полагаться нельзя.

Напряженные волнения этих дней оказались непосильными для Ленина. 9 марта 1923 года он перенес третий инсульт, который полностью приковал его к больничной койке. У Ленина развился полный правосторонний паралич, речь была сильно затруднена. Состоявшийся в апреле XII съезд партии впервые прошел без его участия. Остановить упадок сил было невозможно. В мае Ленина привезли в его усадьбу Горки под Москвой. Летом самочувствие несколько улучшилось, его вывозили в сад в кресле-каталке. В октябре, словно с помощью чуда, он вновь встал на ноги и выразил желание поехать в Москву. Там Ленин отправился в свой кабинет в Кремле и молча ходил по нему, заложив руки за спину. В воспоминаниях некоторых очевидцев сообщается, что он достал из своего письменного стола какой-то документ и сунул в карман.

Однако развитие болезни невозможно было остановить на длительное время. Жена пыталась развеселить его; зимой он несколько раз ездил на санях, 24 декабря Надежда нарядила елку и пригласила из деревни крестьян; в эти дни Ленин был в хорошем настроении. Утром 21 января у него произошел последний инсульт. Начались нарушения дыхания. В 7 часов вечера наступила смерть.

Тело Ленина — по странному противоречию с рационализмом и материализмом учения партии — было забальзамировано и с огромной пышностью захоронено на Красной площади у Кремля. Сооруженный здесь мавзолей стал национальной святыней, а с 1953 по 1961 год в нем находился и саркофаг с

телом Сталина. Память о Ленине окружена ореолом почитания, сравнимого с религиозным поклонением святому. Город, в котором он родился, переименовали в Ульяновск, Петроград – в Ленинград. На особый институт Ленина была возложена задача исследования и публикации его трудов, включая все письма и записки. Наряду с работами Маркса и Энгельса, они считаются каноническими для партии.

Преемство Ленина вначале было разделено: Каменев стал председателем политбюро партии, Рыков – председателем Совета Народных Комиссаров. Зиновьев выступал с основным докладом, который раньше обычно делал Ленин, уже на XII съезде партии. Сталин и Троцкий, казалось, остались в тени. Однако очень скоро Сталину удалось пробраться вперед и шаг за шагом отодвинуть Троцкого с его поста, чтобы в конце двадцатых годов соединить в своем лице всю полноту государственной и партийной власти.

Надежда Крупская скончалась 27 февраля 1939 года. Сталин не строил себе иллюзий относительно той антипатии, которую она к нему питала, однако все же не решился удалить ее с партийных постов; с 1927 года она была членом Центрального Комитета партии, но, впрочем, не имела возможности оказать большого влияния.

Действие и результаты

За немногие годы правления Ленина Россия претерпела большие преобразования, чем за всю многовековую историю своего развития. Уместным было бы единственное сравнение — с Петром I, реформы которого также рассматривались современниками как перемены гигантского масштаба и которого сам Ленин считал в известном смысле своим предшественником-революционером. Тем не менее в первом случае нельзя не принимать во внимание последовательность перехода от старой московской Руси к европеизированной петровской России. Во втором же произошел перелом, беспрецедентный по своей радикальности. Были ликвидированы и заменены новыми не только формы существования, институты и основные слои государства и общества. Кардинальные перемены исключительного характера претерпели и основополагающие нравственные нормы отношения людей к государству и друг к другу как в общественной, так и в личной сфере. Впервые после рождения Христова в стране, доселе христианской, на длительное время устанавливается

режим, проповедующий принцип непримиримого атеизма, а совместное существование людей подвергается тотальной рационализации по соображениям целесообразности. Россия Ленина диаметрально отличалась не только от остального современного мира, но и от дореволюционной России. Лишь позднее, при Сталине, вновь воскресают элементы последовательности.

Свершение подобного рода перемен за короткий отрезок времени, охватывающий всего несколько лет, является историческим деянием Ленина. То обстоятельство, что в критические моменты рядом с ним были соратники, на долю которых нередко выпадала решающая роль, как, например, Троцкий в октябрьские дни 1917 года и во время гражданской войны, никоим образом не умаляет выдающегося значения его личности. Его сторонникам было нелегко увязать этот факт с учением исторического материализма, согласно которому все перемены являются результатом лишь экономического развития, а роль великих личностей вторична. Одному из большевистских поэтов нравилось называть Ленина «самым большим винтиком» в механизме коллектива. Однако даже такой видный деятель, как Зиновьев, признавал, что Октябрьская революция на девять десятых была делом Ленина — «если во времена революций вообще можно говорить о личности». А об уважении, которым пользовался Ленин в большевистских руководящих кругах, наиболее убедительно сказал Троцкий после покушения 1918 года: «Если подумать о том, что Ленин

может умереть, то вся наша жизнь кажется нам бесполезной и перестаешь хотеть жить». По мнению историка-большевика Покровского, Ленина можно сравнить только с двумя личностями новой истории – с Кромвелем и Робеспьером, однако оба имели слабости, один Ленин является «истинным представителем человеческого прогресса». Сравнение не лишено оснований, хоть и с дополнениями. С Робеспьером Ленина объединяет убеждение в необходимости сильной революционной власти, которая не должна останавливаться и перед радикальными мерами. Еще раньше противоречие большевики–меньшевики сравнивалось с противоречием между якобинцами и жирондистами. В один ряд с Кромвелем Ленина ставит прочное осознание своей исторической миссии, которую Кромвель связывал с историей искупительного подвига Христа, в то время как Ленин, напротив, ощущал себя вершителем железных законов исторического марксистского учения, даже если неотвратимость таковых была ограничена элементом волюнтаризма.

Что дало Ленину возможность свершить это историческое деяние? В чем секрет его воздействия? В первую очередь, он основан на исключительной силе воли и энергии этого человека, все существо которого излучало активность и готовность к действию. Революционная деятельность Ленина в значительно большей степени, чем у Маркса и Энгельса и у всех других западных и русских социалистов, была ориентирована на практические действия; по мнению Ленина, революции

должны не оставаться на бумаге, а активно осуществляться; для существования Советской России правильное исполнение даже самого незначительного распоряжения важнее всех теорий. Его слова являлись не только зажигательным призывом к борьбе, но одновременно и указанием к практическому осуществлению. Сколь банальны они бы подчас ни были, однако они воспламеняли, ибо всегда указывали на цель, на конкретное действие, и несли в себе такой волевой заряд, что, казалось, сами по себе выливались в поступки. Секрет речей Ленина, будь то на массовых собраниях или в дружеской беседе, в то же время состоял в их простоте и безыскусности. Подчас обороты его речи были достаточно избитыми, но всегда оказывали воздействие, поскольку красивые, героические слова заменялись незатейливыми выражениями из повседневной жизни, понятными каждому простому человеку, пусть даже неграмотному. Характерным является наблюдение Суханова, которого поначалу, как и многих других, восхищала исключительная способность Ленина сводить самые сложные вещи к простому. Он пишет, что по сравнению с дореволюционными выступлениями Ленина, дышащими напором и силой внушения, речи в период пребывания его в официальной должности главы правительства были плоскими, скучными и тривиальными, они походили друг на друга, как две капли воды. Разве это не отражение того факта, что он был более трибуном, чем государственным деятелем?

Сила воли Ленина уравнивалась, без сомнения, его интеллектом, хоть он и не был философом в истинном смысле и ему не по душе были умозрительные рассуждения; ум Ленина имел простую структуру, и от марксизма он почерпнул в первую очередь готовые формулы действий; философией Ленин занялся лишь позднее и довольно поверхностно. Его философия носит инструментальный характер, ибо служит преимущественно для оправдания его революционных действий. Прозорливость же его в части политических условий момента, распределения сил, слабостей противника, изменений ситуаций и возможностей была, наоборот, исключительной. В этом Ленин проявлял удивительную гибкость и умение приспособляться, которые, в свою очередь, являлись результатом его понимания реальной действительности и на практике сочетались с полным отсутствием щепетильности в выборе средств.

Ленин был рационалистом и утилитаристом и в помыслах, и в делах; для достижения политической цели все средства были хороши, а законы морали для него проистекали исключительно из идеологии и партийного мышления. При всей чистоте своей личной жизни он был аморален до мозга костей. Ему были не чужды сильные чувства. Он пытался обуздать их до рациональных пределов, однако их движущая сила зачастую давала мощный толчок его действиям. В кругу семьи и родных Ленин выказывал любовь и преданность, а привязанность к матери светлой полосой

проходит через все этапы этой мрачно-героической жизни. Но он, вероятно, не стал бы колебаться, если бы пришлось вступить в борьбу с ближайшими родственниками и друзьями, помешавшими осуществлению его идей, хотя, впрочем, Ленин не был начисто лишен элементов великодушия и верности. Однако ненависть двигала им в большей степени, чем любовь и привязанность. Во времена наивысшего политического напряжения и ожесточенной полемики ненависть могла ярко вспыхнуть в нем, довести его до неистовства и дрожи, причем он менялся даже физически. Ненависть была одной из важнейших движущих сил его поступков.

Сдерживающая сила разума не всегда была в состоянии сразу обуздать возникшую ожесточенность, и тогда от конструктивного соперничества был только один шаг до морального унижения оппонента и до желания уничтожить его. Этой своенравной и в основе своей властной натурой двигал еще один импульс, шедший из подсознания и в значительной мере определявший все ее действия — стремление к власти. Лишь изредка эта движущая сила вырывалась наружу, как произошло на следующее утро после революции. При всей личной неприязнительности и нетребовательности, при всей самоотверженности Ленин был натурой весьма эгоцентричной, для которой отождествление индивидуальной функции и всеобщих целей казалось само собой разумеющимся.

И во всем остальном любые рациональные соображения также подвергались ограничениям,

идушим из сферы подсознания. Ленин всегда мог четко отделить необходимое от второстепенного, однако фанатизм, присущий его воле, и утопические фантазии его идей затуманивали, судя по всему, ясное видение реальной действительности с ее временной и пространственной данностью. Когда в начале 1918 года Ленин считал, что для полного осуществления социализма в России потребуется «несколько месяцев», и говорил в Совете Народных Комиссаров о том, что социализм может быть достигнут «через полгода», то этим он демонстрировал идеалистический оптимизм, находящийся в резком контрасте с весьма трезвым отношением к актуальным проблемам повседневной жизни. Сомнительным является утверждение Горького о том, что в этом «воинствующем оптимизме» Ленина просматриваются чуждые, нерусские черты; их можно обнаружить как у декабристов, так и у народников раннего периода. В любом случае здесь, в этом недостаточном понимании временного фактора заключена склонность к романтически-нереальному, которая в сочетании с опьяняющей верой в гигантские грядущие возможности развития человека, оплачиваемого сколь угодно большой мерой жертв и страданий, ставит его в один ряд с великими мечтателями и утопистами человечества. Уэллс назвал Ленина «мечтателем электрификации» и этим правильно определил исходный пункт его действий, мечту о преобразующей силе технического совершенства, которая приобрела для него власть, присущую разве что Евангелию. Уже в ранний

период революции перед внутренним оком Ленина представляла Россия, которая не только достигла уровня цивилизации Запада, но и перегнала его. Здесь на свет божий вырывается остаток духа славянофильства – то типичное смещение сознания собственной отсталости и мощного чувства юношеского превосходства над Западом, отпечаток которого с незапамятных времен лежал на проблеме отношения России к Западу. Именно такое впечатление создают разговоры Горького с Лениным о Толстом. «Кого в Европе можно поставить рядом с ним? – спросил он и сам себе ответил: – Некого!» «... и с удовлетворением, – добавляет Горький, – он потер руки и улыбнулся, довольно щурясь, словно кот на солнце». «Европа беднее нас», – сказал он в другой раз, так что Горький приходит к выводу: «Он был русским до мозга костей, с хитростью и лукавством Шуйского, железной волей Аввакума и столь необходимой революционеру прямолинейностью Петра Великого».

Не одному наблюдателю бросалась в глаза одна ярко выраженная крестьянская черта в Ленине, бесспорно присутствовавшая в нем, несмотря на то, что его предки уже три поколения назад отошли от крестьянской среды. «У него, – пишет Троцкий, – ум такой же правильный, как у крестьянина, только помноженный на максимум и снабженный острейшим научным методом мышления». Простая, скромная, и в то же время уверенная манера держать себя, трезвая оценка практических преимуществ, хитрость с оттенком плутовства – вот те

основные черты, благодаря которым он казался своим тому крестьянину, который пришел к нему пожаловаться на тяготы жизни. Кроме того, с русским крестьянином Ленина роднит и способность очертя голову совершать насильственные действия. В этом состояла его тесная связь с исполинской мощью народа; в нем было что-то от духа Пугачева, возвращения которого ожидали не только анархист Кропоткин, но и панславист Погодин. Это был «народ» в специфически русском, ограниченном значении «низшего слоя народа», сохранившемся в понятии со времени начала европеизации. И этот «народ» нашел свое воплощение в Ленине, человеке из небольшого приволжского городка, несмотря на то, что возможны были совершенно иные инкарнации данного народного духа.

Однако в Ленине часто видели и типичного представителя русской интеллигенции, того радикально настроенного слоя образованных людей, который использовал духовное начало в качестве политического оружия против аристократии. Это вполне соответствует действительности, если вспомнить о том, что он рассматривал проблему руководства рабочим классом, безусловно, с точки зрения профессионального заговорщика-интеллигента, а не с точки зрения профсоюзного лидера или делегата совета. В этой связи его духовными предками – с русской стороны – следует считать в большей степени Чернышевского, Бакунина и Белинского, чем Герцена. Но именно поэтому становится ясно, что Ленин совсем из другого теста, чем, к примеру, Плеханов, в

котором, как и в Марксе, был жив европейский дух со всем его гуманистическим наследием. Ленин же, напротив, находится по другую сторону гуманизма и идеализма; он принадлежит двадцатому столетию, от которого Буркхардт и Ницше ожидали возрождения варварства — и не в одной только России.

Тот же Буркхардт создал слово «ужасные упрощенцы», чей приход он предвидел. «Вы говорите, — однажды сказал Ленин Горькому, — что я слишком упрощаю жизнь и что упрощение грозит культуре крахом?» И тут же сам ответил: «Русской массе нужно показать что-то очень простое, что-то доступное ее пониманию. Советы и коммунизм — это что-то простое!» Этими словами он сам себя изображает одним из тех «симплификаторов», о которых шла речь. «Он был прямым и простым как все, что он говорил; в его героизме отсутствовал всякий блеск», — пишет Горький в своем честном и все же панегирическом некрологе Ленину, не задумываясь о том, что тактические ходы Ленина часто представляли собой уловки, его отношение к людям было не свободно от коварства и что эта «простота» его натуры включала в себя и роковую односторонность. Ленину недоставало понимания истинных душевных потребностей человека, находящихся по ту сторону рационально постижимого и целесообразного. Ему ничего не было известно о глубинной энергии жизни, о высших силах, о законах, действительно движущих историю человечества. Вот факт, который не укрылся и от Суханова, весьма наблюдательного очевидца: «Некоторые элементарные явления

окружающей действительности были Ленину недоступны, и его гениальность не исключала частичной ограниченности в определенных вещах». «Соединение страстного фанатизма с полной слепотой вне сферы чисто политических тактических вопросов делает его фигурой отталкивающей», — пишет Боркенау¹.

Человек, в понимании Ленина, ориентированный на организацию, технику, прогресс цивилизации и классовую борьбу, в суженном и искаженном виде отражает образ того индивидуума, который является плодом высокой культуры Запада и Востока, который формировался и совершенствовался тысячелетиями под влиянием великих мировых религий.

Насколько значителен был перелом 1917 года, настолько же неразрывны между собой ленинизм и сталинизм. Сталин не предавал и не искажал дела Ленина: сталинизм вырос непосредственно из

¹ Одну из наиболее метких характеристик дал Ленину лидер социал-революционеров В.М.Чернов; она опубликована в газете «Дело народа» от 16 (29) апреля 1917 года. («У Ленина необычный разум, но это разум, который не охватывает вещи в пространстве с тремя измерениями: это разум одномерный, более того: разум однолинейный. Он не просто в шорах, а в шорах, которые на концах соединены так, что почти маниакально фиксируют взгляд на одной точке...»).

Ленин как человек безусловно чист... но он человек, имсущий тенденцию к искривлению воли, а поэтому притупленное чувство такта...»).

Лучшей из подробных биографий Ленина следует считать книгу Луи Фишера «The life of Lenin» (Нью-Йорк, 1964, в переводе на немецкий язык, Кельн, 1965). Следует упомянуть также Собрание сочинений В. И. Ленина, изданное Л.Шапиро (Штуттгарт, 1969), а также две работы Георга фон Рауха: «Ленин и “упущенная революция” в Германии» и «Ленин и проблема противоречий в капиталистическом лагере».

ленинизма. Второй скачок еще более осязательно спрессовал в нескольких годах отрезок развития, рассчитанный на поколения. Начиная с 1928 года в коллективизации крестьянства и в пятилетних планах индустриализации была воплощена часть ленинской мечты. Какими гигантскими ни были бы формально эти достижения, все же они означают окончательное фиаско ленинского представления о том, что осуществление его программы принесет человечеству рай на земле, ибо с ними связаны закабаление свободного человека тоталитарным деспотическим режимом.

И тем не менее, выдающееся всемирно-историческое значение Ленина бесспорно. Он открыл, и не только для России, новую эпоху, век, который представляется, с одной стороны, плодом растущей рационализации и механизации культуры человечества, с другой — разгула иррациональных сил и демонических инстинктов человеческой души, которые считались подвластными идеализму и гуманизму. Граф Герман Кайзерлинг в своем остроумном и скандальном эссе «Спектр Европы» задает вопрос: «Кто сможет без Ленина понять сегодняшнее душевное состояние нашей части света?» Даже если «на востоке он все больше превращается в образ святого, в то время как для нас, в абсолютном понимании, представляет сатанинское начало». Так или иначе: «Сегодня Россия представляет будущее, причастным к которому хочет быть каждый, желающий доказать свое соответствие задачам нового периода истории». И он ставит вопрос о

том, «не создан ли в России образец человека того широчайшего внутреннего напряжения, тип которого представляется соответствующим задачам ойкумены, — подобно тому, как это было в Америке — и для овладения которыми европеец нынешней формации был слишком узок и провинциален». Когда-нибудь в среде «этого чудесным образом одаренного, сильного и одухотворенного народа расцветет одна из самых значительных культур человечества». Однако «светлое будущее забрезжит лишь столетия спустя», а до тех пор неизбежен хаос. «Во времена всеобщей варваризации примитивное лучше всего соответствует духу времени».

Большевизм Ленина, как скроенная по русским меркам форма марксизма, в отношении культуры, применительно к эпохе ее блестящего расцвета в России (1780—1914 гг.), несомненно, является возвратом к примитивному. Однако в то же время Ленин открыл для России эпоху великих технических достижений, позволивших ей подняться на иной, более высокий уровень цивилизации, когда в кратчайший срок были наверстаны индустриализация, электрификация, внутренняя колонизация, открыты месторождения полезных ископаемых и введены в строй транспортные магистрали. Эти свершения осуществил народ, к которому впервые в истории был обращен призыв, всколыхнувший все его слои. Народ «пробудился ото сна», в который, по словам Горького, «больше никогда не погрузится», активизировался и предельно

мобилизовал свои силы так, что высвободились новые, неизведанные потенциальные возможности. Этому грандиозно-беспощадному, жестокому и отмеченному многочисленными жертвами внутреннему развитию соответствует внешнеполитическое событие, которое совершило болезненный процесс выделения России из Европы и, осуществляя экспансию на западе и востоке, далеко превосходящую проявления империализма царских режимов, создало евро-азиатскую империю, перед которой блекнут все мировые империи из пророчеств Даниила и в которой образ апокалипсиса обрел, казалось, реальные черты.

Ведь, начавшись на земле России, ленинский эксперимент простирает свое влияние далеко за пределы ее границ, с тем чтобы распространить свою власть не только на разделяющие подобный образ мыслей или захваченные пространства в Восточной Азии или Восточной Европе, но и на остальной мир. Отсюда исходит угроза для человека XX века, выходящая далеко за пределы проблем его физического или политического существования, угроза, которая способна вызвать изменения в самых сокровенных глубинах человеческой сути.

Большевизм бросил человечеству вызов, равного которому не знает история нового времени. Тот факт, что именно инициатива Ленина, проявившаяся в обстановке редкого сочетания объективных условий и субъективных решений, дала толчок событиям, столь значительным по своим последствиям, позволяет сделать вывод относительно исторического ранга и демонической силы его личности.

Послесловие

В рамках краткого биографического очерка, который повествует о политической деятельности Ленина и одновременно включает в себя сведения о частной жизни вождя и характеристику его личности, а также раскрывает богатство его идей на примерах из работ и публичных выступлений, невозможно в достаточной степени подробно остановиться на предпосылках развития социалистического движения в целом и на определенных периодах истории России. Ниже упомянуты соответствующие источники.

При работе над очерком использовались как официальные документы, так и материалы критического характера. Наряду с произведениями и записями Ленина это письма и мемуары его родных и современников, прежде всего Горького, Гильбо (Guilbeaux), Лепешинского, Луначарского, Шагиняна, Зиновьева, Суханова, Троцкого и Валентинова, а также материалы протоколов съездов и различных комиссий. Привлекались и художественные произведения таких авторов, как Бошенский, Карр, Шамберлен, Шасле, Фюлеп-Миллер, Хельцле, Либер, Марку, Пианцола, Шапиро,

Тредгольд и Вольфе, а также сочинения Анвейлера, Боркенау, Гуриана, Маркерта, Нюрнбергера и Шейберта. Лучшая и наиболее подробная биография Ленина, несмотря на ее беллетристический характер, принадлежит перу Давида Шуба (Висбаден, 1957). Для сравнения можно рекомендовать официальную биографию, которая вышла в 1961 г. в издательстве «Dietz» в переводе на немецкий язык.

Сведения о семье Ленина почерпнуты из небольшого исследования «Любекские предки Ленина», опубликованного в журнале исторического общества г. Любека в 1960 г. Новые данные об источниках денежных средств Ленина содержатся в журнале «International Affairs» (1956, №4), в исследованиях Хальберга «Возвращение Ленина в Россию» (Лейден, 1957) и Земана «Германия и революция в России» (Оксфорд, 1958). Что касается предположений о происхождении имени «Ленин» и роли Чернышевского в развитии его политических идей см. воспоминания Н.Валентинова «Встречи с Лениным» (Нью-Йорк, 1953) и письма Ленина к Инессе Арманд, опубликованные в Париже в 1950 г.

Исторические даты до 1 (14) февраля 1918 г. применительно к России даются по юлианскому календарю (старый стиль).

Книга вторая

СТАЛИН

ВОЗВЕДЕНИЕ СССР В РАНГ
ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ .

Детство и юность Сталина

Сталин родился 21 декабря 1879 года (в том же году, что и Троцкий), девять лет и восемь месяцев спустя после рождения Ленина. Его родина – Гори, небольшой городок в бывшей Тифлисской губернии, которая сегодня является частью Союза Советских Социалистических Республик – Грузинской Советской Социалистической Республикой¹. Отец, Виссарион Джугашвили, сапожник, простой грузин поселился в Гори около 1875 года. Там он женился на такой же простой грузинке Екатерине Геладзе, которой было тогда всего лишь пятнадцать лет.

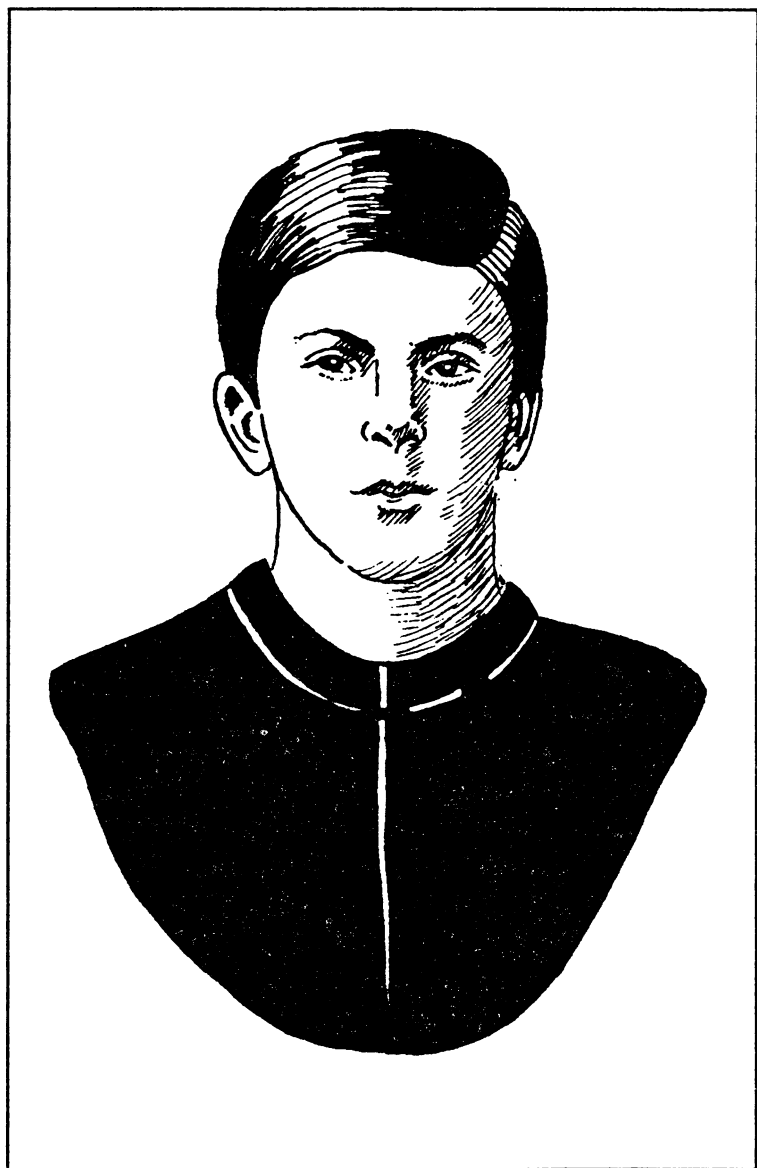
У супругов родилось четверо детей, но в живых остался только один мальчик, крещенный Иосифом. Он был записан в церковную книгу Гори как Иосиф Виссарионович Джугашвили, а позже вошел в историю России и Советского Союза под именем Сталин.

Документальные свидетельства о семье, детстве и юности Сталина на протяжении последующих десятилетий претерпели столь разнообразные изменения, что наши представления о событиях

¹ Грузинская Советская Социалистическая республика ныне независимая республика Грузия. – *Прим. ред.*

тех лет нельзя считать абсолютно достоверными. Однако бесспорным фактом является то, что детство Сталина прошло в условиях материальной и духовной нищеты. Безусловно, жестокое обращение отца семейства, склонного к злоупотреблению алкоголем, с сыном и женой оказало сильное влияние на формирование характера молодого Сталина. Вполне возможно, рано повзрослевший мальчик проникся идеей коммунизма не в последнюю очередь под влиянием ударов судьбы и разочарований, выпавших на долю семьи. Отец был вынужден отказаться от попыток заработать на жизнь, будучи независимым ремесленником, переехал в Тифлис и нанялся на обувную фабрику. Он умер в 1890 году, когда его сыну, оставшемуся в Гори, было лишь одиннадцать лет.

За два года до этого, то есть в 1888 году, матери, женщине трудолюбивой и целеустремленной, удалось определить своего любимца Сосо (уменьшительное от Иосиф) в школу при православной общине в Гори, которую он и закончил к лету 1894 года. Общая атмосфера школы и классовые предрасудки, характерные для любого церковного учебного заведения, способствовали тому, что в душе отпрыска бедного сапожника и батрачки рано сформировались презрение к людям и классовая ненависть. По-видимому, уже тогда юноша научился скрывать от окружающих свои истинные убеждения и выглядеть в глазах наставников примерным учеником, что было совсем не трудно благодаря его врожденным способностям.

И.В. Сталин, 1894г.

В результате юноше, которому исполнилось уже пятнадцать лет, осенью 1894 года удалось стараниями матери получить стипендию и поступить в православную духовную семинарию в Тифлисе. Здесь прошли пять лет, ставших решающими для дальнейшего развития его личности.

Тифлисская духовная семинария представляла собой закрытый интернат, в котором студенты были лишены какой-либо личной свободы и находились под постоянным, подчас унижительным контролем специально для этого приставленных монахов, что, естественно, омрачало жизнь юношей. Кроме того, в семинарии, в небольшом замкнутом пространстве процветали лицемерие, интриги, подозрения, революционные настроения, политические противоречия. Однако и здесь, как прежде в горийской школе, взрослеющий Иосиф Джугашвили поначалу держался в стороне от всего, что могло бы его скомпрометировать в глазах педагогов и надзирателей. В первые два года пребывания в семинарии он усиленно старался выдвинуться, став образцом прилежания, внимания и послушания. Среди товарищей он не пользовался любовью, поскольку был скрытным, недоброжелательным, с раздражением реагировал на успехи других и мстительно относился к каждому, кто в чем-то превосходил его.

В ноябре 1896 года руководство семинарии впервые заподозрило Джугашвили в чтении запрещенной литературы светского характера и наказало его за это. Вскоре он познакомился с сочинениями

Маркса и Энгельса и в августе 1898 года примкнул к существовавшей в Тифлисе тайной социалистической организации под названием «Месаме-даси», целью которой было распространение социалистических воззрений и пропаганда грузинских национальных интересов.

Однако Иосиф Джугашвили выступил против существующего строя, руководствуясь не грузинскими национальными идеалами, а диалектическим материализмом Маркса и его учением о классовой борьбе. Для трезвого рассудка Сталина и его объективной оценки исторических условий характерным было то, что он, прекрасно осознавая свою принадлежность к грузинской национальности, уже юношей примирился с порабощением родины Российской империей. Он видел в этом необходимое и неизбежное зло, которое с точки зрения исторической перспективы представлялось ему все же более приемлемым, чем возможное подчинение Грузии Турции или Персии. Учитывая это, следует рассматривать и то обстоятельство, что в будущем Сталин, особенно в последний период жизни, все больше превращался в патриота русского образца.

После вступления в вышеупомянутую социалистическую организацию «Месаме-даси» Джугашвили уже совершенно открыто, не считаясь с тем, что все еще был студентом семинарии, начал выступать на тайных собраниях тифлисских рабочих с речами пропагандистского характера. Впрочем, он старался избежать разоблачения: не напрасно он за это время научился вести двойную

жизнь. Однако вскоре эта деятельность была прекращена: его занятия обратили на себя внимание в Тифлисе, и в мае 1899 года Иосиф Джугашвили был исключен из семинарии. Официальная версия гласила: «Неявка на экзамены», однако истинной причиной были его строптивость, политическая «неблагонадежность» и нелегальная пропагандистская деятельность.

В результате Джугашвили приобрел самостоятельность и должен был искать свое место и утверждать себя во враждебном ему мире. Его единственным оружием была неукротимая классовая ненависть, ставшая его второй натурой и помогавшая преодолеть комплексы неполноценности.

Первые шаги в революционном движении

Когда в 1899 году Иосиф Джугашвили начал самостоятельную жизнь, борьба, которую на протяжении двух десятилетий народники вели со своими противниками, русскими марксистами, уже окончательно разрешилась в пользу последних. Народники, последователи движения, возникшего в России в 70-е годы прошлого столетия, начертав на своих знаменах лозунги революционного аграрного российского социализма, придерживались мнения, что после отмены крепостного права (1861 г.) достаточно только свержения царского самодержавия, чтобы России была гарантирована свобода в социальной и духовной сфере на базе аграрной модели социализма. В большинстве своем народники были враждебно настроены по отношению к влияниям Запада и не видели необходимости в индустриализации страны.

Наиболее значительного противника народники обрели в лице Плеханова (род. в 1856 г.), который поначалу примкнул к их движению, но в 1879 году сорвал нелегально собравшуюся в Воронеже конференцию народников и вышел из их

рядов, став лидером группы умеренного толка. Плеханов был одним из наиболее талантливых поборников идеологии марксизма в России. Он намного опередил свое время, поскольку промышленность России в начале 80-х годов прошлого века предпринимала только первые шаги, и требовалось известное мужество и глубокая убежденность, чтобы возлагать надежды политического и социального характера на практически еще не существующий пролетариат.

Между народниками и марксистами возникали противоречия как идеологической, так и тактической природы. В то время как народники проповедовали «индивидуальный террор» и предприняли целый ряд успешных покушений, марксисты были убежденными противниками индивидуально-го террора и придерживались мнения, что убийство горстки людей, в том числе и царя, не сможет свергнуть формировавшийся веками режим. Дальнейший ход исторического развития подтвердил правоту марксистов, поскольку в процессе индустриализации России пролетариат увеличивался численно и сила его возрастала. Так, в 1894 году, в год поступления Сталина в тифлисскую семинарию, Ленин в своих работах занял позицию для нанесения решительного удара по народникам, который и определил окончательно их судьбу в глазах русских социалистов.

Однако и в среде марксистов существовали значительные расхождения во взглядах на некоторые вопросы. Умеренные, или так называемые

«легальные», марксисты рассматривали капитализм как неизбежную и необходимую промежуточную стадию при переходе от феодализма к социализму. По их мнению, высокоразвитая промышленность являлась обязательной предпосылкой осуществления социализма, предпосылкой, которой в России пока еще не существовало. Первоочередную важность для них представляло мирное разрешение социальной напряженности. Поскольку легальные марксисты рассчитывали на длительный период борьбы, то Ленин, в котором уже тогда была заметна нетерпеливость, свойственная тайным заговорщикам, усмотрел необходимость решительным образом рассчитаться с ними.

Причиной другого разногласия внутри российского марксистского движения был вопрос о роли профсоюзов. Если для одних профсоюзы были в первую очередь инструментом политической борьбы, то другие стремились ограничить роль профсоюзов лишь поддержкой выступлений рабочих, требующих повышения заработной платы и улучшения условий труда. С представителями второго направления оппоненты разделились окончательно, обвинив их в недооценке классового сознания пролетариата, даже в оскорблении его, и привесив ярлык «экономистов». Показательным для характеристики Иосифа Джугашвили является то обстоятельство, что в этом споре он принял сторону представителей радикального направления, несмотря на то, что в то время они находились в меньшинстве.

В 1898 году попытка марксистов создать русскую социал-демократическую партию не увенчалась успехом, однако в 1900 году их стремление получило новый мощный толчок после возвращения Ленина из трехлетней сибирской ссылки. В конце 1900 года в Германии вышел в свет первый номер нелегальной газеты «Искра», систематически переправлявшейся в Россию.

Эта газета полностью оправдала свое название, сыграв немалую роль в формировании революционного движения в России. Она стала связующим звеном между русскими социалистами внутри страны и за ее пределами и действенным инструментом подготовки революции. Для Иосифа Джугашвили «Искра» была путеводной звездой, и он успешно шел по пути, указываемому ею, и в своей пропагандистской деятельности, и в дискуссии с социалистами-аграрниками, «легальными» марксистами и «экономистами».

В течение нескольких месяцев после исключения из тифлисской семинарии Иосиф Джугашвили не имел ни постоянной крыши над головой, ни работы. Некоторое время он провел у матери в Гори, но вскоре возвратился в Тифлис. Здесь он зарабатывал на жизнь вначале уроками, а к концу 1899 года получил низкооплачиваемое место в тифлисской обсерватории. Эта работа давала немалое преимущество, поскольку теперь у него была своя комната, где он мог время от времени встречаться с единомышленниками, не привлекая к себе лишнего внимания. При этом ему

очень пригодился его талант конспиратора, приобретенный еще в семинарии, и волны арестов, жертвами которых в последующие месяцы стали многие члены «Месаме-даси», его не затронули.

В 1900 году около пятисот тифлисских рабочих под руководством Джугашвили предприняли первую попытку широкомасштабно отметить Первомайский праздник в отдаленном пригороде Тифлиса и заранее приступили к соответствующей подготовке. Но осуществить задуманное не удалось, поскольку у «охранки» (тайная политическая полиция, созданная в 1881 г. после убийства царя Александра II) возникли подозрения, и главные зачинщики были арестованы. Однако Джугашвили и на этот раз избежал ареста. Правда, в его кабинете в обсерватории был произведен обыск, свидетельствовавший о том, что полиции стало известно о его тайной деятельности. Это вынудило Джугашвили прекратить легальную деятельность и скрываться под различными именами. Из подполья он вышел лишь в 1917 году.

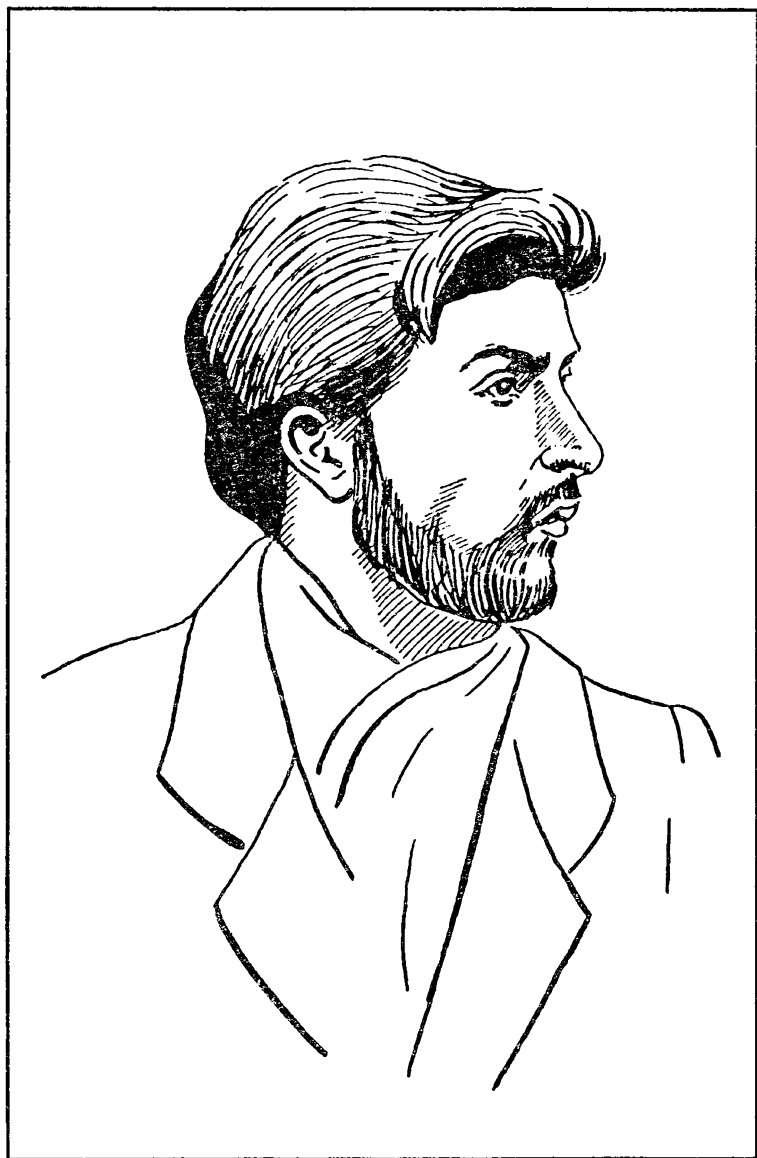
В это время Джугашвили писал статьи для газеты «Брдзола» («Борьба»), первый номер которой вышел в Тифлисе в сентябре 1901 года на грузинском языке. Анализ этих статей позволяет выявить неожиданное, но весьма характерное обстоятельство: в аргументации автора, которому исполнился всего двадцать один год, уже, несомненно, был виден будущий большевик. Кроме того, Джугашвили в то время принимал участие в тайных собраниях, уличных демонстрациях,

организации забастовок и прочих подобных мероприятий.

В ноябре 1901 года он был избран действительным членом тифлисского комитета социал-демократической партии и вскоре переселился в Батум, где был необходим деловой организатор-социалист. В Батуме Джугашвили взял в качестве партийной клички грузинское имя «Коба», что означает «несгибаемый». Это имя он носил около двенадцати лет, пока наконец Коба не превратился в Сталина.

Энергичность Кобы очень скоро проявилась в Батуме в форме создания новых социал-демократических организаций на местных фабриках, постоянных забастовок и частых уличных демонстраций. Одна из таких демонстраций закончилась перестрелкой, в результате чего пролилось много крови. 5 апреля 1902 года Коба был арестован во время заседания партийного комитета и помещен в местную тюрьму.

Автору было трудно удержаться от соблазна и в связи с упоминанием об аресте Кобы поведать кое-что о темных сторонах организации тюремного дела в царской России. Однако сознание того, что в нашем веке в области прав человека происходят вещи, отодвигающие грехи царской России далеко в тень, удержало его от подобных высказываний. Об этом свидетельствует факт, что Коба, будучи «политическим» заключенным, в отличие от «уголовных» преступников, находился на привилегированном положении, что в значительной

Сталин 1900г.

степени облегчало ему и его товарищам по несчастью пребывание в тюрьме, тем более, что заключенные, отбывающие срок за аналогичные преступления, как правило, не были отделены друг от друга. Это открывало простор для оживленных политических дискуссий. Так, товарищ Кобы, находившийся в тюрьме вместе с ним, много лет спустя все еще вспоминал, какую острую полемику тот вел с социалистами-аграрниками и противниками «Искры» и какой хорошей школой это оказалось впоследствии. Согласно другому источнику, заключенные батумской тюрьмы так же не любили Кобу из-за его заносчивости, нетерпимости и склонности к интригам, как и учащиеся тифлисской семинарии.

Пребывание в батумской тюрьме, за исключением короткого времени, когда его переводили в кутаисскую тюрьму, длилось до конца ноября 1903 года, то есть около полутора лет. Затем на основании не снятых с него подозрений (для вынесения приговора суда явно не хватало доказательств) Коба был насильственно выслан в Сибирь, в село Новая Уда Иркутской губернии.

Пока Коба находился в батумской тюрьме, произошло событие, которому большевизм и большевики благодарны фактом своего возникновения, ибо в результате его произошел раскол Российской социалистической рабочей партии на большевиков и меньшевиков. Начало было положено в середине июня 1903 года в Брюсселе, где собрался съезд Российской социалистической рабочей

партии, который советские историки называли «вторым» съездом партии, в память о первой не удавшейся встрече русских социалистов в 1898 году в Минске. В июле 1903 года съезд по соображениям безопасности через несколько дней был перенесен в Лондон, где продолжал свою деятельность до конца августа.

Наиболее ожесточенным противником Ленина на лондонском съезде оказался русский социал-демократ Мартов, один из основателей «Искры», а позднее ставший лидером меньшевиков. Поводом для судьбоносных дебатов между Лениным и Мартовым, которые привели к расколу партии, послужили расхождения в понимании вопроса о том, следует ли требовать от членов партии активной деятельности или же только помощи и как в соответствии с этим должен быть сформулирован первый параграф устава партии. При голосовании по этому вопросу Ленин остался в меньшинстве, поскольку более умеренное предложение Мартова победило с результатом 28 голосов против 23.

Кроме того, в конце съезда возникли разногласия в связи с выборами руководящих органов партии и редакции газеты «Искра». На этот раз победу одержал Ленин, ибо его кандидаты были избраны с перевесом в два голоса (19 против 17 при 3 воздержавшихся). Собственно говоря, имел место чисто случайный результат, поскольку к концу съезда часть делегатов уже покинула Лондон. Поскольку же Ленин настаивал на своих чисто формальных правах, а меньшинство, возглавляемое

Мартовым, не желало признать свое поражение, такой результат выборов повлек за собой раскол партии на большевиков и меньшевиков.

В последующее время Ленин все больше углублял этот раскол, отводя избранному Центральному Комитету роль наивысшего авторитета в партии. Меньшевики, представляемые Лениным чудаками-индивидуалистами, придерживались мнения, что необходимо поддержать либеральную буржуазию в ее борьбе против все еще существующей в России автократии, в то время как с точки зрения Ленина всякую связь со средним классом следовало бескомпромиссно отвергать. В результате его нетерпимости меньшевики стали бойкотировать большевистский Центральный Комитет и редакцию «Искры», так что Ленин в конце концов оказался в совершенной изоляции, и ему не оставалось ничего другого, как предоставить газету меньшевикам и сконцентрировать центр тяжести собственной деятельности на развитии нелегального движения в России.

Тем временем Коба в конце ноября 1903 года, то есть в преддверии войны между Россией и Японией, прибыл к месту ссылки в Восточной Сибири. Неразбериху, царившую в Сибири перед лицом угрозы войны, он использовал для того, чтобы бежать. Пережив в пути немало приключений, в начале февраля он возвратился на Кавказ. Там он впервые услышал о расколе в партии. Вначале это известие вывело его из равновесия, однако, по-видимому, ненадолго, поскольку уже к

концу 1904 года он вновь вел активную политическую работу под знаменем большевизма. Это не удивительно, потому что по своему темпераменту и складу характера Коба принадлежал к тем, кому импонировала жесткость Ленина и кто поэтому проникся его идеями. Кроме того, Сталина, видимо, привлекало то обстоятельство, что, будучи талантливым идеологом и пропагандистом, Ленин также оказался способен с абсолютной уверенностью и соответствующим авторитетом стать во главе иерархии подпольного движения. Это явно усилило доверие Кобы к нему.

За недолгой войной, которая продемонстрировала всему миру внутреннюю слабость России, последовало революционное восстание. Позже Ленин назвал его «генеральной репетицией» русской революции, нисколько не помышляя в 1905 году о том, что восстание окажется предвестником одной из величайших революций всех времен.

В событиях 1905 года Ленин вообще не принимал участия, ибо находился в это время в эмиграции в Женеве; Швейцарию он покинул лишь в конце октября и появился в С.-Петербурге в ноябре, когда всеобщей забастовке уже был дан отбой. Так Ленину пришлось на последней стадии восстания ограничиться руководством своими сторонниками из убежища.

Роль Кобы-Джугашвили в «генеральной репетиции» революции также весьма незначительна, несмотря на то, что Кавказ был одним из важных центров революции. При оценке общей ситуации

и существующего соотношения сил Коба-Джугашвили уже тогда проявил недалекость, ибо постоянно (как и впоследствии) исходил из ошибочных представлений. Так, к началу революции 1905 года Коба считал, что перед лицом народного восстания царская армия окажется неблагонадежной. Он значительно переоценивал трудности, которые пришлось преодолевать царскому режиму в связи с войной против Японии. Его пророчество о том, что Россия в скором времени окажется банкротом, потому что лишилась всех кредитов за границей, также оказалось игрой воображения, если принять во внимание крупные займы, предоставленные России Францией сразу же после войны. Однако это не мешало Кобе в статьях и речах с фанатичным ожесточением проповедовать постоянно одно и то же и в восторженных выражениях прославлять партию как единственную силу, реально способную повести за собой народ.

Последствия проигранной войны в сочетании с революцией создали в России столь напряженную внутреннюю обстановку, что правительство постаралось переложить на чужие плечи вину за всеобщее недовольство народа и найти клапан для его выхода. Так в России возникла пресловутая "Черная сотня", банды уголовников, охотившиеся за либералами, социалистами и евреями и расправлявшиеся с ними самым жестоким образом. На Кавказе же существовавшие там издавна религиозные и расовые противоречия использовались для того, чтобы натравливать магометан на армян, а русских — на

все прочие народности. Революция буквально захлебнулась в этих столкновениях.

Для Кобы разногласия между большевиками и меньшевиками находились в центре его интересов, поскольку его родина, Грузия, представляла собой цитадель меньшевизма, а сам он все больше превращался в непоколебимого ленинца. Одна из написанных им в тот период листовок привлекла внимание Ленина, что можно рассматривать как первый знак контакта, устанавливающегося между Лениным и Кобой.

Их первая встреча состоялась только в конце 1905 года в Таммерфорсе, где с 12 по 17 декабря проходили заседания большевистской конференции, основным пунктом повестки дня которой был вопрос о слиянии большевиков с меньшевиками. Это явилось для Кобы большим разочарованием, потому что кавказские большевики гораздо меньше русских были склонны к объединению.

В Таммерфорсе между Кобой и Лениным никоим образом не возникло личных отношений, не говоря уже о дружбе. Все легенды, распространявшиеся в этой связи позднее, не более чем верноподданническая пропаганда. Однако личность Ленина, по-видимому, произвела на Кобу сильное впечатление, насколько можно верить содержанию статьи, позднее сочиненной самим Сталиным. Сильные сомнения в достоверности его высказываний вызывает то обстоятельство, что в них особую роль играют такие качества Ленина, которые позднее проявились у него самого.

Коба возвратился из Таммерфорса в Тифлис в первые дни января 1906 года, когда революция после поражения московского вооруженного восстания (9–19 декабря 1905 г.) стала стихать. Решение об объединении большевиков с меньшевиками, принятое на конференции в Таммерфорсе, пока не принесло плодов, напротив, взаимное недоверие, казалось, еще больше возросло. На четвертом съезде Российской социал-демократической рабочей партии, который прошел в апреле 1906 года в Стокгольме, практически должно было произойти объединение большевиков с меньшевиками. Коба принимал участие и в этом съезде; это была его первая поездка за границу. (Таммерфорс находился в Финляндии, которая в то время входила в состав Российской империи). В Стокгольме произошло резкое столкновение различных позиций. Меньшевики выступали за отчуждение земельных владений крупных помещиков и передачу их в общинную собственность; Ленин же требовал национализации, то есть передачи земли и недр в собственность государства. Съезд завершился победой меньшевиков, которые завоевали три четверти мест в Центральном Комитете. В ходе заседаний Коба неоднократно принимал участие в дискуссии по вопросам будущей организации сельского хозяйства и, в отличие от Ленина, выдвигал требование передачи земли в руки крестьян. Однако это не помешало ему 25 лет спустя уничтожить единоличные крестьянские хозяйства путем насильственной коллективизации и превратить крестьян в рабов.

В мае 1907 года Коба под партийной кличкой «Иванович», которой иногда пользовался со времени съезда в Таммерфорсе, вновь отправился за границу, на этот раз в Лондон, чтобы принять участие в собирающемся там пятом съезде партии, где большевикам удалось обеспечить себе небольшое численное преимущество. В ходе дебатов был затронут вопрос о террористических актах, которые в то время в большом количестве совершались в России, преимущественно в форме нападений на транспорт, перевозящий деньги. Эта часть совещания закончилась недвусмысленным осуждением всяких вооруженных нападений и экспроприаций, причем примечательно, что Ленин от участия в голосовании воздержался. Коба также проявил в этом вопросе сдержанность и вообще не вступал в дебаты. По-видимому, это дает возможность утверждать, что он сам принимал участие в подобных терактах или, по меньшей мере, содействовал им, если это было необходимо в интересах партии.

Большевик Коба-Сталин

После поражения восстания 1905 года в России наступила реакция, которая означала поворот к порядку и реставрации и в результате которой к концу 1907 года Российская империя снова, казалось, обрела под собой твердую почву. Основная заслуга в этом принадлежит Петру Столыпину, который в 1906 году был назначен министром внутренних дел и премьер-министром, подавил революцию порой весьма жестокими средствами и начал проведение обширной аграрной реформы. Ее целью было создание экономически сильного и лояльного по отношению к власти крестьянства путем упразднения «мира» (сельских крестьянских общин) и расселения крестьян по хуторам. Разумеется, за короткий период с 1906 по 1914 год невозможно было полностью реализовать намеченное; однако были заложены основы успешного развития и последующего благоденствия России, если бы в результате первой мировой войны не возникла ситуация, при которой у власти оказались большевики. В тот момент Ленин правильно оценил обстановку, о чем свидетельствует его высказывание в беседе с одним

из друзей в декабре 1917 года: контрреволюция продлилась бы лет двадцать, «если бы основы царизма в это время не были расшатаны войной».

В этот период в среде русских социалистов царило состояние глубокой подавленности; в первую очередь среди меньшевиков распространилась столь сильная нерасположенность к нелегальной партийной работе любого рода, что Ленин, недолго думая, счел необходимым заклеить меньшевиков как могильщиков партии. Для своих сторонников Ленин выдвинул лозунг «упорядоченного отступления» и сам с группой большевистских лидеров возвратился в Европу. Коба же, в конце 1907 года временно скрывавшийся от тайной полиции под именем Нишарадзе, остался в Баку. Объяснение этому факту следует искать в том, что Ленин не видел повода для отъезда Кобы за границу вместе с ним. Во-первых, тот не входил в число лидеров, необходимых Ленину, во-вторых, не было настоятельных причин для спасения его любой ценой от царской «охранки». Таким образом, если не считать коротких поездок в Берлин, Краков и Вену, Сталин провел в России целых десять лет, с 1907 по 1917 год; из них в течение семи лет находился или в тюрьме, или в сибирской ссылке, или устраивал побег. Это обстоятельство оказало решающее влияние на формирование его характера. В противоположность большевикам, которые значительную часть своей жизни провели вне России и затем в течение почти двух десятилетий играли видную роль в Советском государстве, Сталин не

знал и не понимал Запада и его психологии. Он не владел ни одним из европейских языков и не был знаком с нравами и обычаями других стран. Его интернационализм марксистского толка не имел ничего общего с открытостью навстречу всему миру, а был для него явлением чисто догматического порядка и наложил на мышление Сталина печать своей ограниченности.

Если после революции 1905 года положение в большинстве регионов России до конца 1907 года в основном стабилизировалось, то в Баку продолжал тлеть революционный пожар, тем более что его энергично раздувал местный большевистский партийный комитет, в который в конце октября 1907 года вошел Коба-Сталин. Не в последнюю очередь этим объяснялись многочисленные трудовые конфликты, которые постоянно, словно на конвейере, происходили в нефтяной промышленности Баку и к которым, как правило, был причастен Коба-Сталин. В качестве рупора он в то время использовал журнал «Гудок», который выходил в Баку как легальный орган большевистских профсоюзов. Кроме того, характерным для ситуации в Баку является следующий факт: после того как местные власти одобрили выбор делегатов от рабочих для совещания с предпринимателями по вопросу истечения срока договора о тарифах, эти делегаты месяцами имели возможность продолжать заседания и обмениваться мнениями по политическим вопросам. То обстоятельство, что в сообщениях из Баку постоянно шла речь о

мероприятиях, которые были немыслимы в любом другом месте России, обратило на себя внимание Ленина и заставило его внимательнее присмотреться к большевистским лидерам, которым удалось добиться столь значительных успехов. Таким образом? в поле зрения Ленина снова, и на этот раз на более долгое время, попала личность Кобы-Сталина.

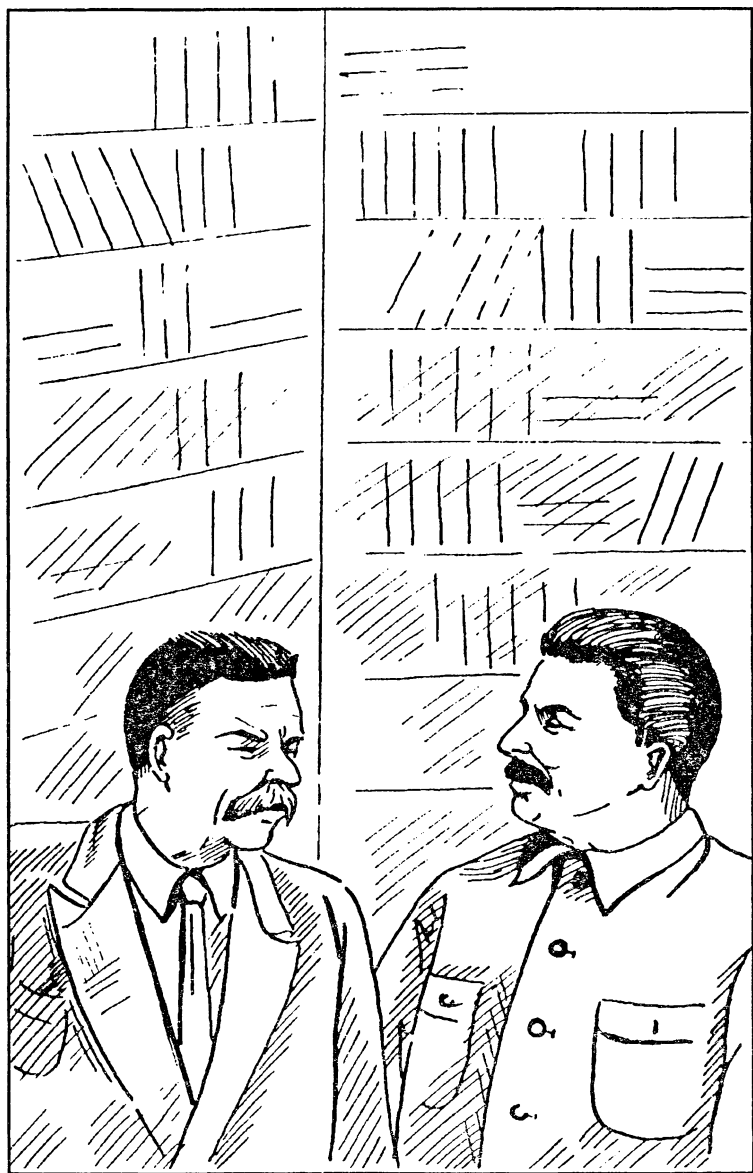
Одновременно деятельность Кобы-Сталина привлекла внимание и царской «охранки». В марте 1908 года он вместе с другом и сообщником Орджоникидзе, который впоследствии сыграл значительную роль в восстановлении тяжелой промышленности в СССР и в 1937 году умрет при таинственных обстоятельствах, был арестован и после восьмимесячного пребывания в тюрьме депортирован в Сольвычегодск Вологодской губернии.

Условия, в которых Коба-Сталин провел восемь месяцев в бакинской тюрьме, были несравненно хуже, чем в тюрьме в Батуме, где он находился с апреля 1902 года по ноябрь 1903 года. То, что делало пребывание в батумской тюрьме вполне сносным для ее обитателей, в бакинской тюрьме почти полностью отсутствовало, хотя и здесь заключенные имели возможность вести дискуссии на политические темы, даже отправлять на волю статьи для публикации в нелегальных журналах. Атмосфера в бакинской тюрьме была гнетущей, поскольку заключенные постоянно и вполне оправданно опасались шпиков и

провокаторов, которыми были окружены. По этой причине среди заключенных временами возникал своего рода психоз, результатом которого были жестокие столкновения и даже убийства лиц, которых справедливо или необоснованно считали провокаторами. В источниках сообщается, что Коба-Сталин принадлежал к наиболее активным преследователям подозреваемых и, случалось, не останавливался перед тем, чтобы причинить вред невинному человеку, если тот по какой-либо причине ему не нравился. В связи с массовыми убийствами, которые производились по указанию Сталина в периоды крупных чисток 1936–38 гг., это представляется совершенно достоверным. К тому же доказан факт, что во время казней, регулярно производившихся в бакинской тюрьме, Кобе-Сталину удавалось спокойно спать, даже если жертвами становились его товарищи.

В конце февраля Коба прибыл в Сольвычегодск, однако спустя четыре месяца он совершил побег и отправился вначале в С.-Петербург, где нашел приют у рабочего Аллилуева, своего будущего тестя; затем в июле 1909 года он снова оказался на Кавказе.

После возвращения в Баку Коба-Сталин снова с головой окунулся в конспиративную деятельность, которая показалась ему тем более необходимой, что положение партии за время его отсутствия в Баку ухудшилось: численный состав уменьшился и настроение внутри большевистской партии оставляло желать лучшего. Вследствие

Горький и Сталин

этого подпольное движение в Баку почти замерло. К этим неприятностям добавились споры среди политических эмигрантов, находящихся за границей, которых Коба упрекал в полном непонимании условий российской действительности. Впрочем, при этом он постоянно следил за тем, чтобы нападка на эмигрантов не осложнить своих отношений с Лениным.

В марте 1910 года, в разгар подготовки всеобщей забастовки в нефтяной промышленности Баку, Коба, скрывавшийся от полиции под именем Меликьянц, был снова арестован. Ему пришлось шесть месяцев провести в тюрьме в ожидании приказа о высылке, однако все кончилось довольно благополучно: Кобе-Джугашвили предписывалось отбыть в Сольвычегодске срок, оставшийся от предыдущей ссылки. На этот раз он не пытался бежать и был освобожден в конце июня 1911 года.

На этом закончился кавказский период жизни Кобы, поскольку из Сольвычегодска он больше не вернулся на Кавказ. Вначале отправился в Вологду, а два месяца спустя он уехал в С.-Петербург несмотря на то, что пребывание там было ему запрещено полицией. В С.-Петербурге он прежде всего разыскал своего друга Аллилуева. Это произошло в тот самый памятный день 18 сентября 1911 года, когда в киевском театре агент-provокатор «охранки» совершил покушение на Столыпина, закончившееся смертью премьер-министра. Волнение, охватившее в связи с этим

происшествием царскую тайную полицию, вызвало волну арестов лиц, находящихся на подозрении у «охранки». Разумеется, в их число входил и Коба, который на несколько месяцев отправился в тюрьму, а затем административным порядком был выслан на три года в Вологду. Однако Вологда, бывшая тогда центром одноименной российской губернии, находилась не на краю света, а царская «охранка», что касается бдительности и изощренности, даже отдаленно не достигала уровня ЧК, ГПУ, НКВД и МВД, и нет ничего удивительного в том, что столь опытному и прошедшему огонь, воду и медные трубы «подпольщику», как Коба, в короткий срок удалось провести полицию и в феврале 1912 года ускользнуть из Вологды.

Тем временем в январе 1912 года в Праге собрался съезд избранных членов Российской социал-демократической рабочей партии, на котором были представлены преимущественно большевики и лишь два меньшевика. На этом съезде было положено начало независимой, с организационной точки зрения, партии большевиков и принято решение об участии в выборах в четвертую Государственную Думу. Во вновь избранный в Праге большевистский Центральный Комитет вошли Ленин, Зиновьев, Орджоникидзе и другие, а Коба был кооптирован *in absentia*¹, что можно считать его вхождением в партийную иерархию.

¹ В отсутствии. — Прим. перев.

В последовавшие за этим месяцы Коба развил лихорадочную деятельность; он побывал на Кавказе, в Москве и С.-Петербурге, наладил там связи с большевиками-депутатами Думы, готовил выход первого номера газеты «Правда» и т.д. В результате этого в конце апреля 1912 года он был снова арестован и сослан, на этот раз на четыре года в Восточную Сибирь, в Нарым на Оби. Однако уже в сентябре он бежал из Нарыма, и в С.-Петербурге принял участие в подготовке к выборам в четвертую Думу, а в ноябре 1912 года появился в Кракове на конференции, где под председательством Ленина обсуждалась дальнейшая тактика большевистской партии. На краковской конференции Ленин настоял на том, чтобы была наконец проведена ясная разделительная черта между большевиками и меньшевиками, поскольку во время выборов в Думу наглядно выяснилось, что последние выступают от имени среднего сословия. Однако после возвращения в С.-Петербург Коба не в полной мере следовал директивам Ленина по этому вопросу, ибо как он, так и депутаты-большевики считали нецелесообразным демонстрировать крайне правым депутатам Думы напряженность, возникшую в рядах социалистов. Для того чтобы сгладить разногласия, в начале 1913 года Ленин вновь вызвал Кобу и шестерых депутатов-большевиков в Краков, где ему удалось убедить последних в необходимости отмежеваться от коллег-меньшевиков. Его расхождения во мнениях с Кобой были искусно преодолены путем компромисса.

После отъезда депутатов из Кракова Коба еще некоторое время оставался один на один с Лениным, что создало возможность для обстоятельных бесед со своим властелином и учителем, которые убедили Ленина в выдающихся способностях большевика Кобы, достигшего тогда всего лишь тридцати трех лет. Впрочем, решающую роль сыграло прекрасное знание Кобой национальных проблем, которые в ту пору особенно интересовали Ленина. В результате Коба получил от Ленина задание написать разработку о положении национальных меньшинств в России. Для выполнения этого задания Коба во второй половине января 1913 года поехал на четыре недели в Вену, где он имел возможность найти материал по данному вопросу и встретиться с людьми, которые могли оказать ему помощь в этой работе. За этот период Коба написал обширную работу о национальных меньшинствах в России, а незадолго перед этим под псевдонимом «Сталин» написал статью, направленную против Троцкого, которая появилась в «Социал-демократе» от 12 января. Итак, эта дата может считаться моментом превращения Кобы в Сталина.

Работа о национальных меньшинствах встретила полнейшее одобрение Ленина. В письме Горькому он превозносит Сталина, не скупясь на похвалы, и называет его «замечательным грузином».

В середине февраля 1913 года Сталин возвратился в С.-Петербург. Неделю спустя он стал жертвой агента-provокатора Малиновского, который

сумел завоевать безграничное доверие Ленина и даже стать членом Центрального Комитета партии. Это дало Малиновскому возможность оказывать «охранке» ценнейшие услуги и наносить русским революционерам немалый ущерб. По доносу Малиновского Сталин был арестован и после длительного заключения и скитаний очутился в конце концов в Восточной Сибири, в селе Курейка в Туруханском крае, в нижнем течении Енисея. В августе 1914 года в эту унылую местность пришла весть о начале первой мировой войны, однако это никак не изменило жизнь Сталина. Лишь к концу 1916 года, когда людские резервы были почти исчерпаны и царское правительство приняло решение о призыве на военную службу политических заключенных, Сталин получил предписание явиться на призывной пункт в Красноярск. Из-за небольшого повреждения левой руки он был признан негодным к военной службе и в конце февраля 1917 года получил разрешение провести остаток срока ссылки неподалеку от Красноярска. Вскоре произошло отречение царя от престола (15 марта 1917 г.), царский режим в России прекратил свое существование, и сосланные в Сибирь обрели свободу.

Нам немного известно о периоде пребывания Сталина в Курейке и его отношениях с окружающими; однако и этого достаточно, чтобы дополнить полученное представление о важнейших чертах характера Сталина и завершить его образ. Так, например, Свердлов, который с момента прихода

большевиков к власти до самой своей смерти весной 1919 года был председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и во время ссылки в Курейку некоторое время был вынужден жить в одной комнате со Сталиным, в письме сестре жаловался на полное отсутствие у него уважения к окружающим и на невообразимый беспорядок, который он устраивал вокруг себя, делая пребывание рядом с ним невыносимым. Из другого источника, автором которого является социал-революционер, также сосланный в Курейку, мы узнаем, что Сталин имел оригинальную склонность к людям с преступными инстинктами и «отличался как полным отсутствием принципов, так и необыкновенной жестокостью и неслыханным тщеславием».

Год 1917—й

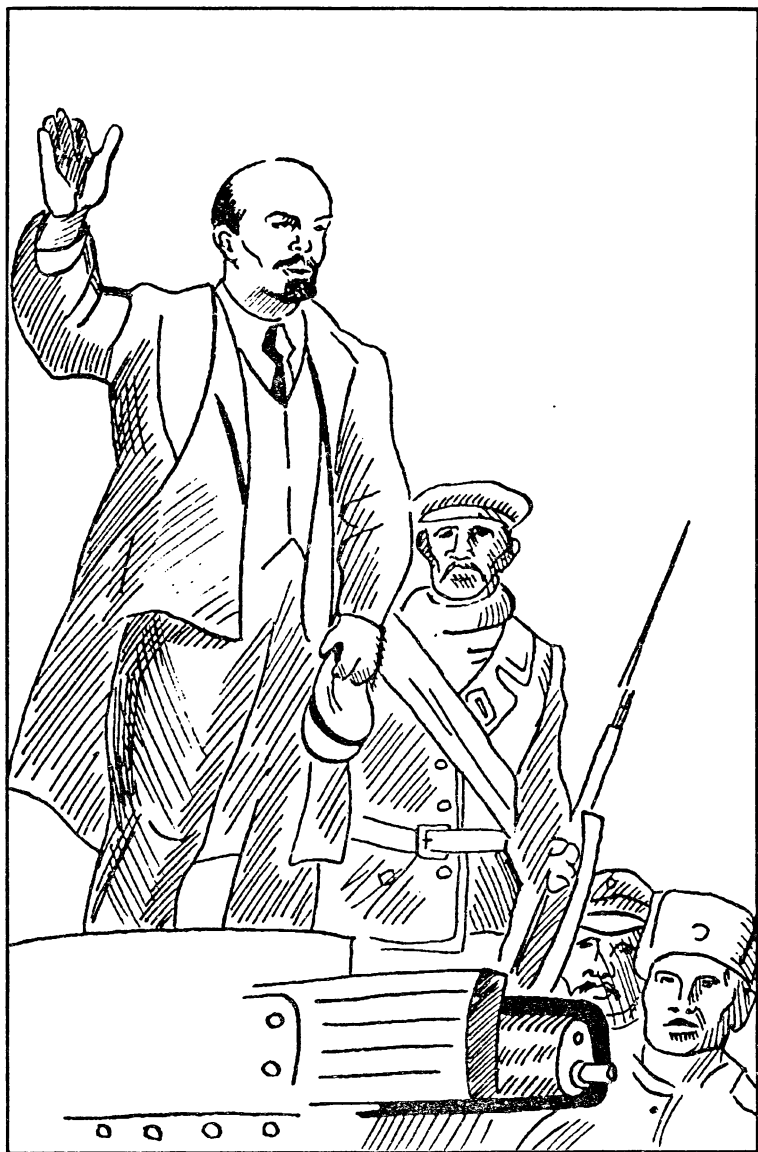
Падение царского режима в марте 1917 года и волнения в Петрограде обусловлены рядом причин. Среди них можно назвать неблагоприятное положение России в первой мировой войне; незавершенность вопроса с конституцией; внутренний надлом декадентствующих высших слоев общества; клика, собравшаяся вокруг царицы и вызывавшая всеобщее возмущение; предрасположенность русской интеллигенции к левым революционным взглядам; готовность мелкого крестьянства, сосредоточенного в перенаселенной деревне, к революции в аграрной сфере; значительные успехи социалистических партий в деле организации промышленного пролетариата.

8 марта в Петрограде (после начала первой мировой войны С.-Петербург был переименован в Петроград) начались забастовки и волнения и войска выступили заодно с восставшими рабочими, а 14 марта в Петрограде было сформировано Временное правительство, во главе которого стал князь Львов, представитель крупной российской буржуазии. Его поддерживали министр иностранных дел профессор Милюков (лидер конституционных

демократов, называемых «кадетами») и министр юстиции социал-демократ Керенский.

Временное правительство переоценивало свои возможности, полагая, что сумеет сдержать стихийную тягу крестьян к земле и отложить проведение основополагающих реформ до того момента, пока война не закончится победой России. Так, Керенский, в мае занявший пост военного министра, а в июне — премьер-министра, летом 1917 года попытался бросить разваливающуюся армию в кровавое наступление против Германии. Большевики, напротив, выдвигая действенные лозунги «Земля крестьянам» и «Заключение всеобщего мира», сумели расположить к себе массы. В результате большевикам под руководством Ленина, который еще в середине апреля возвратился в Россию, проехав через Германию вместе с несколькими ближайшими соратниками в «запломбированном» вагоне, удалось поздней осенью успешно осуществить вооруженное восстание и взять власть в свои руки.

Сталин возвратился из ссылки 25 марта 1917 года. После приезда в Петроград он, как имеющий наиболее длительный стаж членства в Центральном Комитете, избранном в январе 1912 года на конференции в Праге, немедленно взял на себя руководство «временным бюро Центрального Комитета», который был сформирован во время мартовской революции несколькими молодыми членами партии, а также редакцией «Правды». Таким образом, до 16 апреля, когда в Петроград возвратился Ленин, Сталин в течение

*Ленин выступает перед рабочими
Петрограда*

нескольких недель играл решающую роль в партии несмотря на то, что был известен лишь в самых узких партийных кругах.

В конце марта 1917 года на всероссийской конференции большевиков, первом собрании такого рода после отречения царя от престола, Сталин председательствовал и в условиях всеобщего смятения, царившего на конференции, доказал, насколько он уже в то время владел искусством политического лавирования при полном отсутствии каких-либо принципов. В зависимости от возражений, выдвигаемых участниками конференции, он менял свою тактику, сегодня выступая в поддержку Временного правительства на определенных условиях, а завтра заявляя совершенно обратное. Подобный спектакль он устраивал в вопросе объединения большевиков с меньшевиками, которое категорически отвергали «левые» устами своего спикера Молотова. С одной стороны, Сталин отклонял возражения Молотова, с другой же — пытался успокоить его сторонников заявлениями о том, что переговоры с меньшевиками будут вестись с крайней осторожностью. Они в действительности были начаты, однако затем, по прибытии Ленина в Петроград, немедленно прекращены, вслед за чем Сталин временно удалился со сцены.

Оценка Троцкого, вынесенная им Сталину, не может претендовать на объективность, поскольку он испытывал к тому слишком большую неприязнь; тем не менее, не будет лишним привести

здесь цитату из биографии Сталина, написанной Троцким. В связи с петроградской конференцией Троцкий говорит о Сталине следующее: «Конференция от марта 1917 года имеет чрезвычайное значение для оценки душевного состояния Сталина после его возвращения из Сибири. Со страниц протокола он предстает перед нами как плебей-демократ и ограниченный провинциал, который, следуя зову времени, загримировался под марксиста. Если бы в Сибири он хоть на шаг приблизился к идеям Ленина, то в марте 1917 года, накануне революции, он смог бы показаться таким, каков он в действительности, с такими глубоко укоренившимися чертами характера, как недоверие к массам, недостаток фантазии, близорукость и склонность следовать линии наименьшего сопротивления». В этой оценке так много верного, что ее нельзя утаить от читателя. Недаром при жизни Сталина протоколы этой конференции были недоступны советской общественности.

16 апреля 1917 года Ленин прибыл в Петроград, где на Финляндском вокзале его ждала триумфальная встреча. Примечательно, что среди большевистских делегатов, выехавших навстречу Ленину в Финляндию, Сталина не было. Вероятно, что отношения, которые когда-то завязались между ними в Кракове, были недостаточно доверительными.

Вернувшись в Россию, Ленин всей мощью своей личности, со свойственной ему бескомпромиссной убежденностью включился в происходящее.

16 апреля, в день приезда в Петроград, он обратился с речью к народу с балкона дворца балерины Кшесинской, которая была обвинена в связи с последним из царей и во дворце которой большевики устроили свою штаб-квартиру.

Нелегко из нагромождения доступного нам исторического и псевдоисторического материала выделить более или менее достоверную картину развития событий в России в те месяцы лета и осени 1917 года. Между информацией, навязываемой советской общественности с момента прихода Сталина к власти, и сведениями, полученными из других источников, зияет пропасть едва ли преодолимых противоречий. К документам первого типа относятся, например, различные издания Советской энциклопедии; к документам второго типа — воспоминания и биографии, вышедшие из-под пера авторов, которые создавали их, находясь под влиянием сильных личных антипатий, как, например, Троцкий. Публикации, которые под видом «личного участия автора в описываемых событиях» служат погоне за сенсациями или добыванию денег, как источники вообще исключаются. Таких материалов, к сожалению, предостаточно.

Однако есть вещи, говорящие сами за себя. Так, например, несомненно установленным историческим фактом является переворот, который произвел Ленин своей речью 16 апреля и который полгода спустя дал толчок эпохальным событиям. В провозглашенных им тогда так называемых «Апрельских тезисах» он выдвинул требование

полного пересмотра тактики партии, призвал подготовку к созыву Учредительного собрания парламентарскими методами заменить целенаправленной акцией, и ему удалось это осуществить.

Со второй речью Ленин выступил на конференции петроградской партийной организации, незадолго до которой Сталин выдвинул свою теорию возможности разделения обязанностей между Временным правительством и советами. Ленин призвал делегатов рассмотреть события с точки зрения совершенно новой перспективы, такой перспективы, которую «запасные лидеры» до настоящего времени вообще не имели в виду. Ленин сознательно шел на то, что его еретические идеи вызовут их удивление, даже возмущение, ибо был уверен в правоте своего дела и не сомневался в его конечном успехе. Сталин же вообще не участвовал в конференции, проявив сдержанность, которая, как ему казалось, была продиктована ситуацией. Для его престижа перелом, произведенный Лениным, явился тяжелым ударом, и теперь ему не оставалось ничего иного, как сцепить зубы и молчать. Однако Сталин не забыл о перевороте, осуществленном Лениным, и о той жалкой роли, которая отводилась при этом ему самому. Придя к единоличной власти, он немедленно завладел всеми протоколами, относящимися к конференции, чтобы путем фальсификации истории представить свое участие в этих событиях в более благоприятном свете.

Вслед за конференцией петроградской партийной организации во второй половине апреля в

Петрограде собралась всероссийская конференция партии большевиков, на которой Сталин придерживался тактики, весьма характерной для его дальнейшей линии поведения. Он избегал лично участвовать в происходящем в большей степени, чем это было продиктовано настоятельной необходимостью. Тем не менее, выступая с докладом по вопросу национальных меньшинств, он предусмотрительно не упустил возможности заверить слушателей в том, что полон решимости дистанцироваться от своих прежних воззрений и бывших союзников.

Всероссийская конференция, на последних заседаниях получившая полномочия съезда партии, завершилась в конце апреля выборами нового Центрального Комитета, в который был избран и Сталин. Впервые Сталин обеспечил себе участие в высшем органе партии со значительным большинством голосов и на основе выборов, произведенных в надлежащем порядке. Отныне для партийных деятелей он был известной личностью; однако в кругах, стоящих вне партии, его имя все еще ничего не говорило.

Летом 1917 года большевистское движение обрело нового лидера в лице Троцкого, возвратившегося в Россию из эмиграции. Благодаря своей политической воодушевленности, личному мужеству и блестящему красноречию он отодвинул в тень всех большевистских лидеров, не считая Ленина. Троцкий, до этого времени лавировавший между лагерем меньшевиков и лагерем

большевиков, в июле примкнул к Ленину, и по прошествии очень короткого времени народ связал его имя воедино с именем Ленина.

Необыкновенная личность Троцкого действительно оказывала своеобразное магическое действие на всех окружающих. Однако за блестящим фасадом царил дух тщеславный и непостоянный. На решающих этапах своего жизненного пути Троцкий неизбежно терпел неудачу, поскольку не умел действовать последовательно и ему недоставало таланта государственного деятеля. Он был в состоянии ослепить свое окружение обилием фантазий и идей, однако их воздействие было непродолжительным, поскольку он вскоре снова отказывался от них и не считал нужным проследить за их осуществлением. Ему не помогало и то, что благодаря своим выдающимся ораторским способностям он сумел околдовать массы, поскольку его противник Сталин еще задолго до своего решающего столкновения с Троцким заполнил все ключевые посты в партии своими ставленниками. Истинная трагедия судьбы Троцкого состоит в том, что его ошибки способствовали приходу к власти такого человека, как Сталин, который с вершины своего положения в течение многих лет смог держать под угрозой страны Запада. Ведь доктрина «перманентной революции», выдвигавшаяся Троцким, была бы, по-видимому, гораздо менее опасной для свободного мира, чем беззастенчивая последовательность Сталина.

То обстоятельство, что после выборов в большевистский Центральный Комитет Сталин начал перерастать собственные рамки, что выразилось как в уверенности манер, так и в правильности осознания общей ситуации, является фактом, скрыть который не мог даже такой критичный и недоброжелательный наблюдатель, каким был Троцкий. Если в биографии Сталина применительно к событиям апреля 1917 года Троцкий еще говорит о том, что «Сталин не продемонстрировал творческой инициативы и был скорее тормозом, чем движущим мотором», а в другом месте называет его «от природы ленивым и неспособным работать в полную силу», то ниже он решается процитировать одного из участников конференции петроградских большевиков, заявлявшего, что каждая произнесенная Сталиным фраза была острой и разящей и все сказанное им отличалось ясностью и точностью формулировок. В то же время Троцкий не упускает возможность упрекнуть Сталина в том, что тот преступным образом недооценивал готовность масс к борьбе, однако там, где борьба уже шла полным ходом, делал все, чтобы по возможности придать боевым действиям более острый характер. В другом месте Троцкий откровенно признает, что Сталин действовал правильно, когда после провала неудавшегося большевистского восстания в июле 1917 года стоял вопрос о том, должен ли Ленин сдать власть или скрыться. Сталин с большей определенностью, чем кто-либо другой, считал, что о первом пути вообще не может быть

и речи, ибо это означало бы верную гибель Ленина. Тем, что в тот критический период Сталин не был арестован, подобно Троцкому и многим другим большевикам, он был благодарен своему таланту конспиратора и тому обстоятельству, что он умел в нужный момент ловко отвлекать от себя внимание органов полиции. Даже Троцкий в биографии Сталина признает, что в те дни и недели, столь трудные для большевиков, Сталин был важным связующим звеном между Центральным Комитетом и Лениным и что Ленин проявлял к нему полное доверие как к осмотрительному конспиратору. В то время как после июльского поражения Ленин укрылся в Финляндии, руководство партией находилось в руках Сталина и Свердлова, двух влиятельных членов Центрального Комитета из числа оставшихся на свободе. В это время Сталин начал подготовку для своего будущего господства в партийном аппарате.

Провал июльского восстания большевиков усугублялся для них еще и тем, что революционное руководство считало выступление в данный момент преждевременным и тщетно пыталось помешать нанесению несвоевременного удара. Тем не менее, большевики довольно быстро оправались и уже в конце июля были в состоянии провести шестой съезд партии, на который собралось втрое больше делегатов, чем в апреле, и на котором Сталин выступил с докладами о политической деятельности Центрального Комитета и о сложившемся положении, то есть сделал оба основных доклада. По

всей видимости, он справился со своей задачей с замечательным мастерством, поскольку даже Троцкий, из-за ареста не принимавший участия в съезде, позднее охарактеризовал речи Сталина следующим образом: «Доклады Сталина содержали правильную оценку ситуации и точные прогнозы». Однако за этим определением следовало ограничение, хоть само по себе и небезосновательное, но становящееся понятным лишь в свете вражды, вспыхнувшей позднее между Троцким и Сталиным, ибо гласило: «Как обычно, речи Сталина недоставало внутренней структуры. Оратор утверждал, не обосновывая... Его определения не прошли через лабораторию аналитического мышления... Зачастую его аргументы были нашпигованы грубостью, особенно в конце речи, когда можно было не бояться реплики оппонента». Впрочем, насколько неуравновешенным и пристрастным мог быть Троцкий, показывает другое место в его книге о Сталине, где он иллюстрирует якобы свойственную Сталину особую склонность к выполнению «деликатных» миссий примерами, которые носят характер откровенных инсинуаций, а ниже все же констатирует, что «во время переговоров с противником Сталин никогда не втирал ему очки!» В будущем историкам явно будет нелегко разобраться в этих и других противоречиях, в особенности тогда, когда некому станет делиться собственными воспоминаниями о Сталине.

Тем временем в событиях в Петрограде все больше прослеживалась тенденция к вооруженному

восстанию. Однако относительно формы, а прежде всего момента, подобного вооруженному восстанию в июле-августе 1917 года, среди исполнителей главных ролей на политической сцене никоим образом не наблюдалось единства. Теоретики партии Бухарин и Преображенский считали, что Россия созреет для социалистического преобразования своего общественного строя лишь тогда, когда революция добьется успеха также и в Европе. В отличие от них Троцкий придерживался мнения, которое тогда разделял и Сталин, что Россия должна приступать к социалистической революции, не ожидая развития событий в Европе.

Провал предпринятого в конце августа 1917 года генералом Корниловым контрреволюционного путча, в подавлении которого большевики принимали участие плечом к плечу с меньшевиками, социал-революционерами и войсками правительства Керенского, придавал большевикам новый стимул в их стремлении к власти. При этом они ловко и целенаправленно использовали зажигательные лозунги о немедленном окончании войны и наделении крестьян землей, чем сумели обеспечить себе поддержку народа. Примитивная и оттого всем понятная манера выражаться, которую использовал Сталин в своих обращениях к народу, оказалась наиболее эффективным средством воздействия на настроения тех масс, с чьей помощью большевики в конце концов пришли к власти. Кроме того, удержать власть им удалось также лишь благодаря фанатичной

целеустремленности бесконечно малого меньшинства населения России.

В середине сентября 1917 года Ленин наконец пришел к решению начать вооруженное восстание. Находясь в своем убежище в Финляндии, он через Сталина обратился к Центральному Комитету партии с письменным требованием о проведении всех необходимых приготовлений. Несмотря на разногласия относительно тактики поведения и времени проведения акции, царившие среди членов Центрального Комитета до последнего момента, успех не заставил себя ждать, и этим участники благодарны не в последнюю очередь тому, что организаторы сумели перед лицом готовящейся контрреволюционной агрессии искусно создать видимость якобы наступательного характера своих приготовлений.

Окончательное решение о начале вооруженного восстания было принято Центральным Комитетом 23 октября 1917 года, после того как Ленин за два дня до этого вернулся из своего убежища в Финляндии в Петроград, чтобы лично принять участие в событиях. Из двенадцати членов Центрального Комитета десять проголосовали за восстание, в том числе Сталин, и двое против (Каменев и Зиновьев). 7 ноября большевики были в Петрограде хозяевами. По старому, еще действовавшему в России юлианскому календарю это было 25 октября – поэтому свой приход к власти большевики назвали Октябрьской революцией, хотя по григорианскому календарю, который

вступил в силу в России 1 февраля 1918 года, он произошел 7 ноября. Вследствие этого праздник Октябрьской революции в Советском Союзе торжественно отмечается 7 ноября.

В истории октябрьского восстания, пока она еще не была подвергнута фальсификации по указанию Сталина и не приняла благоприятный для него вид, напрасно было бы искать его имя среди главных действующих лиц. Возможно, это могут объяснить слова Троцкого, согласно которым участие Сталина всегда «было тем меньше, чем выше поднимались волны событий». Фактом является то, что именно в эти дни Сталин держался в тени дольше, чем обычно, и не появлялся на публике. Однако это не помешало официальным историографам позднее приписать ему решающую роль в подготовке, осуществлении и проведении вооруженного восстания, а также во взятии власти большевиками. Однако даже Троцкий, при всей его предвзятости по отношению к Сталину, не идет настолько далеко, чтобы обвинить его в трусости. «Он не был трусом, — пишет Троцкий, — он просто не хотел заниматься политикой... Он только хотел выждать, как восстание будет развиваться дальше, прежде чем высказать окончательное мнение». Как бы то ни было, фактом является то, что в статьях, которые Сталин в тот период публиковал в большевистской прессе, он не проявлял никакой сдержанности, демонстрируя бойкость пера и такой подъем, который не оставлял массы равнодушными. Поэтому

Троцкий в своих наблюдениях касательно положения в России к концу 1917 года не может не дать Сталину следующей оценки: «За это время он стал признанным членом генерального штаба партии. Он перестал быть Кобой. Он окончательно стал Сталиным!»

Брест-Литовск и гражданская война

Октябрьская революция по сравнению с последовавшей за ней гражданской войной была относительно мирным событием. Лично для Сталина Октябрьская революция означала начало карьеры, развитие которой вознесет его на вершину власти в России. 8 ноября 1917 года на II Всероссийском Съезде Советов рабочих и солдатских депутатов было объявлено о формировании нового правительства, в котором Сталин получил пост народного комиссара по делам национальностей. Однако роль, которую он с самого начала играл в рамках этого правительства, выходила далеко за пределы полномочий руководителя одного из менее важных народных комиссариатов. Теперь в момент принятия всех важных решений мы видим Сталина рядом с Лениным, который стал привлекать его как одного из наиболее близких и доверенных сотрудников, наряду с Троцким, к решению всех важных государственных и партийных проблем. Так, Сталин вместе с Лениным, Троцким и Свердловым входил в Организационное бюро Центрального Комитета,

состоявшее из четырех человек и созданное вскоре после революции. После формирования коалиционного правительства большевиков и социал-демократов Сталин также стал членом совета кабинета, в который, кроме него, вошли Ленин и Троцкий. Сталин провел рядом с Лениным ночь с 13 на 14 ноября, когда Петрограду угрожало наступление контрреволюционного генерала Краснова. Сталин был с Лениным и тогда, когда тот по телефону приказал Верховному главнокомандующему русскими войсками генералу Духонину передать руководству германской армией предложение о перемирии и распорядился о немедленной отставке генерала, когда тот отказался выполнить приказ. Сам Троцкий в биографии Сталина теперь говорит о его «выдающемся значении» и прямо признает, что Ленин и тогда, и в последующие месяцы, в особенности во время мирных переговоров с Германией в Брест-Литовске, имел обыкновение принимать решения в зависимости от результатов предварительной консультации со Сталиным.

После того как 15 ноября 1917 года Советское правительство приняло декрет «О праве наций на самоопределение», авторами которого являются Ленин и Сталин, последний в конце ноября впервые публично выступил в роли народного комиссара по делам национальностей на съезде финских социалистов. Там именем нового правительства России он провозгласил независимость Финляндии, о которой И. Дойчер в биографии Сталина

пишет следующее: «Несколько высокопарный текст речи Сталина создавал странный контраст с флегматичной и маловыразительной манерой изложения». Однако содержание послания, зачитанного Сталиным, музыкой звучало в ушах финнов, ибо в нем были следующие слова: «Финны... получают полную свободу самостоятельно строить свою жизнь. Добровольное и честное объединение между русским и финским народами! Никакой опеки, никакого контроля сверху над финским народом! Вот руководящие принципы Совета Народных Комиссаров!» Какая пропасть разделяет это послание и коварное нападение великого Советского Союза под руководством Сталина на маленькую Финляндию 30 ноября 1939 года!

Декрет «О праве наций на самоопределение» вначале создал огромные трудности Советскому правительству, поскольку во всех приграничных областях России, как грибы после дождя, стали возникать национальные правительства антибольшевистского толка, требовавшие полной самостоятельности и отделения от метрополии. Сталин одним из первых осознал неустойчивость сложившейся ситуации и выступил за пересмотр введенной им национальной политики. При этом он считал, что право на самоопределение должно было использоваться в качестве средства в борьбе за социализм и быть подчинено социалистическим принципам. В соответствии с подобной позицией Сталин в январе 1918 года представил

на рассмотрение III Всероссийского Съезда Советов проект основных положений конституции советского государства, объединенного на федералистской основе. Тем самым он отказывался от собственных антифедеральных воззрений, которые в свое время нашли выражение в записке по национальному вопросу, составленной им в Кракове.

Однако молодое советское государство к тому времени еще не созрело для конституции, вначале ему надлежало достичь внутренней консолидации. Для этого новым властью имущим все средства были хороши.

Для Советского правительства проблема стабилизации отношений с Германией была вопросом жизни или смерти, поскольку оно испытывало настоятельную необходимость в передышке. Его предложение о заключении перемирия, направленное Германии, было принято странами Центральной Европы¹, результатом чего явилась первая встреча немецкой и советской делегаций в Брест-Литовске 2 декабря 1917 года.

Позиция советской делегации в Брест-Литовске была с самого начала нестигаемой и вызывающей, в особенности после того как в начале января 1918 года Троцкий лично возглавил делегацию. В тот момент для него было важнее всего затянуть переговоры, так как он надеялся, что развитие революционных процессов в Германии и

¹ Во время первой мировой войны – военный союз Германии и Австро-Венгрии, к которому присоединились Болгария и Турция. – *Прим. перев.*

Австрии позитивно скажется на положении России на переговорах. Надежда была основана на том, что продолжавшееся ухудшение внутривнутриполитической ситуации в странах Центральной Европы заставляло членов делегации Германии подчиняться необходимости выслушивать поток красноречия Троцкого не прерывая и терпеть его провоцирующую манеру поведения. Однако дальше Троцкий с подобной тактикой, заключенной в тягостной формуле «Ни мира, ни войны!», не продвинулся. Даже Ленин называл эту формулу пустой политической демонстрацией и выступал за немедленное подписание мирного договора с Германией. Однако 24 января 1918 года в Центральном Комитете партии предложение Ленина провалили большинством голосов, и Троцкий получил указание называть войну законченной, а переговоры о подписании мирного договора продолжать затягивать. Переговоры продлились до 10 февраля, когда Троцкий прервал одно из своих словесных излиний словами: «Мы больше не ведем войны, но отказываемся подписывать предложенный нам мирный договор!» В результате немецкие вооруженные силы вновь двинулись на Россию. Русские войска теперь не оказывали никакого сопротивления, а в панике бежали. На полном драматизма заседании Центрального Комитета партии 19 февраля 1918 года семью голосами против шести было принято предложение Ленина о немедленном принятии мирного договора, предложенного немецкой стороной. 28 февраля 1918 года в

Брест-Литовске появилась новая советская делегация, во главе которой стоял уже не Троцкий. Мирный договор был подписан большевиками 3 марта 1918 года, после чего Троцкий оставил пост министра иностранных дел.

Роль Сталина в драматическом споре вокруг Брест-Литовского договора незначительна. Он и в этом случае, как уже не раз при принятии крупных и важных решений, старался проявить предельную сдержанность. В жарких дебатах, которые бушевали в Центральном Комитете партии вокруг переговоров в Брест-Литовске, он не принимал явно сторону Ленина, однако и не давал увлечь себя обращенным к немецкому пролетариату речам Троцкого, которые тот в Брест-Литовске произносил «в окно». Когда же началось голосование, Сталин поддержал Ленина и голосовал за заключение мирного договора с Германией. К этому решению его побудили трезвая рассудительность и ясное осознание того, что для развязывания пропагандируемой Троцким «революционной войны» на Западе отсутствуют какие-либо реальные предпосылки.

В дебатах о Брест-Литовском мире, которые велись уже не в Петрограде, а в Москве, куда тем временем была перенесена резиденция правительства, социал-демократы, входившие в коалиционное правительство, заняли резкую позицию против Ленина и его политики. Следствием этого явился разрыв между противоборствующими сторонами после подписания договора, что привело к выходу

социал-демократов из коалиции. Ярким примером открытой борьбы, которую с этого момента объявили социал-демократы большевикам, стало убийство 6 июля 1918 года дипломатического представителя Германии, командированного в Москву в связи с Брест-Литовским договором, графа Мирбаха-Харфа. После убийства графа Мирбаха социал-демократы предприняли еще ряд террористических актов, в том числе в августе 1918 года покушение на Ленина, на которые большевики ответили самыми ужасными репрессиями. Текст телеграммы, которую Сталин отправил Свердлову из Царицына, где был в то время политическим комиссаром, отражал суть настроений, царивших в тот период среди большевиков: «Мы ответим на этот коварный удар организацией открытого и систематического массового террора против буржуазии и ее агентов». Сталин сдержал слово, воспользовавшись своими неограниченными полномочиями и развязав в Царицыне беспрецедентный террор, в котором ему оказывала соответствующие услуги ЧК (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией), которую Ленин сформировал вскоре после прихода к власти. Действия Сталина в Царицыне, а также нежелание выступить открыто в защиту мира не способствовали популярности. Однако его личный авторитет в глазах Ленина снова возрос, поскольку тому все более импонировала трезвая, ориентированная только на достижение определенной цели натура Сталина, становившегося все

больше необходимым ему. Это сказалось уже летом 1918 года в ходе переговоров, которые Сталин, будучи главой делегации, вел с представителями Украины. Сталин умело лавировал и даже, когда этого потребовали обстоятельства, воспользовался услугами гетмана Скоропадского, марионетки в руках немецких оккупационных властей.

В тот период большевики находились в крайне критическом положении, потому что во всех уголках страны вспыхнула гражданская война: с востока Москве угрожали чешские легионеры, которые в Сибири, объединившись с контрреволюционными «белогвардейцами», прошли Урал и продвинулись до Средней Волги; на южном направлении добровольческие соединения под командованием генерала Краснова временно парализовали движение по железной дороге между Москвой и Царицыном при попытке соединиться с белыми в Казани; на Украине власть была в руках немцев, которые заняли и родину Сталина, Грузию. Территория, на которой власть оставалась в руках Советов, временно сократилась до пределов северной и центральной части бывшей Российской империи.

В это тяжелое время большинство членов правительства поспешили на фронт: Троцкий, после ухода с поста комиссара по иностранным делам в марте 1918 года назначенный наркомом по военным делам, в своем бронепоезде, который в истории русской революции покрыл себя почти легендарной славой, отправился под Казань, чтобы

*Ленин на трибуне Таврического дворца,
19 июня 1920 г.*

спасти Москву от угрожавших ей белых. Сталин был послан в Царицын для защиты города от новых атак со стороны генерала Краснова, поскольку удержание Царицына приобрело для большевиков жизненно важное значение, учитывая необходимость снабжения Москвы зерном с Северного Кавказа.

Сейчас же по приезде в Царицын Сталин приступил к решительной и бескомпромиссной борьбе с царившим в городе хаосом. Несмотря на то, что он прибыл в Царицын с заданием чисто гражданского характера, вскоре Сталин обратился в Москву с требованием предоставить ему военные полномочия для того, чтобы иметь возможность оказывать существенное влияние на военное руководство Южным фронтом. Свое требование он обосновал аргументами, которые содержали явные намеки, направленные против Троцкого и его методов руководства военными действиями, что и послужило началом разногласий, которые впоследствии, наряду с другими причинами, привели к серьезной вражде между ним и Троцким. Из этого противоборства после смерти Ленина Сталин вышел единоличным победителем. Поводом для разногласий послужило то, что для успешного ведения военных действий против белых Троцкий привлекал бывших царских офицеров, хоть и случалось, что в известных ситуациях те оказывались ненадежными и предавали интересы новой власти. Возникшее недоверие привело к трениям, и в результате в Царицыне, где вокруг Сталина собралась группа его старых друзей,

таких как Ворошилов (в 1953–1960 гг. формальный глава советского государства), Буденный (популярный кавалерист) и другие, образовался центр сопротивления Троцкому и его методам руководства военными действиями. На нарушения дисциплины, совершаемые этой оппозиционной группой, Троцкий отвечал резкими контрприказами и угрозами, которые Сталин успешно саботировал. Так между Сталиным и Троцким возникли недоброжелательство и соперничество, еще больше усилившиеся со стороны Сталина, когда непосредственно после снятия осады Царицына Ленин уступил настояниям Троцкого и отозвал Сталина с Южного фронта.

Ноябрь 1918 года принес с собой крах кайзеровской Германии и конец первой мировой войны. Твердая уверенность Ленина в том, что за этими событиями немедленно последуют революционные преобразования в Германии, а затем мировая революция, не получила подтверждения. Что же касается Сталина, то в событиях в Европе он разбирался значительно меньше своих товарищей, хорошо знавших Запад. Его взгляд в то время был направлен преимущественно на Восток, и не напрасно он тогда опубликовал две статьи под заголовком «Не забывают Восток!», в которых выражал свою убежденность в том, что победа социализма во всемирном масштабе немыслима без Востока.

В марте 1919 года в Москве на конгрессе делегатов от коммунистических движений по

инициативе Ленина был основан Коминтерн, целью которого было распространение революции в других странах и тем самым поддержка большевистского правительства, находившегося в опасности в результате гражданской войны и интервенции. В тот период для подобных опасений были все основания, поскольку в 1919 году гражданская война достигла высшего накала и русские белогвардейцы получали существенную поддержку со стороны Англии и Франции: адмирал Колчак, ставший во главе белой армии в Сибири, был официально признан в Париже Верховным советом союзнических государств; генерала Деникина поддерживал военно-морской флот союзников, вошедший в Черное море; французские войска заняли Одессу; англичане угрожали советской республике со стороны Архангельска, а генерал Юденич стоял у ворот Петрограда. Однако уже в ноябре 1919 года все было кончено, и Красная Москва праздновала решающую победу, определенная заслуга в которой принадлежала, наряду с Троцким, и Сталину, пусть даже его заслуги и не были столь наглядными.

В сообщениях, которые Сталин в период гражданской войны посылал в Москву из разных концов страны, наряду с острой наблюдательностью и точностью формулировок проявлялась тенденция к критике Троцкого и проводимых им мероприятий, что нередко встречало внимательное отношение со стороны Ленина. Поэтому в дополнение к другим постам Сталин был назначен народным

комиссаром рабоче-крестьянской инспекции, что означало для него значительное расширение властных полномочий.

Сталин принимал активное участие и в войне с Польшей, которая началась в мае 1920 года польским вторжением на Украину: он участвовал в походе на Варшаву и пережил позорное отступление, ответственность за которое совершенно справедливо возложил на тех, кто своевременно не позаботился о создании необходимых резервов. После окончания польской кампании Советы занялись ликвидацией генерала Врангеля, который с остатками белой армии удерживался в Крыму до ноября 1920 года.

После окончания гражданской войны в советской республике царили опустошение, нищета и голод. Для того чтобы кое-как прокормить города и самому удержаться на плаву, Советское правительство прибегло к жесточайшим мерам принуждения, с помощью которых из крестьян выжимали последние остатки зерна, что вызывало их возмущение, ненависть и жестокое сопротивление. На VIII съезде советов в декабре 1920 года меньшевики, которые еще были представлены на съезде в качестве оппозиционной партии и получили слово, потребовали от Советского правительства покончить с принудительными поборами, удовлетвориться твердым натуральным налогом на крестьян и предоставить им свободно распоряжаться избытками своей продукции. Несмотря на сложившуюся ситуацию

Ленин считал возможным в резкой форме отклонить это требование. Когда же в первые месяцы 1921 года по всей стране с быстротой молнии вспыхнули крестьянские восстания, а в конце февраля в крепости Кронштадт, расположенной в Финском заливе, поднялось восстание, которое было направлено против Москвы и непосредственно угрожало существованию советского режима, Ленин был вынужден внести изменения в экономическую и аграрную политику Советского правительства.

На X съезде партии большевиков, который проходил в середине марта 1921 года в Москве, Ленин обосновал необходимость введения нового курса, который вошел в историю советской России под названием «новая экономическая политика» (нэп). Он использовал те же самые аргументы, что и три месяца назад меньшевики, когда подвергли критике аграрную политику Советского правительства и требовали ее изменения. Успехи нэпа превысили все ожидания, поскольку он принес крестьянам значительное облегчение вследствие ликвидации принудительной сдачи зерна, а частному предпринимательству предоставила обширное поле деятельности. Хозяйственный организм советской республики, намертво застывший, в течение короткого времени наполнился новой жизнью.

Сталин не внес какого-либо рода позитивного вклада в осуществление нэпа. Эта политика возникла как исключительное создание Ленина под

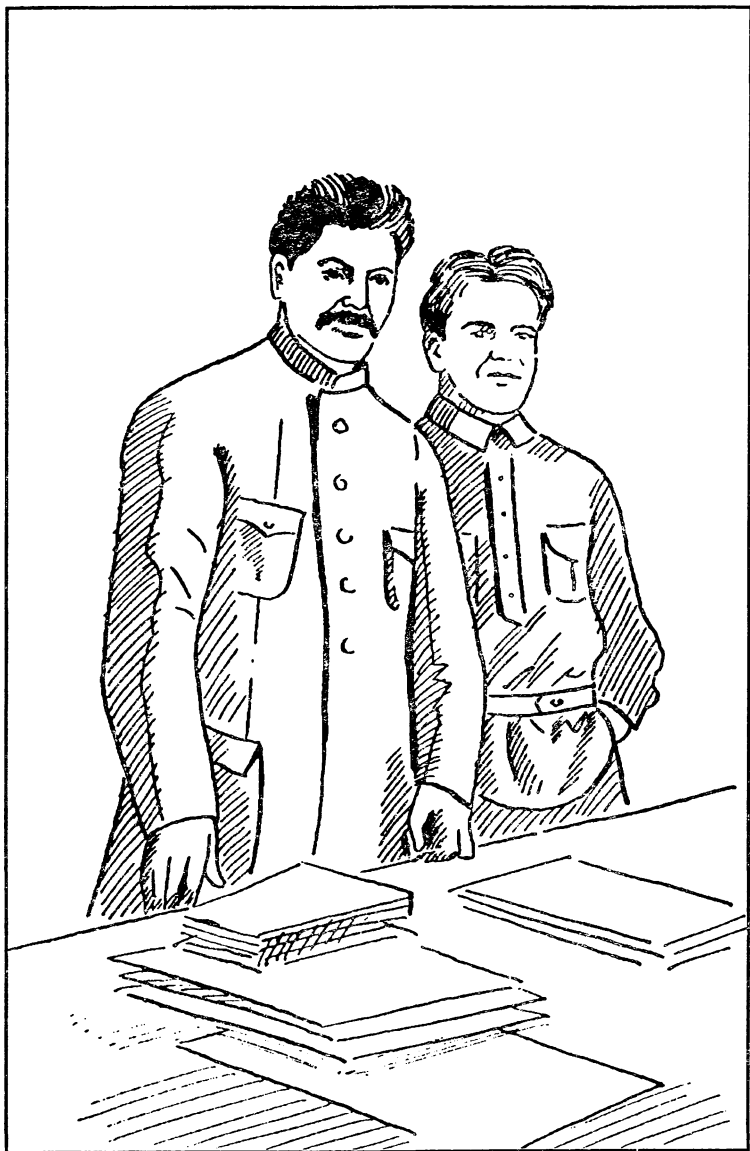
давлением Кронштадтского восстания и не встретила внутри партии никакого сопротивления. Население встретило изменения, вызванные введением нэпа, с радостью и благодарностью. Однако Сталин положил этому конец через четыре года после смерти ее создателя.

На фоне благотворных последствий нэпа X съезд партии принес с собой запрещение образования фракционных групп внутри партии. С помощью этого запрета Сталин создал базис для будущего единовластия, в то время как Троцкий, также проголосовавший за запрет, сам себе устроил западню, которая позднее стала для него роковой. Однако партия большевиков с помощью вышеназванного запрета обеспечила себе строго изолированное существование, в рамках которого Сталин после своего назначения Генеральным секретарем Центрального Комитета партии сумел обеспечить себе господствующее положение в партии, а следовательно, и в стране.

Карьера и власть

Решающим шагом на пути к власти для Сталина было назначение Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии 3 апреля 1922 года. Теперь, будучи членом Политбюро и Генеральным секретарем Центрального Комитета, он занимал два ключевых поста в партийном аппарате. В сравнении с этим народные комиссариаты, которыми он также руководил, а именно: народный комиссариат по делам национальностей и народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции, несмотря на свою важность, имели второстепенное значение, хоть и не следует забывать о том, что Сталин, будучи руководителем последнего, осуществлял надзор за всей администрацией государства и ее персоналом. Политбюро в то время состояло из семи членов, среди которых Ленин был признанным главой государства и партии, Троцкому подчинялись вооруженные силы, а в руках Сталина были сосредоточены организация партии и руководство ею. Таким образом, уже в начале 20-х годов он располагал столь огромной властью, что это заставило Ленина насторожиться. Согласно источникам,

в связи с избранием Сталина генеральным секретарем Ленин выразил свои опасения относительно пригодности Сталина к тому, чтобы занять такой пост, следующими словами: «Этот повар еще заварит нам кашу!» Действительно, вся полнота власти, объединенной теперь в руках Сталина, в сочетании с его тщеславием, бесцеремонностью и необыкновенной работоспособностью, давала достаточно поводов для обоснованных опасений. При этом и Ленин, и Троцкий были виновны в том, что Сталин, выступавший в качестве помощника Ленина, поднялся столь высоко, что стал вторым человеком в государстве, поскольку оба не чинили его кандидатуре на пост Генерального секретаря Центрального Комитета никаких препятствий, а, напротив, даже поддерживали ее. Ход событий в значительной степени ускорился вследствие тяжелой болезни Ленина, который 26 мая 1922 года перенес первый инсульт. С сентября этого года, после того как Ленин вновь почувствовал себя лучше, у него достаточно часто имелись причины критиковать методы Сталина и его манеру держать себя. Его доверию к Сталину был нанесен сокрушительный удар жестокими акциями Орджоникидзе, который после насилия, совершенного над Грузией, действовал там по указке Сталина. Это в числе прочего нашло отражение в памятной записке, которую Ленин продиктовал своему секретарю 24 декабря 1922 года и в которой откровенно и недвусмысленно высказано сомнение в пригодности Сталина к столь высоким

*И.В. Сталин и С.М.Киров,
1926г.*

постам: «С тех пор как товарищ Сталин стал генеральным секретарем, он объединяет в своих руках огромную власть, и я не уверен в том, что он всегда сумеет употребить эту власть с необходимой осторожностью» 4 января 1923 года Ленин внес в свое «завещание» дополнение, в котором, указывая на «резкость» Сталина, рекомендовал во избежание раскола партии удалить его с поста генерального секретаря. Впрочем, не вполне исключена возможность того, что вышеупомянутые высказывания Ленина о Сталине – по крайней мере, частично – объясняются «грубым поведением» Сталина, имевшем место 22 декабря 1922 года по отношению к Крупской, супруге Ленина.

16 декабря Ленин перенес второй инсульт, 9 марта 1923 года третий. После этого он до самой смерти, последовавшей 21 января 1924 года, был прикован к постели. После кончины Ленина Сталину предоставилась еще большая свобода действий, его самоуверенность еще больше возросла, что постоянно давало Троцкому повод подвергать критике Сталина и деятельность генерального секретариата. Однако в большинстве случаев Сталину удавалось отразить атаки Троцкого и опровергнуть или обесценить выдвинутые против него обвинения с помощью своей феноменальной памяти и знания всех необходимых фактов и обстоятельств, опираясь на решения, принятые ранее совместно членами политбюро.

Ленин не без оснований вплоть до самой смерти опасался негативных последствий соперничества

между Троцким и Сталиным. В своих высказываниях он называл их «две наиболее способных руководящих головы в Центральном Комитете», однако, по-видимому, так до конца и не составил себе ясной картины о том, кто же из них, как более «способный», больше пригоден стать его последователем. При чтении «завещания» Ленина в одном месте возникает впечатление, что он остановит свой выбор на Троцком, однако из содержания других отрывков становится ясно, насколько понятны ему были все слабости и недостатки характера Троцкого. Мнение Ленина о Сталине опосредованным образом выражено в статье, опубликованной в «Правде» от 5 мая 1923 года. В ней Ленин, не называя имени Сталина, со всей остротой и откровенностью обрушивался на народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции, во главе которого Сталин стоял до мая 1922 года.

В 1923 году, когда Ленин был еще жив, но вследствие последнего инсульта был не в состоянии принимать участие в государственных и партийных делах, внутри политбюро сформировался триумvirат. В него входили Сталин, Зиновьев и Каменев, которых свело вместе желание не допустить, чтобы власть захватил Троцкий, как только ему представится такая возможность. То обстоятельство, что после кончины Ленина таковой не представилось, можно объяснить пребыванием Троцкого в этот момент на лечении на Кавказе, откуда он, по собственным словам, не смог своевременно вернуться в Москву для участия в траурной

Сталин

церемонии, поскольку Сталин якобы ошибся, сообщая ему дату похорон. Как бы то ни было, вопрос о том, пошла бы история русской революции другим путем, если бы 21 февраля 1924 года Троцкий находился в Москве, остается открытым. В любом случае не следует забывать, что в то время Троцкий пользовался популярностью, какой даже отдаленно не мог похвастаться ни один из лидеров; кроме того, он был народным комиссаром обороны, и за ним стояли Вооруженные Силы Советского Союза. Однако в тот решающий момент, когда Троцкий отсутствовал, Сталин сумел ловко использовать в собственных целях и глубокое волнение, в которое смерть Ленина повергла население России, и ореол, которым было окружено имя Ленина. Явно вопреки пожеланиям и взглядам Ленина, которому было чуждо всякое проявление внешней пышности, но в соответствии с представлениями русского народа о том, как следует обставлять обряды подобного ранга, Сталин придал погребению и связанным с ним траурным церемониям форму и характер, отвечающий требованиям момента. Не выдвигаясь без необходимости на передний план происходящего, что непременно сделал бы Троцкий, если бы находился здесь, Сталин сумел создать шедевр лицемерия и одновременно произвести нужное ему впечатление: 26 января 1924 года на Втором Съезде Советов СССР он торжественно прочитал перед собравшимися клятву на верность Ленину.

«Завещание» Ленина, с которым до этого момента не были знакомы ни Сталин, ни кто-либо другой из партийных лидеров, было оглашено в мае 1924 года, через четыре месяца после смерти Ленина, на пленарном заседании Центрального Комитета партии с целью принятия решения о возможности обнародования содержания «завещания» на предстоящем вскоре XIII съезде партии. Это был момент, когда, как напишет позднее один из наблюдателей, «судьба Сталина находилась на лезвии ножа». Однако в этой ситуации триумvirат выдержал боевое крещение, поскольку вначале Зиновьев, а затем и Каменев применили все свое красноречие, чтобы убедить собрание в том, что опубликование «завещания» противоречило бы намерениям Ленина. Затем тридцатью голосами против десяти было принято соответствующее заявление, и Сталин был спасен. Этим он был обязан лишь одному обстоятельству: Зиновьев и Каменев были убеждены в том, что в данный момент им нечего опасаться со стороны Сталина, в то время как в фигуре Троцкого они видели претендента на наследие Ленина и угрозу их собственной позиции.

С этого момента Сталин последовательно и систематически, но с приличествующей осторожностью, начал свое восхождение к власти. В первую очередь он стремился к тому, чтобы поставить на все ключевые посты в партии как в Москве, так и в провинции людей, которые были ему абсолютно преданны, поскольку своим назначением были

обязаны ему. До достижения полного единовластия Сталин никогда не пытался навязать коллегам по политбюро свое мнение, скорее имел обыкновение внимательно следить за ходом дебатов, чтобы затем проголосовать согласно мнению большинства, удостоверившись предварительно, какой позиции оно придерживается. Что касается Троцкого, наиболее значительного соперника, то по отношению к нему Сталин вначале намеренно придерживался такой линии поведения, которая должна была демонстрировать его добрую волю, пока он не стал достаточно силен, чтобы устранить противника.

Осенью 1923 года, после того как руководство Коммунистической партии Германии отменило попытку восстания, поскольку не оправдался расчет на поддержку широких народных масс, в Москве поняли, что на ближайший период надежды на всеевропейскую революцию придется похоронить. Первым плодом этого разочарования стала теория Сталина о «социализме в одной стране», которая была выбрана с целью дискредитировать лозунг Троцкого о «перманентной революции». Не является широко известным факт, что в то время Троцкий вовсе не настаивал на распространении пролетарской революции вооруженным путем. Более того, представление о том, что Троцкий пал духом перед лицом угрозы изоляции Советского Союза посреди враждебного капиталистического окружения, также не соответствует истине. Однако сталинисты сумели изобразить Троцкого

оторванным от жизни интеллигентом, который думает только о мировой революции и придерживается мнения, что дни Советского Союза сочтены, если другие страны немедленно не последуют за Россией по пути диктатуры пролетариата. В то время Сталин возлагал серьезные надежды на мировую революцию, гораздо больше чем на это отваживался Троцкий после 1923 года. Начиная с 1925 года его внимание было направлено более на Азию, чем на Европу. Так на Западе могло возникнуть впечатление, что он сбросил со счетов Европу как арену пролетарской революции. В действительности же его мысли были нацелены на то, чтобы втянуть США в большую войну с Японией. По-видимому, он надеялся, что поражение США неизбежно повлечет за собой крах европейских капиталистических государств.

Согласно мнению посольства Германии в Москве, во главе которого стоял граф Брокдорф-Ранцау, объективно оценивавший политическую ситуацию в Советском Союзе, Троцкий и его сторонники были фантастами радикального толка, которые не могли предложить России ничего конструктивного. Кроме того, у немецкой стороны в то время существовали обоснованные опасения, что в результате победы этой группировки над Сталиным будет поставлена под угрозу общность германско-русских целей, возникшая в Рапалло¹ и необходимая Германии. Сталин же, который до сих пор был

¹ Рапалльский договор, подписанный между РСФСР и Германией в 1922 году. — *Прим. перев.*

мало известен за границей и, как правило, избегал контактов с иностранными дипломатами в Москве, совершенно неожиданно оказался создателем новой догмы, хотя и спорной, но, казалось, оправдывавшей признание Советского Союза в качестве политического партнера. Поэтому в то время Сталин в глазах своих противников-коммунистов был поборником антиреволюционных тенденций, в то время как явные враги коммунизма тогда и до самой его смерти считали его воплощением призрака коммунизма.

В середине 20-х годов Сталин стремился обеспечить себе роль преемника Ленина и утвердиться в этой могущественной позиции. Для достижения этой цели ему было необходимо прежде всего обезвредить Троцкого, для чего хороши были все средства. Несколько лет спустя Сталин признался одному из друзей в том, что для него нет большего удовольствия, чем «выбрать врага, тщательно подготовить его к акту жестокой мести, нанести удар, а потом... идти спать»!

Борьба за власть достигла наивысшей точки, когда в конце 1924 года Троцкий в своих «Уроках Октября» предпринял скрытые, но недвусмысленные нападки на Зиновьева и Каменева. После этой опрометчивой провокации Троцкий был вынужден покинуть военный комиссариат. Этим в глазах всего света он лишился своего могущества.

В конце 1925 года Зиновьева и Каменева, которые еще не так давно считали своим злейшим противником Троцкого, охватил панический страх

перед лицом растущей власти Сталина. Тем временем внутри партии обратила на себя внимание новая группировка. Правое крыло, объединившееся вокруг Бухарина, Рыкова и Томского, придерживалось мнения, что крестьянство как класс способно гарантировать победу социализма в России. Оно требовало предоставления крестьянству большей свободы действий. В ответ на это Зиновьев и Каменев отошли на крайне левые позиции и этим невольно попали в фарватер Троцкого. Они откровенно отрицали возможность победы социализма в России в отсутствие мировой революции и энергично отвергали поддержку кулаков, которую делала неизбежной политика Бухарина.

Сталин заключил пакт с правыми, а обоих партнеров по триумvirату, которые оказали ему полезные услуги в борьбе против Троцкого, намерился удалить с занимаемых постов. Столкновение между Зиновьевым и Сталиным произошло на XIV съезде партии в декабре 1925 года. Большинство делегатов последовало за Сталиным и Бухариным. Только ленинградцы, которые находились под контролем Зиновьева, всей группой проголосовали за левых. Невозможно было продемонстрировать свой выбор убедительнее, чем это сделали делегаты. Под выкрики сталинских аппаратчиков Зиновьев и Каменев выступили против подавляющего большинства. Когда Каменев, наконец, настоятельно предостерег Центральный Комитет от культа Сталина и ясно обозначающегося

единовластия, его голос потонул в шуме всеобщего возбуждения.

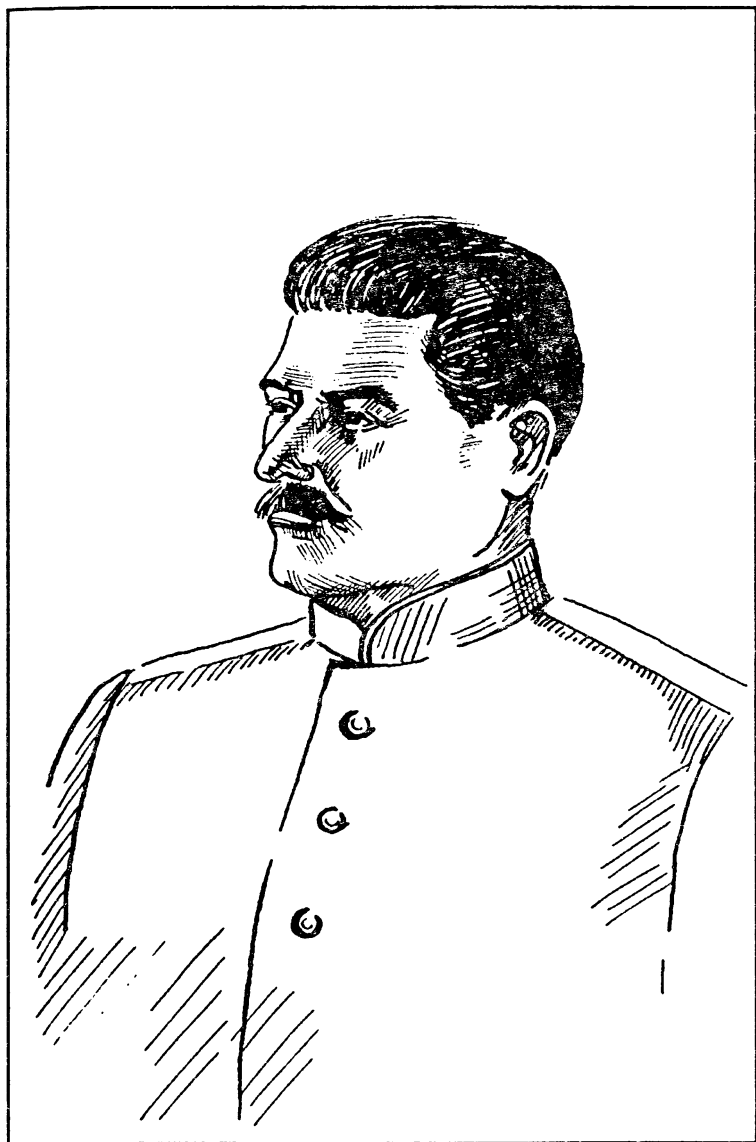
Затем в 1926 году Зиновьев и Троцкий, вчерашние противники, подали друг другу руки. Они питали несбыточную надежду на то, что объединенной оппозиции во главе с Троцким, пользующимся авторитетом, удастся взять партию штурмом. Летом этого же года Троцкий действительно с мужеством, свойственным отчаянию, с головой окунулся в агитацию. Однако зажигательная сила его речей и мощь его аргументов разбивались об улюлюканье и прочие бесцеремонные маневры сторонников Сталина, стремившихся помешать выступлению. Мизерная горстка оппозиционеров, всего не более 8000 человек, растворилась среди 750000 членов партии.

Руководство партии реагировало на акции объединенной оппозиции чрезвычайно остро: в июле 1926 года из политбюро был исключен Зиновьев, в октябре – Троцкий. После зимней передышки фракционная борьба вновь оживилась в апреле 1927 года, когда возникли споры вокруг политики по отношению к Китаю. Когда в конце 1927 года оппозиционеры все более ожесточенно пытались выступать на партийных собраниях и апеллировать непосредственно к массам, ЦК перешел к драконовским мерам. 15 ноября Троцкий и Зиновьев были исключены из партии. Троцкий, наиболее злостный смутьян, был вначале сослан в Среднюю Азию, а затем, когда и там продолжил свои нападки на партию, отправлен в Турцию.

Едва было покончено с левой оппозицией, как Сталин присвоил себе важные пункты экономической программы Троцкого. 1929 год стал годом поворота: началась первая пятилетка, которая должна была ускорить индустриализацию; одновременно началась принудительная коллективизация сельскохозяйственного производства. Сталину уже не составило большого труда избавиться от своих союзников правой ориентации (Бухарин, Рыков и Томский).

Среди спорных вопросов, составлявших предмет вражды между Сталиным и Троцким, важнейшими были аграрная политика и индустриализация Советского Союза. Троцкий и его сторонники, для которых новая экономическая политика всегда была лишь неизбежным злом, считали все внешние проявления нэпа, такие как допущение частной инициативы в торговле и мелкой промышленности, частное предпринимательство в сельском хозяйстве, рост числа крупных крестьянских хозяйств и т.п., гнусным предательством интересов пролетариата. Они требовали принципиального пересмотра аграрной политики и концентрации сил Советского Союза на широкомасштабной индустриализации, которая сделает государство не зависимым от капиталистического мира.

Пышное празднование 50-летия Сталина 21 декабря 1929 года, по случаю которого советская пресса, правительственные и партийные органы пытались превзойти друг друга в преувеличенных и безвкусных восхвалениях "гениального вождя", еще раз доказывает, что уже в конце 1929 года он был на вершине власти.

И.В. Сталин

Коллективизация. Индустриализация. Чистки

В преддверии нового 1929 года Советский Союз находился в чрезвычайно трудном положении, которое поставило перед Сталиным почти неразрешимые задачи. Это было результатом аграрной революции 1917 года, на которую Ленин был вынужден пойти, чтобы обеспечить себе союз с сельским населением. Впрочем, крестьяне весьма охотно последовали призыву Ленина вступить во владение землей. Это привело к тому, что к середине 20-х годов почти все имеющиеся в Советском Союзе посевные площади зерновых общим объемом около 100 миллионов гектаров распределились на 25 миллионов крестьянских дворов, что в среднем составило 4 гектара на каждый двор. Урожай с этих 4 гектаров был, разумеется, недостаточным для того, чтобы наряду с удовлетворением потребностей крестьянской семьи что-либо осталось и для городов; не говоря уже о поставках излишков зерна на экспорт. Для того чтобы овладеть ситуацией, Сталин мог пойти по одному из двух путей: либо в ходе нэпа создать условия для развития частной инициативы в деревне

и терпеть возникновение «кулацких хозяйств» — т.е. зажиточных крестьянских дворов, ведущих хозяйство на капиталистической основе, а потому и более производительных, — чтобы с их помощью поднять аграрное производство в стране, или же силой объединять отдельные единоличные дворы в коллективные хозяйства. Первый путь означал бы измену коммунистической догме и поэтому был отброшен. Сталин принял решение пойти по второму пути, который натолкнулся на сопротивление не только «кулаков», но и держащихся за свой клочок земли середняков, частично даже представителей мелкого крестьянства. Для того чтобы сломить это сопротивление, Сталин, «человек без нервов и чувств», прибегнул к насильственной и всеобщей коллективизации крестьянских дворов — мера, которая была проведена с неукоснительной последовательностью и безмерной жестокостью, в жертву которой были принесены многие миллионы человеческих жизней. Поэтому насильственная коллективизация крестьянских хозяйств войдет в историю как пример беспримерной эксплуатации легендарной способности русского народа переносить страдания и лишения и навсегда останется неразрывно связанной с именем Сталина.

Когда в ходе насильственной коллективизации недовольство крестьян в конце концов начало представлять опасность для партии и правительства, Сталин использовал средство, характерное для него и его методов. Он опубликовал свою известную статью от 2 марта 1930 года под названием

«Головокружение от успехов», переложив тем самым на других вину за мероприятия, проводившиеся по его указанию, и их последствия и переменил тактику. Однако после преодоления острого кризиса коллективизация была беспощадно доведена до конца. Никто другой на месте Сталина не был бы способен ни на применение методов коллективизации, ни на беззастенчивое лавирование за счет исполнителей его указаний. Он же достиг в конце концов своей цели лишь благодаря собственной решительности, беспощадно уничтожив «кулачество как класс».

Аналогичной была его политика в части индустриализации, преследовавшей цель сделать Советский Союз не зависимым от заграницы. Индустриализация уже с самого начала поставила перед населением неслыханные требования; однако она, несомненно, не была бы реализована в полном объеме, если бы в те решающие годы во главе Советского Союза не стоял человек типа Сталина, для которого живой человек был ничем, а цель — всем. В случае необходимости для достижения своих целей он пошел бы и на отказ от своих воззрений, которые стали неотъемлемой составной частью учения, которое он сам пропагандировал. Так, в речи, произнесенной 23 июля 1931 года, он признал необходимость дифференцированной шкалы заработной платы для рабочих после того, как пришел к убеждению, что в интересах выполнения второго пятилетнего плана необходимый рост производительности труда рабочих может быть достигнут

лишь посредством их материальной заинтересованности в результатах собственного труда. Вместо «уровниловки», считавшейся до сих пор коммунистическим принципом, было провозглашено, что отныне тот, кто больше работает, больше ест. По этому пути Сталин пошел настолько далеко, что не долго думая ликвидировал уровниловку как «противоестественный пережиток мелкобуржуазной идеологии». В биографии Сталина Троцкий пишет: «Желание использовать свою волю для того, чтобы показать другим свое превосходство, было основной движущей силой его личности. Так его воля превратилась в постоянно растущую силу, которая не останавливалась ни перед чем».

Это доставляло тяжелые страдания второй жене Сталина, которая ушла из жизни в 1932 году при таинственных обстоятельствах. Первая жена Сталина, грузинка Екатерина Сванидзе, на которой он женился в 1903 году и которая умерла после четырех лет брака, была, напротив, полностью послушна ему. Согласно документальным свидетельствам, он тяжело переживал ее смерть. По официальной версии Екатерина происходила из простой грузинской крестьянской семьи. Однако эта версия вступает в примечательное противоречие с тем обстоятельством, что ее брат Александр Сванидзе, с которым автор настоящей биографии неоднократно встречался в Москве в конце 20-х и начале 30-х годов, никоим образом не производил впечатления человека крестьянского происхождения. Это был весьма образованный,

культурный и обладающий даром речи человек, который учился за границей и получил ученую степень в Германии, в университете г.Галле. Он впервые попал в поле зрения автора, будучи экспертом по финансовым вопросам советского торгпредства в Берлине; позже он выдвинулся на пост руководителя Внешторгбанка СССР в Москве, однако во время великих чисток бесследно исчез. От первого брака Сталин имел сына Якова, который к началу последней войны между Германией и Советским Союзом попал в немецкий плен и погиб. Между отцом и сыном, видимо, не было по-настоящему близких отношений.

Вторая жена Сталина, Надежда Аллилуева, на которой он женился в 1919 году, была дочерью петроградского рабочего Аллилуева, у которого Сталин неоднократно жил во время пребывания в Петербурге в 1909 и 1911 годах. В браке с Аллилуевой Сталин имел сына и дочь. Сын Василий при жизни отца занимал высокий пост в советских военно-воздушных силах, однако после смерти Сталина совершенно исчез с арены событий. Дочь же до недавнего времени спокойно жила в Москве. Надежда Аллилуева была женщиной тихой и скромной, никак не проявлявшей себя внешне. Об истинных причинах ее смерти ходили различные слухи. Следующая версия может со значительной степенью вероятности считаться достоверной. Аллилуева не делала тайны из своих мыслей о том, что в ходе насильственной коллективизации допускалась жестокость, что в деревне царили недовольство и

голод. Соответствующие высказывания с ее стороны в один прекрасный день в доме Ворошилова привели к серьезному столкновению между нею и Сталиным, который осыпал жену грубой бранью. Она вышла и в ту же ночь покончила с собой. (Мраморный бюст был установлен на месте ее захоронения на привилегированном московском кладбище.) В Европе и Америке долгое время был распространен слух о том, что после смерти второй жены Сталин женился на близкой родственнице Кагановича. Но Сталин никогда не был женат ни на сестре, ни на дочери Кагановича; слухи же противоположного содержания были основаны на сведениях, исходящих от нацистских органов, которые в рамках своей антиеврейской и антибольшевистской пропаганды распространяли подобную информацию.

Последствия насильственной коллективизации и огромные требования, которые ставила перед населением Советского Союза индустриализация, достигли своей кульминации в 1932–33 гг. К этому времени положение Сталина несколько пошатнулось. В октябре 1932 года был арестован Рютин, который совместно с единомышленниками в обращении объемом 200 страниц выступал с требованием удаления Сталина, роспуска коллективных хозяйств и снижения темпов индустриализации. Когда Сталин потребовал расстрела Рютина, то большинство, возглавляемое Кировым, Орджоникидзе и Куйбышевым, поднялось против него и в политбюро, и в ЦК. Надежды коммунистов,

которые стремились дать измученной стране передышку, были, по-видимому, связаны с Кировым, который мог бы стать наиболее вероятным преемником Сталина. XVII съезд партии, состоявшийся в январе 1934 года, никоим образом не был «съездом победителей», как во всеуслышание провозглашала пропаганда. Ряд делегатов съезда, по-видимому, вынашивал мысль о снятии Сталина с занимаемых им постов и предоставлении ему другого поля деятельности.

1 декабря 1934 года Киров был убит студентом-коммунистом. Подоплека этого инцидента не выяснена до сегодняшнего дня. Разумеется, подозрение падает на Сталина, которому было необходимо вывести из игры намечающегося соперника. Сталин использовал всеобщую панику, овладевшую страной после убийства Кирова, и руками своих пособников сделал так, что тень этого преступления пала на всех неугодных ему лиц. Так шаг за шагом он вновь обретал контроль над партией.

Его жажда уничтожения была направлена, прежде всего, против представителей старшего поколения революционеров-большевиков, которые хоть и были смиренными и униженными, однако представлялись ему все еще опасными соперниками, претендующими на те посты, которые он захватил силой и коварством. Сталин прекрасно понимал, что на них оправданно могли претендовать многие из его противников, имеющие большие заслуги перед революцией. Сталин не имел никаких сомнений относительно того, что в глазах старых

революционеров он — человек, извративший святые принципы революции, узурпатор власти. Недолго думая, он распустил «Союз старых большевиков», ликвидировал «Общество бывших политических заключенных» и «Коммунистическую академию», поскольку совершенно оправданно считал эти организации духовным убежищем всех враждебных ему сил. Интервалы между съездами Коммунистической партии, которые собирались в начале каждого года, становились все длиннее: так, XIV съезд партии состоялся в 1925 году, XV съезд — в 1927 году, XVI съезд — в 1930 году, XVII съезд — в 1934 году, XVIII съезд — в 1939 году и XIX съезд — в 1952 году. В политбюро Сталин уничтожил последние остатки демократических процедур, на основе которых во времена Ленина каждая проблема вначале обсуждалась, а затем только проходила. Если при этом побеждала точка зрения Ленина, то не под давлением, а благодаря авторитету, которым он пользовался в политбюро. Совершенно иная картина имела место во времена Сталина, после того как с начала 1930 года укоренился следующий обычай: диктатор молча выслушивал рассуждения отдельных членов политбюро, а затем или коротко давал понять, с кем из ораторов согласен, или высказывал свое мнение, отличное от мнения остальных. В обоих случаях последнее слово оставалось за ним, ибо никто не мог отважиться возражать Сталину, не навлекая на себя его немилость со всеми вытекающими отсюда опасностями. В результате все функционеры, начиная с членов политбюро,

жили в постоянном страхе перед Сталиным, страхе, который принимал порой гротескные формы и оказывал парализующее воздействие на весь государственный и партийный аппарат.

Однако Сталин не ограничивался тем, что навязывал стране свою волю в вопросах высокой политики. Более того, он претендовал на беспрекословное признание себя единственным духовным вождем нации. В советской прессе, литературных произведениях и научных публикациях все, что происходило и бывало достигнуто в Советском Союзе, должно было изображаться как личная заслуга «гениального вождя» или его личная инициатива. Эта пропаганда была настолько сильна, что Сталина, который за неимением ораторского таланта изъяснялся весьма примитивно и к тому же говорил по-русски с ярко выраженным грузинским акцентом, объявили величайшим специалистом в области языка, а его манера говорить была рекомендована русской молодежи для подражания. «Учитесь говорить как Сталин», — так дословно гласило соответствующее указание.

Зловещим фоном происходящего стали показательные процессы, которые инсценировались по приказу Сталина против его истинных и мнимых противников. Важнейшими из них были следующие: 1) открытый процесс против Зиновьева, Каменева и других в августе 1936 года; 2) открытый процесс против Пятакова, Радека и других в январе 1937 года; 3) закрытый процесс против маршала Тухачевского и группы высших генералов Красной Армии в

июне 1937 года; 4) открытый процесс против Бухарина, Рыкова, Крестинского и других в марте 1938 года. Среди обвиняемых на этих процессах находились все те, кто когда-то во времена Ленина был членом политбюро, за исключением лишь самого Сталина и Троцкого, который, тем не менее, *in absentia* являлся главным обвиняемым. Всем обвиняемым инкриминировалось желание убить Сталина и членов его политбюро, намерение восстановить в России капитализм, шпионаж в пользу иностранных держав и планирование передачи советских территорий Германии и Японии. Поведение обвиняемых, пытавшихся превзойти друг друга в самооговоре, было как будто бы окутано завесой тайны, тем более что в ходе процесса не предъявлялось ни одного вещественного доказательства, по которому могла быть произведена проверка с помощью общепринятых правовых процедур. Еще более удивительными были выступления генерального прокурора Вышинского, которые неизменно заканчивались словами: «Перестреляйте бешеных собак!» Потрясающее впечатление оставила также попытка Крестинского отказаться от показаний, данных следователю, и еще более драматично выглядел его последовавший вслед за этим отказ от своих взглядов. Высказывания Радека звучали так, будто своими странными самообвинениями он преследовал цель показать своим единомышленникам за границей, как низко пал сталинский режим, который вынуждает такого человека и революционера, как он, к столь абсурдным

признаниям. Другие же обвиняемые, казалось, уже оставили всякую надежду на порядочность и сострадание своих мучителей и руководствовались только интересами своих ближайших родственников, которые были заложниками в руках Сталина. Причины, заставившие Сталина нанести удар по старой большевистской гвардии, сводились к тому, что он твердо решил физически уничтожить всех, кто при определенных условиях мог бы сформировать правительство, направленное против него, и сместить его.

Беспокойство Сталина вызывали происходящие в Германии события. В первые месяцы после прихода Гитлера к власти Сталин придерживался мнения, что правление фашизма в Германии не будет долгим и очень скоро сменится диктатурой пролетариата. Вследствие этого примерно до января 1934 года он использовал любой случай, чтобы дать понять Гитлеру, что продолжение позитивных отношений между Германией и Россией возможно и желательно, тем более что и Гитлер в то время неоднократно говорил о неизменности политики Германии по отношению к России. Когда же на протяжении 1934 года и в последующий период отношение Гитлера к России становилось все более враждебным и вооружение Германии принимало все большие масштабы, Сталин принял решение предпринять меры по отражению опасности, которую ощущал со стороны Германии. В начале 1935 года Советское правительство по приказу Сталина предложило Германии пакт о взаимопомощи,

который должен был быть заключен между всеми восточноевропейскими государствами. Однако это предложение было отклонено Гитлером на том основании, что Германия предпочитает защищать себя своими силами. Следствием этого было заключение пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Францией, который был подписан 2 мая 1935 года в Париже. Этим Сталин стал на основе пропагандируемой Литвиновым системы “коллективной безопасности” и в сентябре 1935 года дал указание о вступлении Советского Союза в Лигу Наций.

Тем временем в Советском Союзе по инициативе Сталина и под его руководством происходили изменения во внутренней политике, характерные особенности которых обнаруживали причинную связь с развитием событий в Германии. Отражением этих изменений стала длинная череда мер, имевших целью по возможности максимально усилить положение Советского Союза перед лицом угрозы со стороны Германии. Исходным пунктом замысла Сталина было осознание того, что здоровая семья является предпосылкой построения здорового и сильного государства. Поэтому он требовал от коммунистов, чтобы они первыми подали положительный пример, изменили свой взгляд на семью и брак как на мелкобуржуазные институты и выступали за оздоровление семьи и брака в Советском Союзе. Далее он указывал на то, что следует воспитывать любовь к отечеству и патриотизм, поскольку эти качества — дело чести каждого

советского гражданина. При этом он имел в виду, что каждый гражданин Советского Союза, и в первую очередь солдат, должен знать, за что он сражается, если отечество призвало его к этому. В вооруженных силах были введены звания, а также когда-то запрещенные погоны, и военные стали пользоваться льготами, которые должны были придать им гордость и вдохновение при выполнении поставленных задач. С целью воспитания и поддержания подобных чувств Сталин приступил к прославлению героизма русских генералов и полководцев из времен часто весьма отдаленных и не останавливался даже перед тем, чтобы вывести на сцену фигуры царей – таких как Петр Великий и Иван Грозный, – поскольку считал, что их пример может оправдать его собственные поступки в глазах русского народа.

Для того чтобы иметь возможность совершить подобный перелом в коммунистических воззрениях, у Сталина должны были быть развязаны руки, он не должен был опасаться, что кто-то ему помешает. Поэтому его борьбу с оппозицией в любой ее форме следует анализировать и оценивать под этим углом зрения.

От пакта о ненападении к войне

Постоянно растущая агрессивность Гитлера и заключение антикоминтерновского пакта между Германией и Японией в 1936 году усилили подготовку Сталина к обороне. Наряду с заключением пакта о взаимопомощи с Францией многое другое также позволяет сделать заключение о том, что в 1935–1937 гг. Сталин интенсивно занимался планом создания коалиции против Гитлера. Однако успеха в этом направлении он не добился, ибо Англия и Франция мирились со всеми провокациями Гитлера, практически не реагируя на них. Это вызвало у недоверчивого советского диктатора подозрение, что в случае нападения Германии на Советский Союз западные державы не пошевельнут пальцем, а при известных условиях даже выступят заодно с Гитлером. Нерешительная позиция западных держав в вопросе «коллективной безопасности» еще больше укрепила Сталина в его мнении, пока мюнхенские события осенью 1938 года окончательно не убедили его в том, что предпринимаемые им усилия по созданию совместного фронта обороны против Гитлера обречены на неудачу.

К тому же Сталин рассматривал неучастие Советского Союза в мюнхенских переговорах и решениях как умышленный выпад, с которым он тем более не был намерен мириться, поскольку у него возникло впечатление, что отход земель судетских немцев к Германии должен был стать ценой войны, развязываемой против Советского Союза. Поэтому, разумеется, не случайно вскоре после мюнхенских событий в области германско-советских отношений, которые к этому времени находились на невысоком уровне, произошло нечто такое, что вначале было оставлено прочими государствами без внимания, хотя и было, по сути, началом столь ужасно завершившихся процессов. Это событие представляло собой устное соглашение, которое в октябре 1938 года заключили между собой посол Германии в Москве граф фон дер Шуленбург и советский народный комиссар по иностранным делам Литвинов с целью добиться разрядки двусторонних отношений. Соглашение включало в себя основанные на взаимных интересах заверения в том, что пресса и радио в будущем воздержатся от личных нападок на глав обоих государств.

За этим 19 декабря 1938 года последовало продление договора о торговле, существовавшего между Германией и Советским Союзом. Впрочем, это было чисто формальное мероприятие, однако то, что на этот раз продление произошло в соответствии со сроками, а не с опозданием на три месяца, как год назад, заставило мир прислушаться

и дать повод к рассуждениям о начавшемся улучшении отношений между обоими государствами.

Третьим событием, знаменующим собой возможность поворота в напряженных отношениях, стала речь, произнесенная Сталиным 10 марта 1939 года на XVIII съезде партии, в которой он заявил, что подозрительный спектакль, устроенный английской, французской и американской прессой вокруг украинского вопроса, преследует цель натравить Советский Союз на Германию и «спровоцировать конфликт, для которого нет очевидных оснований». Это заявление Сталина значительно повлияло на процесс возобновления германско-советского сближения несмотря на то, что Сталин вскоре в ходе переговоров с Англией и Францией высказался за создание совместного фронта отражения германской агрессии и этим ясно дал понять, что решил иметь в запасе несколько аргументов. Однако колебания англичан и французов укрепили Сталина в подозрении, что западные державы охотно втянут Советский Союз в войну против гитлеровской Германии, но сами не выражают готовности понести жертвы или пойти на риск. Подтверждение этому Сталин увидел в отказе западных держав признать обоснованным требование Советского Союза о предоставлении советским войскам возможности прохода через Польшу и Румынию для отражения агрессии в случае нападения Германии. Тем не менее Литвинов неуклонно продолжал проводить в жизнь свой план «коллективной безопасности» и настаивать

на достижении соглашения с западными державами. Это заставило Сталина, который ни при каких условиях не желал быть втянутым в войну против кого бы то ни было, принять решение об отстранении Литвинова от дел, тем более что в фигуре Литвинова он видел препятствие для достижения взаимопонимания с Германией, поскольку тот был евреем. 3 мая 1939 года Литвинов был снят с поста народного комиссара СССР по иностранным делам, и его место занял Молотов, председатель Совета Народных Комиссаров СССР. Это событие удивило мировую общественность, тем более что еще двумя днями раньше Литвинова во время обычного в таких случаях военного парада видели на Красной площади в непосредственной близости к Сталину.

Отстранение Литвинова произвело на Гитлера впечатление, на которое и рассчитывал Сталин, поскольку оно произошло в тот момент, когда Гитлер начал вынашивать мысль о скором нападении на Польшу. Однако в этом случае ему было необходимо прикрытие с тыла со стороны Советского Союза, что было возможно лишь в случае достижения соглашения со Сталиным. Гитлер сделал первый шаг по этому пути, дав своему послу в Москве распоряжение сообщить комиссару по иностранным делам Молотову о том, что правительство Германии готово начать переговоры с Советским Союзом и для этой цели откомандировать в Москву квалифицированного посредника. Сталин был начеку и не хотел предпринимать

слишком поспешные шаги. Поэтому 20 мая он через Молотова и Шуленбурга сообщил Гитлеру, что Советское правительство, исходя из имеющегося у него опыта ведения дел с Германией, заявит о своем согласии на возобновление переговоров о торговле тогда, когда для этого будет создана необходимая «политическая основа». Несмотря на то, что Молотов не объяснил послу Германии, что он понимает под «политической основой», теперь не существовало никаких сомнений, что Сталин стремится к взаимопониманию с Гитлером. Это подтверждали сдержанность, которую проявлял Сталин по отношению к западным державам, и упорство, с которым он в переговорах с ними настаивал на условиях, которые заведомо не могли исполнить ни Англия, ни Франция. Поэтому в последующий период идея возобновления сближения между Германией и Советским Союзом пускала все более глубокие корни несмотря на некоторое предубеждение с обеих сторон. Начались переговоры о сотрудничестве в области торговли. Но лишь в конце июля 1939 года Гитлер принял решение вновь взять инициативу в свои руки. Один из сотрудников министерства иностранных дел, наиболее подходящий для этой задачи, был уполномочен Гитлером начать с поверенным СССР в Берлине переговоры о возможности достижения соглашения между Германией и Советским Союзом. Поверенный проявил большую заинтересованность и заявил, что возобновление отношений будет соответствовать интересам обеих стран.

Граф фон дер Шуленбург 3 августа беседовал с Молотовым, и у него также сложилось впечатление, что Кремль действительно готов улучшить отношения с Германией, и все же прежнее недоверие к «Третьему рейху» и его антикоминтерновской политике было еще живо. В связи с этим он считал необходимым предостеречь свое правительство от слишком «бурных действий». Между тем тремя днями раньше в Москву прибыли английская и французская военные миссии для ведения переговоров о заключении военного союза с СССР. Это обстоятельство убедило Гитлера в том, что теперь ему следует ускоренными темпами обеспечить себе прикрытие с тыла, если он хочет начать войну против Польши еще до окончания лета. Исходя из этих соображений, он распорядился уведомить Сталина о том, что намерен командировать в Москву рейхсминистра иностранных дел фон Риббентропа, чтобы проинформировать Сталина о его, Гитлера, точке зрения. Темп, предложенный Гитлером, послужил осторожному Сталину основанием для того, чтобы проявить сдержанность и 17 августа сообщить послу Германии о том, что первым шагом к улучшению отношений может стать заключение договора о торговле и кредитах. Этим Сталин противоречил собственной позиции, принятой 20 мая! Прежде считалось, что начало переговоров о торговле находится в зависимости от предварительного создания «политической основы», теперь же заключение договора о торговле было названо в качестве

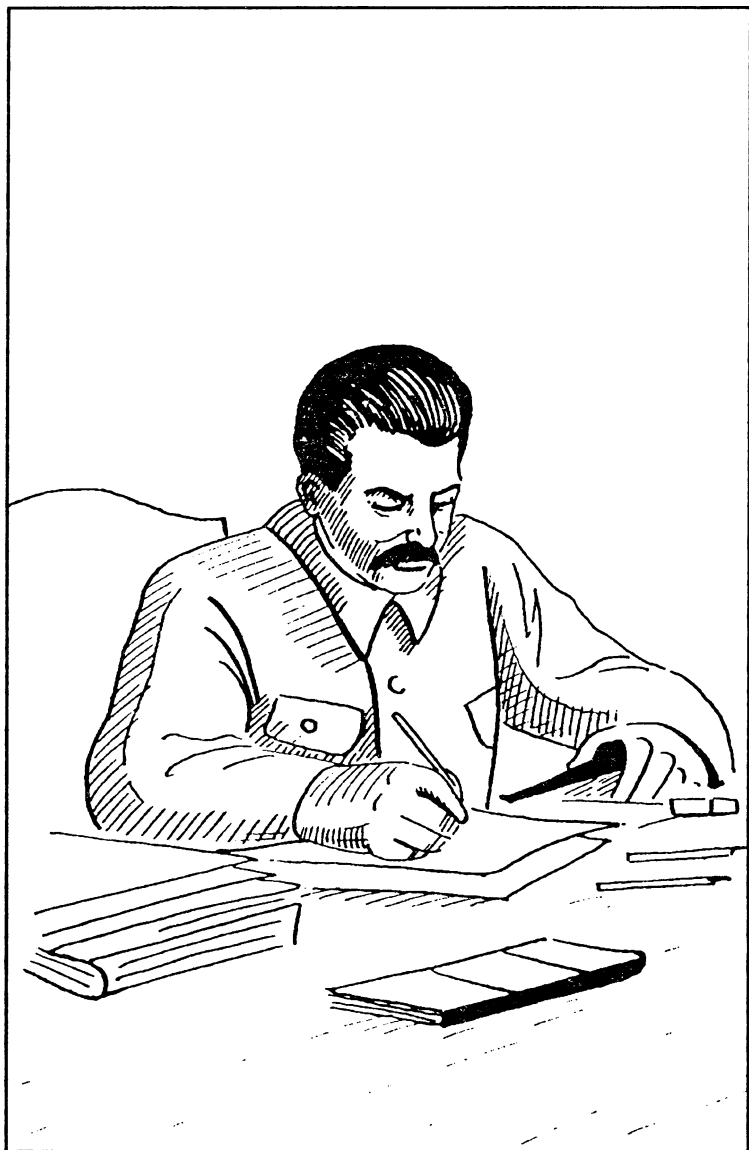
предпосылки для взаимопонимания в области политики. Это было характерно для тактики ведения переговоров, свойственной Сталину, который, используя любые предоставлявшиеся возможности, произвольно менял свою позицию не смотря на собственные заявления, сделанные раньше. Однако переговоры все же привели в конце концов к положительному результату после того, как Сталин убедился, что Гитлер намеревается напасть на Польшу и это приведет к войне между Германией и западными державами. Теперь он больше не сомневался в том, что предложенный ему Гитлером пакт о ненападении и Дополнительный секретный протокол даст Советскому правительству огромные преимущества, поскольку эти соглашения, во-первых, ограждали Советский Союз от непосредственной угрозы нападения со стороны Германии; во-вторых, гарантировали начало войны между Германией и западными державами без одновременного втягивания в войну Советского Союза; в-третьих, без всякого сопротивления передавали в собственность Советского Союза важнейшие стратегические позиции (прибалтийские государства); в-четвертых, давали Сталину возможность ускоренными темпами вести вооружение своей страны.

Таким образом, Сталин имел все основания быть довольным соглашениями, достигнутыми 23 августа 1939 года между Германией и Советским Союзом. Это подтверждают его внимание к подписанию

договора Молотовым и Риббентропом и забота, с которой он следил за проведением его в жизнь.

Автору настоящей книги довелось неоднократно вступать в тесный контакт со Сталиным, в том числе и при подписании договора. Внешность Сталина не была внушительной: он был невысокого роста, лицо покрыто оспинками, подвижность левой руки ограничена якобы вследствие ранения, полученного в ранней юности. Его поведение по отношению к Риббентропу и графу Шуленбургу было уверенным, хотя и не претенциозным. Он умел расположить к себе партнера любезностью, производящей естественное впечатление, и усыпить его бдительность доброжелательностью, умело выставленной напоказ. Однако поучительно было наблюдать за ним: его поведение становилось холодным как лед, когда он отдавал приказания своим подчиненным или задавал им вопросы. Весьма показательным для отношений Сталина со своим окружением было раболепство начальника генерального штаба, с которым тот принимал указания Сталина, а также услужливость, заставлявшая даже народных комиссаров, словно школьников, подниматься со своих мест, когда Сталин задавал им вопросы. В то время Сталин еще не занимал никакого поста в правительстве, несмотря на то, что уже в течение десяти лет был единоличным правителем Советского Союза и даже не нуждался в том, чтобы называться генеральным секретарем, поскольку его имя и без того всегда и везде стояло на первом месте. Переговоры с Риббентропом вел не

Молотов, а Сталин, однако в конце переговоров Молотов должен был подписать договоры как комиссар по иностранным делам. В ходе всех заседаний и совещаний с участием Сталина авторитет его был явным, непререкаемым и не подвергался никаким сомнениям. Он решительно вмешивался даже в вопросы стилистики, когда речь шла о правильности текста официального коммюнике, и уверенно высказывал собственное мнение, не достигнув предварительно соглашения с Молотовым. Способность Сталина найти наиболее приемлемые формулировки для любой политической ситуации была столь же значительной, как и знания, которые он демонстрировал при рассмотрении, например, технических вопросов, всплывавших в ходе обсуждения поставок Германии в Советский Союз. Что же касается советских поставок в Германию, то невозможно было получить хотя бы минимальную уступку со стороны советских посредников без прямого разрешения Сталина; если же подобное разрешение было получено, оно приобретало силу приказа, которому немедленно следовали. При личном контакте со Сталиным явно ощущалось, что отдельные черты характера и поступки Гитлера производили на него сильное впечатление. При этом в первую очередь ему импонировали именно те действия Гитлера, которые вызывали отвращение любого честного и порядочного человека, как, например, кровавые акции Гитлера 30 июня 1934 года. В высказываниях Сталина по адресу Японии нашли выражение свойственные ему

Сталин в рабочем кабинете

ненависть и садистские наклонности. Так, например, в связи с боями между советскими и японскими войсками на маньчжурской границе он с большим удовлетворением говорил о том, что однажды «красноармейцы перебили не меньше двадцати тысяч японцев». «Эти азиаты понимают только такой язык, — сказал он и с сатанинской улыбкой добавил: — Впрочем, я сам один из них и знаю, что говорю». Об Англии Сталин высказывался с явной враждебностью и говорил, что если Англия владела миром, то дело тут в глупости других стран, которые позволяли себя дурачить. В последующие недели Сталин также лично появлялся на переговорах с представителями Германии. Именно он в ночь с 16 на 17 сентября в устной форме поставил графа Шуленбурга в известность о том, что Красная Армия в течение следующих четырех часов начнет продвижение на территорию Польши. Предложение о внесении изменений в Дополнительный секретный протокол от 23 августа 1939 года, в результате чего в сферу влияния СССР попадала, кроме Латвии и Эстонии, также Литва, следует объяснить его инициативой, которую он высказал 25 сентября 1939 года графу Шуленбургу. В ходе переговоров о прохождении границы именно Сталин толстым синим карандашом начертил линию, в соответствии с которой пограничные комиссии затем должны были проложить границы. Для членов советской комиссии это было нелегкой и небезопасной задачей, поскольку они были рабами синей линии, а

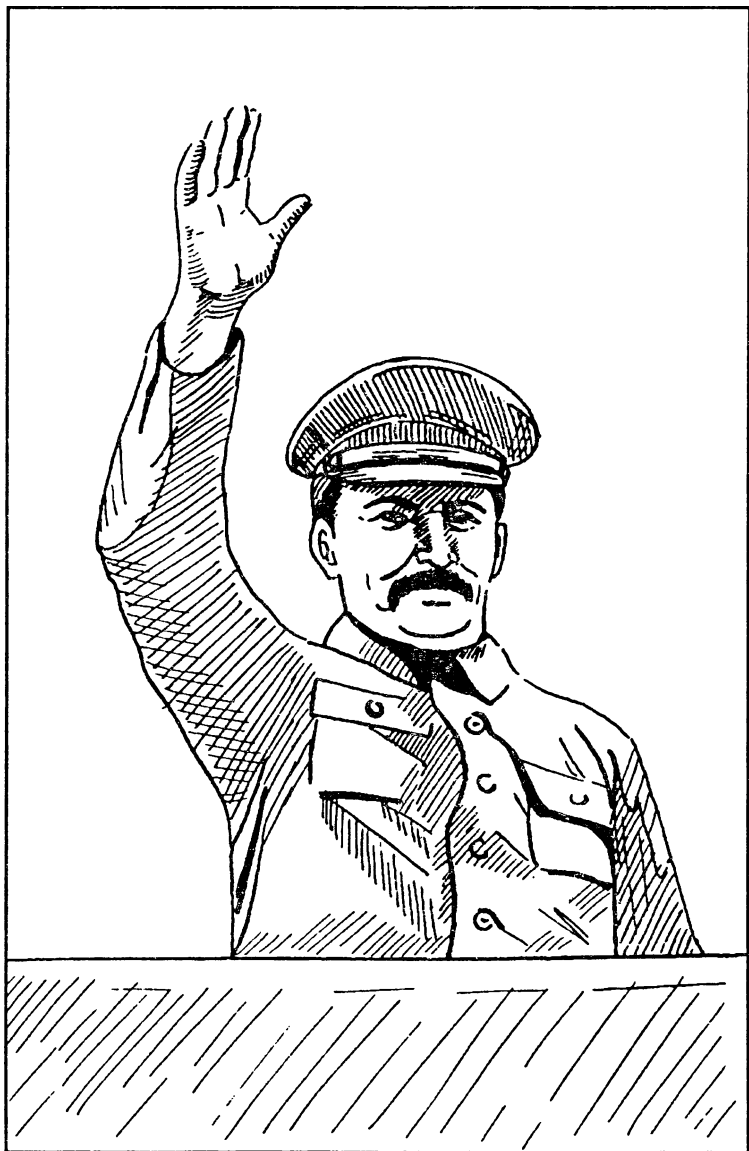
на практике это приводило к бессмысленным последствиям, граница проходила по населенным пунктам и жилищам лишь потому, что линию собственноручно провел Сталин.

В период между подписанием пакта о ненападении (23 августа 1939 г.) и началом войны между Германией и Советским Союзом (22 июня 1941 г.), любой очевидец событий не однажды имел возможность констатировать грубые тактические ошибки, которые совершал Сталин несмотря на свои незаурядные способности политика, создавшие ему столь выдающееся положение, и которые имели последствия неблагоприятные для Советского Союза. Разумеется, он сумел извлечь из достижения взаимопонимания с Гитлером немалые преимущества для Советского Союза, который на основании Дополнительного секретного протокола к пакту о ненападении получил часть Польши, прибалтийские государства и Бессарабию и увеличил тем самым свое население на 13 миллионов. Однако одновременно Сталин продемонстрировал недостаточную осведомленность в части соотношения сил между Германией и Польшей, в значительной степени переоценив предполагаемое сопротивление Польши нападению Германии. Это проявилось в момент, когда Сталину предстояло своевременно сделать выводы военного характера из договоренностей с Германией относительно отграничения сфер интересов обеих стран. Во второй раз Сталин обнаружил слабое владение информацией, когда 30 ноября 1939 года совершил

нападение на Финляндию недостаточными силами и в неблагоприятный момент и этим продемонстрировал Гитлеру и всему миру несостоятельность вооруженных сил Советского Союза. При заключении пакта о ненападении Сталин исходил из предположения, что Германия и западные державы в обозримом будущем ослабнут настолько, что в подходящий момент ему удастся бросить на чашу весов мировой политики накопленную за это время военную мощь Советского Союза. Когда 10 мая 1940 года Гитлер приготовился нанести решающий удар по Франции, Сталин был убежден в том, что линия Мажино окажется непреодолимым препятствием для агрессора и обе стороны будут втянуты в изматывающую позиционную войну. Вместо этого уже 17 июня 1940 года Сталин был вынужден через Молотова передать послу Германии в Москве «самые теплые поздравления Советского правительства по случаю блестящего успеха немецких войск». Пакт о дружбе и ненападении, подписанный Сталиным 5 апреля 1941 года с Югославией и положивший начало военной агрессии Германии против Югославии и Греции – еще одна политическая ошибка Сталина. Пакт так и не привел к отсрочке нападения Германии на Советский Союз. Предпосылка этой ошибки также в неправильной оценке существующего соотношения сил. Сталин считал, что на Балканах немцы «обломают себе зубы», но этого не произошло и он 13 апреля 1941 года был вынужден заверить посла Германии в том, что «Германия и Советский Союз – друзья

и он, посол, должен сделать все для сохранения такого состояния». Начиная с этого момента Сталин проводил по отношению к Гитлеру политику умиротворения: он разорвал дипломатические отношения с Югославией, Норвегией, Бельгией и Грецией под тем предлогом, что эти страны вследствие немецкой оккупации утратили суверенитет; он отдал приказ о бесперебойном снабжении Германии советским сырьем, хотя Советский Союз отнюдь не был обязан и далее продолжать такого рода поставки, поскольку Германия давно имела задолженность по поставкам в Советский Союз. Политика Сталина, направленная на умиротворение Гитлера, оказалась одной из самых больших тактических ошибок из числа тех, что мог совершить Сталин, поскольку она не произвела на Гитлера ожидаемого впечатления. Гитлер рассматривал упорные попытки Сталина поддержать в нем хорошее расположение духа как признак слабости и теперь окончательно укрепился во мнении, что никогда ему не представится более благоприятной возможности для того, чтобы разбить Советский Союз, уничтожить советский режим и обеспечить немецкому народу «дополнительное жизненное пространство» путем захвата русских и украинских территорий. Гитлер не принял во внимание даже то обстоятельство, что 6 мая 1941 года Сталин взял в свои руки руководство Советом Народных Комиссаров, то есть теперь и юридически стал во главе Советского правительства, хотя этим Сталин совершенно явно продемонстрировал,

что намерен с помощью авторитета своей личности и своего поста предотвратить столкновение между Германией и Советским Союзом. Когда же вскоре Германия совершила нападение, Красная Армия оказалась абсолютно неподготовленной к нему, ибо Сталин до последнего пребывал в уверенности, что Гитлер никогда не отважится напасть на Советский Союз, а концентрация его войск на советской границе – всего лишь блеф, предпринятый с целью добиться уступок в экономической или территориальной сфере. Если бы Сталин действовал по-иному и своевременно дал понять Гитлеру, что твердо решил в случае необходимости обрушить на него всю мощь Красной Армии, – кто знает? – история могла бы пойти в другом направлении. В сложившейся же ситуации зародившиеся 23 августа 1939 года германо-советские «дружественные отношения» 22 июня 1941 года закончились трагически.

Сталин

Война

В первый период войны, навязанной Гитлером Советскому Союзу, Сталину пришлось дорого заплатить за совершенную им ошибку. Последствия его репрессий против верхушки Красной Армии, жертвой которых четыре года назад пали не менее трех четвертей командного состава, в 1941 году еще не были преодолены. Кроме того, на Сталине лежит вина за то, что первые удары агрессора оказались для советских войск, дислоцированных на границе, совершенно неожиданными, поскольку в соответствии с категорическим указанием Сталина не были предприняты необходимые оборонные меры. И, наконец, до начала военных действий он не сделал ничего для психологической подготовки населения Советского Союза к возможности войны с Германией. Напротив, Сталин, который умышленно игнорировал все предостережения, поступающие от третьих сторон, сознательно поддерживал у населения уверенность в том, что с подписанием договоров от 23 августа и 28 сентября 1939 года в отношениях Советского Союза и Германии наступил поворотный момент. Этому способствовали и официальные

заявления Сталина, призванные довести до сведения советской общественности, что отношения между обеими странами не оставляют желать лучшего, а все слухи, утверждающие обратное, основаны на интригах противников мира и спокойствия. Вследствие этого начало войны было для населения России словно удар обухом по голове, и вину за весь ужас происходящего народ возлагал не на Гитлера, а на собственное правительство. Это доказывают высказывания, раздававшиеся непосредственно после начала войны, и отношение населения к сотрудникам посольства Германии во время их переезда к советско-турецкой границе, через которую они покинули Советский Союз в июле 1941 года. Совершенно очевидно, что при создавшемся положении Советскому правительству в первой фазе войны было нелегко вызвать у населения необходимую волю к обороне, тем более, что немалая часть украинского и русского народов верила, что немцы придут в роли освободителей от большевистского ига с намерением немедленно ликвидировать ненавистную коллективизацию крестьянской собственности. В дальнейшем ходе войны настроения населения на оккупированных немцами территориях коренным образом изменились, поскольку методы ведения войны немецкой стороной и беспощадные действия немецкой гражданской администрации производили тяжелое впечатление, и доверие, проявлявшееся по отношению к немцам в начале войны, сменилось неприязненным отношением и ненавистью.

О том, что Германия напала на Советский Союз, нарушив существующий пакт о ненападении, 22 июня 1941 года в 12 часов дня советскому народу сообщил по радио Молотов. Он завершил свое обращение словами: «Наше дело правое, мы победим!» Сталин же вначале не появлялся на публике, хоть и обеспечил сразу же свое назначение Верховным Главнокомандующим Советскими Вооруженными Силами и взял на себя руководство Советом обороны, в который, кроме него, входили Молотов, Ворошилов, Берия и Маленков. Из этой четверки Берия вскоре после смерти Сталина был казнен, а Молотов и Маленков в 1957 году впали в немилость у Хрущева, преемника Сталина.

Хаос и неопределенность, царившие в начале войны в Красной Армии, были следствием не только недостаточной подготовки к вражескому вторжению, но также и памяти о насильственной коллективизации 1929 и 1930 годов, и чисток 1936–1938 годов. Свидетельством тому служат сотни тысяч красноармейцев, позволивших противнику взять себя в плен без сопротивления. Лишь 3 июля 1941 года Сталин прервал молчание и выступил по радио, однако его заявление как по форме, так и по содержанию едва ли способствовало пробуждению у населения уверенности, а у солдат – воли к победе. Сталин представил цели и намерения противника в самых черных тонах и выдвинул пугающее требование «выжженной земли», призванное создать мощное препятствие на пути продвижения врага. Таким образом, огромные

опустошения, которые были нанесены России войной и в которых позднее Советы обвинили только лишь одну Германию, в немалой степени объясняются сталинской политикой «выжженной земли». Возникает впечатление, что Сталин с помощью этой политики пытался исправить результаты своих ошибочных расчетов. Из поведения Сталина в начале войны явствует также, что его самоуверенности был нанесен сильный удар. Так, 30 июля 1941 года он указал Гарри Гопкинсу, эмиссару Рузвельта, на тяжелую ситуацию, в которой находился в тот момент Советский Союз, и заявил, что «американские войска под американским командованием являются желанными в каждом секторе русского фронта». Это высказывание Сталина тем более обращает на себя внимание, что в дальнейшем ходе войны он категорически сопротивлялся участию в ней любых войск, не подчинявшихся непосредственно ему, и, как правило, не допускал на советский фронт иностранных наблюдателей. За рубежом гостям также бросалось в глаза подавленное состояние Сталина, как ни пытался он скрыть его под железной маской. Так, осенью 1941 года Сталин в беседе с британским послом Стаффордом Криппсом дал понять, что при известных обстоятельствах Советское правительство будет вынуждено покинуть Москву, а всю Россию западнее Волги оставить противнику, с тем чтобы заманить врага вглубь страны и заставить его продолжать вести войну вдали от баз, в неблагоприятных условиях. По-видимому, такие

мысли посетили Сталина под воздействием примера русского фельдмаршала Кутузова, который в 1812 году сумел победить Наполеона подобными средствами.

Чем дольше продолжалась война, тем больше Сталин удивлял свое окружение, а также многочисленных гостей из-за рубежа своей гигантской трудоспособностью. Ничто не ускользало от его внимания, он занимался всем лично, даже если это были вопросы внешне незначительные. Определенные черты характера Сталина, которые проявлялись у него в последние годы и временами вызывали у окружающих сомнения в полноте его духовных сил, вполне могут быть следствием чрезмерного напряжения, которое он испытывал в годы войны. И все же не подлежит сомнению, что никто другой, кроме Сталина, не смог бы вдохновить русский народ на подвиги, которые тот совершил в ходе войны.

Ввиду успешного продвижения немцев на Москву, к которой они на отдельных участках подошли на расстояние до 14 км, советские правительственные учреждения осенью 1941 года были эвакуированы на Волгу, в Куйбышев (Самару). Однако сам Сталин в течение всего времени оставался в Москве. 7 ноября 1941 года, в день празднования годовщины Октябрьской революции, он с трибуны мавзолея Ленина на Красной площади в Москве принимал обычный парад войск и демонстрацию трудящихся. В произнесенной по этому случаю речи он ссылаясь на подвиги таких

выдающихся личностей русской истории и полководцев, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Суворов, Кутузов и другие. Однако о современных руководителях армии он мог в тот момент сказать не так уж много, тем более что лишь совсем недавно был вынужден отстранить от занимаемых постов двоих из числа своих лучших и самых давнишних друзей, Ворошилова и Буденного, поскольку они обнаружили свое несоответствие требованиям современной войны. Несмотря на тяжелейшее положение Советского Союза, 7 ноября Сталин не смог отказаться от впечатляющей демонстрации своей воли к победе и убежденности в ней. Тем удивительнее то обстоятельство, что за весь период войны Сталин ни разу не был на фронте. Очевидно, он не придавал большого значения личному контакту со сражающимися войсками.

Отношения Сталина с союзниками изначально внушали опасения, что однажды они заключат сепаратный мир с Гитлером за счет Советского Союза, в то время как союзники, со своей стороны, не исключали возможность нового германо-советского соглашения. Временами Сталин был прочно убежден в том, что западные державы имеют намерение с его помощью «таскать из огня каштаны» и что их готовность продолжать борьбу против Гитлера «до последней капли крови русского солдата» не подлежит сомнению. Однако одновременно он сознавал, что сохранение существования коалиции для него вопрос жизни или смерти. Его

решимость вести борьбу с Гитлером под лозунгами любви к родине и патриотизма, а не под знаменем пролетарской революции основывалась на стремлении сохранить союз с западными державами, равно как и на понимании того, что лишь таким путем он сумеет обеспечить себе повиновение русского народа. Для того чтобы доказать свою искренность и отвести от себя подозрения в ведении двойной игры, Сталин в мае 1943 года отдал приказ о роспуске Коминтерна, а в сентябре того же года предпринял примирение с русской православной церковью и таким способом вовлек ее в борьбу против внешнего врага. Исходя из подобных же соображений, он принял решение амнистировать многих из числа тех, кто в свое время стал жертвой его преследований, и доверить им высшие должности — например, генерала Рокоссовского, профессора Рамзина и других. Кроме того, принимая в расчет патриотические чувства русского народа, он вместо «Интернационала», который до того времени исполнялся в Советском Союзе в любых торжественных случаях, ввел весьма эффектный национальный гимн. Эти и подобные меры не только были с удовлетворением встречены русским народом, но и дали всему миру повод пересмотреть свое отношение к личности Сталина и предать забвению многие совершенные им преступления, в том числе массовые убийства в Катынском лесу под Смоленском.

В связи с заключением в мае 1942 года британско-советского союзного договора британцы

заявляли, что «между правительствами Великобритании и Советского Союза существует согласие относительно необходимости открытия второго фронта в Европе в течение 1942 года», однако не стремились последовать этому заявлению. Это обстоятельство вызывало наибольшую озабоченность Сталина и стало предметом его резкого личного столкновения с Черчиллем во время визита последнего в Москву в августе 1942 года. Беседа прошла неудовлетворительно для Сталина, поскольку его оппонент не оставил никаких сомнений в том, что об открытии второго фронта раньше 1943 года нечего и думать. В действительности же это произошло лишь 6 июня 1944 года, то есть 16 месяцев спустя после победы, которую одержала Красная Армия под Сталинградом в начале февраля 1943 года и которая в немалой степени была личной заслугой Сталина. Таким образом, в декабре 1943 года в Тегеране Сталин мог встретиться с Рузвельтом и Черчиллем как признанный герой Сталинграда. Теперь сепаратного мира опасались союзники, а не Сталин.

Самоуверенность и тщеславие Сталина приняли формы, к которым его соратники не были готовы. Тот же самый человек, который перед войной постоянно пытался убедить мир в том, что «Советский Союз не отдаст ни пяди своей земли, но не хочет и чужих территорий», который превозносил фельдмаршала Кутузова не только как гениального стратега, но и как мудрого политика за то, что тот призывал Александра I к умеренности,

теперь превратился в сторонника аннексий, обладающего невиданной жадой возмездия. Так, Черчилль описывает в мемуарах случай, имевший место на Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943 года) на обеде, который Сталин дал для участников конференции и сопровождающих лиц. Советский вождь абсолютно серьезно заявил, что после окончания войны все высшее военное руководство Германии, составлявшее по его оценкам пятьдесят тысяч человек, будет ликвидировано путем расстрела. Когда же Черчилль в ответ на такое заявление встал и покинул помещение, Сталин отправился за ним и попытался успокоить его, заверив в том, что это всего лишь шутка. Далее Черчилль пишет, что заверения Сталина ни в коем случае не убедили его, однако он «не мог проигнорировать ту располагающую манеру вести себя, которой Сталин умело пользовался всегда, когда хотел добиться какой-либо определенной цели». В действительности, этой своей способности Сталин обязан отдельными успехами, которых сумел добиваться в ущерб партнерам по переговорам: например, он самым недостойным образом воспользовался легковерностью представителей прибалтийских государств, да и Риббентропа обвел вокруг пальца, и тот, рассказывая о приеме, оказанном ему в Москве, постоянно говорил, что «в обществе Сталина чувствовал себя настолько хорошо, словно среди старых товарищей по партии». В ходе Тегеранской конференции Сталин также добился многого в общении с партнерами, что далось ему

без особого труда, поскольку собеседником его был Рузвельт – человек, который позднее часто открыто заявлял своим сотрудникам, что «не может отличить хорошего русского от плохого». Так, Сталин в Тегеране получил от Черчилля и Рузвельта заверения в том, что летом 1944 года будет создан второй фронт – произойдет вторжение во Францию. Дальнейшим успехом явилось также признание линии Керзона восточной границей Польши.

1944 год был отмечен непрерывным рядом побед Красной Армии, которая в течение этого года освободила от противника всю территорию России. Тем временем Сталин отошел от непосредственного руководства военными операциями, поскольку теперь мог вверить это своим маршалам и генералам. Его занимало решение политических проблем, среди которых в первую очередь его волновали планы раздела Европы на сферы влияния. При рассмотрении вопроса об организации политической жизни в будущей советской зоне Сталин проявил дальновидность и целеустремленность, выдвинув требование о соблюдении следующих принципов: в странах, граничащих с Советским Союзом, «устанавливается демократический строй» и «правительства этих стран должны быть дружественно настроены по отношению к Советскому Союзу». Подобное условие давало ему в руки действенный рычаг, с помощью которого он проводил «советизацию» будущих государств-сателлитов.

Особо мрачную роль Сталин сыграл во время восстания, вспыхнувшего в Варшаве 1 августа

1944 года, из чистого своекорыстия оставив восставших на произвол судьбы и позволив немцам совершить над ними месть.

17 января 1945 года советские войска в рамках освободительного наступления, предпринятого ими по просьбе союзников, заняли Варшаву. Таким образом, когда 4 февраля 1945 года Сталин, Черчилль и Рузвельт прибыли на Ялтинскую конференцию, Сталин мог наслаждаться сознанием того, что внес немаловажный вклад в победу. В противном случае ему, возможно, не удалось бы в Ялте преодолеть сильнейшее сопротивление Черчилля и добиться признания за великими державами права вето в будущей Организации Объединенных Наций. Роковые последствия этого права мир испытал в достаточной степени.

8 мая 1945 года война Германии против Советского Союза завершилась безоговорочной капитуляцией Германии. 24 мая Сталин принял в Кремле командиров Красной Армии и произнес тост в честь русского народа, назвав его «наиболее выдающейся нацией среди всех народов, входящих в состав Советского Союза» и «ведущей силой Советского Союза». Однако при этом он не забыл напомнить и о Коммунистической партии, «вдохновителе и организаторе всей борьбы народа». Когда месяц спустя, 24 июня 1945 года, Сталин принимал на Красной площади Парад победы Красной Армии, он пребывал на вершине своей славы и триумфа. Бурное восхищение, обращенное к его особе, выглядело вполне искренним и в

этот момент, казалось, стирало воспоминания об ужасах 30-х годов, обо всех ошибках и заблуждениях Сталина. Среди людей, взиравших на него с ликованием, наверняка многие готовы были признать, что огромные жертвы, которые русский народ принес коллективизации и индустриализации, были не напрасны, что без них не было бы и победы. Тем глубже было последующее разочарование широких слоев русского народа, когда в последние годы жизни Сталина (1945–1953 гг.) ожидания, которые они связывали с успешным окончанием войны, не оправдались.

Конец тирана

В момент отъезда Сталина на Потсдамскую конференцию, которая состоялась 17 июля — 2 августа 1945 года, Рузвельта уже более трех месяцев не было в живых. Его преемник Гарри Трумэн был новичком в дипломатии и, соответственно, держался неуверенно. К тому же в середине конференции Черчилля сменил Эттли, поскольку в Англии у руля власти встала партия лейбористов. Прибывшие на конференцию министры иностранных дел Англии и США также были новыми людьми и в силу отсутствия опыта уступали Сталину. Сложившаяся ситуация дала Сталину возможность смоделировать не одно выгодное для себя компромиссное решение. В числе прочего, ему помогло и то обстоятельство, что в вопросах установления восточных границ Германии он мог поставить западные державы перед свершившимся фактом, ибо все территории восточнее Одера и Нейсе уже находились под управлением Польши.

Непосредственно после Потсдамской конференции, 8 августа 1945 года, Сталин вступил в войну с Японией, чтобы без всякого риска обеспечить

себе часть трофеев. Его расчет оказался верным, поскольку в тот день, когда он объявил о своем вступлении в войну, США нанесли по Японии второй атомный удар, после чего Япония 10 августа капитулировала. Примечательно, что свое коварное нападение на Японию Сталин преподнес русскому народу как реванш за поражение, нанесенное Японией Российской империи в 1904–1905 годах.

Решение Сталина распространить свои властные устремления не только на Восточную и Центральную Европу, но и на Ближний и Дальний Восток, стало ясным уже в сентябре 1945 года на первой конференции совета министров иностранных дел союзнических держав в Лондоне, где Молотов заявил о претензиях Советского Союза на непосредственное участие в японском вопросе. Эта претензия была отклонена западными державами, однако в декабре 1945 года в результате переговоров, состоявшихся в октябре между Сталиным и американским послом в Москве Гарриманом, Советскому Союзу удалось добиться участия в Дальневосточной комиссии и в Совете союзников по вопросам Японии. Северная Корея до 38-й широты была признана зоной советской оккупации; тогда же была установлена власть Советского Союза над Румынией и Болгарией.

В первые дни марта 1946 года между западными державами и Советским Союзом вспыхнул серьезный конфликт, поскольку советские войска не ушли из северной части Ирана к установленному

сроку, 2 марта. Черчилль 5 марта отреагировал на неисполнение Советским Союзом договорных обязательств весьма острой речью, которую произнес в присутствии американского президента Трумэна в Фултоне, штат Миссисипи, в которой в столь же резких выражениях высказался против попытки СССР организовать коммунистическую Германию. Ответом на эту речь Черчилля было интервью Сталина от 13 марта, в котором он называл Черчилля «поджигателем третьей мировой войны» и сравнивал его с Гитлером. Под давлением западных держав, занявших жесткую позицию, Сталин вывел советские войска из Ирана и в последующих интервью старался высказываться с подчеркнутой умеренностью. Однако мартовские события 1946 года нанесли доверительным отношениям, возникшим во время войны между Сталиным и Черчиллем, смертельный удар.

Стремительное расширение сферы распространения власти Советского Союза в результате второй мировой войны вскоре должно было привести к опасным нарушениям. В государствах Восточной Европы, а также внутри западноевропейских коммунистические партии стремились к автономии. Ускользнуть из-под контроля Москвы грозила прежде всего Югославия. Когда в сентябре 1947 года был образован Коминформ (Коммунистическое информационное бюро), в Москве этим, прежде всего, преследовали цель прочнее привязать строптивую Югославию к центру. В отличие от Коминтерна, распущенного в 1943 году,

Коминформ объединил лишь немногие партии мирового коммунистического движения: семь партий восточноевропейских стран (не приглашены были Социалистическая единая партия Германии и албанская партия), а также партии Франции и Италии.

Жданов, духовный вождь Коминформа, надеялся с помощью вновь созданного института надежнее прибрать к рукам коммунистические партии и, опираясь на централизованную власть, проводить более жесткую политику по отношению к западным державам. Он был явно готов поставить мир на грань войны. Действительно, приобщение восточноевропейских государств к господствующей идеологии свершилось довольно быстро. В Венгрии, Румынии и Польше социалистические партии были принудительно объединены с коммунистическими. В конце февраля 1948 года коммунисты Чехословакии захватили власть в Праге. В Польше Гомулка, стремившийся оградить свою страну от вмешательств извне, постепенно был вытеснен с занимаемых им постов. Правда, в Югославии Советы потерпели неудачу, поскольку Тито категорически отказывался следовать унижительному диктату Кремля. В результате в июне 1948 года произошел разрыв между Восточным блоком и Югославией.

События в Берлине, который с апреля 1948 года по май 1949 года практически находился в блокаде — яркий пример политики Советов.

Герметическая изоляция Советского Союза от зарубежных стран во время второй мировой войны была прорвана по широкому фронту. Красная

Армия соприкоснулась с внешним миром, советская интеллигенция усвоила все богатство западных идей. В сфере идеологии и культуры упрямый Жданов вновь оставил за собой право вернуть заблудших. Первая атака была предпринята на писателей и поэтов: тяжелейшие обвинения были выдвинуты против сатирика Зощенко и поэтессы Ахматовой. За этим последовали нападки на философов, историков, музыкантов и ученых-естествоиспытателей. Например, всемирно известным композиторам Шостаковичу и Прокофьеву в качестве основного греха инкриминировали свойственную им тенденцию к безродному космополитизму.

Безусловно, меры, предпринимаемые Ждановым, встречали полное одобрение Сталина. В принципе, для продолжения функционирования сталинизма как системы был необходим идеологический ригоризм. То обстоятельство, что в период с 1946 по 1948 годы Сталин проявлял сдержанность, объясняется, несомненно, его нежеланием дискредитировать себя в глазах народа непопулярными мерами.

Лишь когда в середине 1950 года разгорелся ученый спор касательно языковых теорий Марра, скончавшегося в 1934 году, Сталин счел, что пришло время внести свой крупный вклад в дискуссию — «Лингвистические письма». В этом труде была предпринята ревизия решающих моментов традиционного марксизма-ленинизма. Прежде всего совершенно открыто был реабилитирован национальный фактор, и русскому народу было

отведено главенствующее положение среди национальностей, входящих в Советский Союз. Подобная теоретическая основа обеспечивала пышный расцвет советского патриотизма. Кроме того, в «Лингвистических письмах» Сталин отводил надстройке, и прежде всего государству, главенствующую созидательную роль. В этом проявился немалый консерватизм мышления стареющего диктатора, страх перед экспериментами, которые могли бы вновь поставить под вопрос успех его правления. Как можно, патетически вопрошал Сталин, разрушить старый язык, как это представляется некоторым коммунистам, и создать новый, не повергнув при этом общество в хаос?

В преддверии XIX съезда партии (октябрь 1952 года) «Правда» преподнесла новую работу Сталина: «Экономические проблемы социализма в СССР». Если у отдельных коммунистов создалось впечатление, что партия может смело пренебречь всеми экономическими законами, то Сталин поставил этих фантазеров на место. Это серьезное предупреждение прозвучало, в первую очередь, в адрес мощного хозяйственно-бюрократического аппарата. Интересно, что в высказываниях Сталина проскальзывает пессимистическая нота, признание существования законов, устранить которые не под силу даже коммунисту.

На XIX съезде партии Г.Маленков выступил с отчетным докладом ЦК, что до сих пор было прерогативой Сталина. Как показывают фотографии, 73-летний генералиссимус уже тогда

обнаруживал признаки утомления. Однако это не означало, что власть постепенно выскользала из его рук. Все ораторы ориентировались на только что вышедшие в свет «Экономические проблемы» и постоянно цитировали «великого вождя» словно высшую инстанцию. XIX съезд партии знаменовал собой начало ужесточения внутривнутриполитического курса. Уже после смерти Жданова (1948 г.) его ближайшие сотрудники пали жертвами чистки. Возможно, Сталин счел, что Ленинградская партийная организация, секретарем которой был Жданов, стремится к слишком большой самостоятельности.

Вскоре после этого членов «Еврейского антифашистского комитета» обвинили в том, что своим планом заселения обезлюдившего Крыма евреями, выдвинутого после второй мировой войны, они преследовали цель превратить Крым в оплот сионизма. Разумеется, это обвинение было безосновательным. В действительности инициаторы этого плана были советскими патриотами, которые стремились сократить выезд евреев в Израиль, предложив им лучшие возможности для расселения. Антисемитизм, проявившийся в этой связи, вскоре принял еще более ужасные формы.

После XIX съезда партии стали раздаваться призывы к усилению бдительности по отношению ко всем элементам, наносящим вред партии. В январе 1953 года советская пресса сообщила, что раскрыт заговор кремлевских врачей, которые уже имели на своей совести смерть выдающихся коммунистов и

были схвачены в разгар подготовки покушений на жизнь генералов. Из арестованных врачей пятеро были евреями.

Пресса изо дня в день во все более резких тонах предупреждала о тайных врагах внутри страны. Как показал Хрущев в ходе своих разоблачений на XX съезде, Сталин, одержимый старческой недоверчивостью, подозревал даже своего старого соратника Ворошилова в шпионаже в пользу Англии. В число подозреваемых попали также Молотов, Микоян и Берия. Всем стало ясно, что надвигается чистка, которая, по-видимому, ни в чем не будет уступать еще не забытым чисткам тридцатых годов.

22 февраля 1953 года кампания в прессе, направленная на повышение бдительности, внезапно прекратилась. 2 марта Сталин, очевидно, перенес инсульт и, согласно официальным сообщениям, 5 марта скончался.

В апреле арестованные кремлевские врачи, еще оставшиеся в живых, были освобождены. В прессе было объявлено, что «заговора белых халатов» никогда не существовало. Однако смерть Сталина до сих пор покрыта мраком неизвестности, что постоянно дает новую пищу фантазии.

Низвержение после смерти

Сталин был практически неизвестен до 1917 года, однако еще до кончины Ленина он завоевал себе прочное имя в узком кругу партийных лидеров. И только, в конце двадцатых годов Сталин, облеченный властью, появился перед мировой общественностью уже сформировавшимся диктатором. Как будто из чувства мести за то, что окружающий мир, да и собственная партия так долго не обращали на него должного внимания, после водворения Сталина у рычагов власти прославление его особы от года к году становилось все более бурным. Под конец он, подобно титану, царил в мире, который стал для него слишком тесен. Человек из стали, Ленин наших дней, солнце нашей жизни — из таких и подобных слов слагались гимны, восхвалявшие внешне неприметного генералиссимуса. Историки сочинили Сталину блестящее прошлое, вознесшее его на одну ступень с Лениным. «Перед нами фантастический пример человека, который с успехом сам себя измыслил», — пишет Б.Д. Вольфе.

Во время его правления стране довелось пережить ужасные страдания. Тысячи людей пали

жертвами его мании величия и болезненной недоверчивости. Однако история движется не по прямой, и сколь отвратительной ни казалась бы нам личность Сталина, нельзя отрицать, что именно он превратил крестьянскую Россию, вызывавшую у Европы сострадание, в индустриальную державу.

«Строительство социализма» высвободило громадные запасы энергии. В период второй мировой войны Советский Союз благодаря своим огромным военным усилиям приобрел авторитет на международной арене. Наконец, начиная с 1945 года Россия стала наиболее сильным противником США.

Однако и Сталина настигла месть истории. «Секретный доклад» Хрущева на XX съезде партии (февраль 1956 г.) низвергла Сталина с пьедестала непогрешимости и богоподобия. Хрущев поведал делегатам о недостойном поведении Сталина по отношению к Крупской, о так называемом завещании, замалчивавшемся до сих пор, о попытках, которым в тридцатые годы подверглись испытанные большевики, об ошибках, совершенных в преддверии второй мировой войны, о безграничной недоверчивости Сталина в последние годы жизни.

Разрушение мифа о Сталине достигло кульминации на XXII съезде партии (октябрь 1961 г.), когда Хрущев, Шелепин и другие ораторы совершенно открыто подвергли критике «культ личности». Съезд принял решение удалить забальзамированное тело Сталина из мавзолея и похоронить у Кремлевской стены. Сегодня лидеры советского

государства пытаются вновь следовать традициям истинного и неподдельного ленинизма. Однако вопреки всем заверениям они остаются в известном смысле преемниками Сталина, столь усердно поносимого ими теперь. В конце концов все они начинали карьеру при Сталине и в его партии добрались до высших ступеней иерархической лестницы. Сегодня они, говоря о советском патриотизме, мирном сосуществовании и теории «социализма в отдельно взятой стране», имеют в виду Ленина, однако в действительности все эти учения неразрывно связаны с именем Сталина. Безусловно, начиная с 1953 года достигнут определенный прогресс. Спустя одиннадцать лет после смерти Сталина в Советском Союзе подул свежий ветер перемен. Ситуация изменилась: жить стало свободнее, исчез страх перед непредсказуемыми мерами, предпринимаемыми партией, в искусстве появились ростки нового. Путь, проложенный Хрущевым, ведет, по-видимому, в светлое будущее.

Послесловие

Жизнеописание Сталина представляется весьма затруднительным, поскольку начиная с 1929 года контуры фигуры личности и политика этого человека делаются весьма расплывчатыми. Источники времен сталинской эры более чем скудны. Это касается в особенности тридцатых и сороковых годов. Значительно расширили наше знакомство со Сталиным «секретный доклад» Хрущева на XX съезде партии, а также ряд более ранних публикаций советского периода. Кроме того, картину тех бурных лет в истории КПСС дополнили работы ряда исследователей англосаксонского происхождения.

В связи с этим возникла необходимость переработать биографию Сталина, которую Хильгер завершил в 1959 году, и по возможности привести ее в соответствие с современным уровнем науки, все же пытаясь при этом вносить в текст автора как можно меньше изменений. Особое внимание было уделено работам Армстронга, Карра, Даниэлса, Дойчера, Леонхарда, Мейснера и Шапиро. Весьма ценными оказались статьи Бориса Николаевского в «Социалистическом вестнике», которые,

возможно, в отдельных вопросах являются спорными, но тем не менее представляют собой настоящую сокровищницу для историка. В статье Л. Шаумяна в «Правде» от 14 февраля 1964 года появились сведения о XVII съезде партии, которые, как кажется, подтверждают тезисы Николаевского. Наиболее удачная биография Сталина принадлежит перу В. Souvarine, однако она охватывает период лишь до 1937 года. Произведение Троцкого о его противнике, оставшееся неоконченным, является весьма пристрастным. Наиболее известна в немецкоговорящих странах биография, написанная И. Дойчером, считающаяся, однако, не лишенной спорных моментов. До тех пор, пока не будут обнаружены новые материалы существенного характера, биография Сталина неизбежно будет представлять собой лишь схематическое описание его жизни. Правда, исследователи охотно уклоняются в область идеологии, однако даже анализ сталинизма будет оставаться весьма сложным предприятием, пока отсутствует полное издание его произведений.

Хронологическая таблица

<i>21 декабря 1879</i>	<i>Сталин родился в Гори (Тифлисской губернии)</i>
<i>1888 – 1894</i>	<i>Учеба в школе при православной общине в Гори</i>
<i>1894 – 1899</i>	<i>Учеба в духовной семинарии в Тифлисе</i>
<i>Май 1899</i>	<i>Исключение из Тифлисской духовной семинарии; вступление в ряды кавказского подпольного движения</i>
<i>Конец 1901:</i>	<i>Вхождение в Тифлисский комитет социал-демократической партии; переезд в Батум; принятие партийной клички “Коба”</i>
<i>5 апреля 1902</i>	<i>Арест</i>
<i>Ноябрь 1903</i>	<i>Ссылка в Сибирь, в Новую Уду (Иркутской губернии)</i>

- Январь-февраль 1904* *Побег из Сибири; возвращение на Кавказ (Баку)*
- Декабрь 1905* *Участие в конференции в Таммерфорсе; первая встреча с Лениным*
- Апрель 1906* *Участие в IV съезде Российской социал-демократической рабочей партии в Стокгольме*
- Май 1907* *Участие в V съезде партии в Лондоне*
- Март 1908* *Арест; заключение в бакинскую тюрьму; высылка в Сольвычегодск (Вологодской губернии)*
- Июнь-июль 1909* *Побег из Сольвычегодска; возвращение в Баку*
- Март 1910* *Новый арест и ссылка в Сольвычегодск до июня 1911*
- Сентябрь 1911—
конец 1911* *С.-Петербург, арест, ссылка в Вологду, побег, возвращение в*

	<i>С.-Петербург, возобновление подпольной деятельности</i>
<i>Январь 1912</i>	<i>Избрание in absentia в большевистский центральный комитет партии, вновь сформированный в Праге</i>
<i>Конец апреля 1912</i>	<i>Арест; ссылка в Нарым на Оби (Западная Сибирь); побег в июне 1912 г.</i>
<i>Ноябрь 1912 – февраль 1913</i>	<i>Дважды пребывание в Кракове; беседы с Лениным; возвращение в С.-Петербург</i>
<i>12 января 1913</i>	<i>Коба принимает имя Сталин</i>
<i>Начало марта 1913</i>	<i>Арест и ссылка в Сибирь</i>
<i>Март 1913 – февраль 1917</i>	<i>Пребывание в ссылке в Курейке на Енисее (Восточная Сибирь)</i>
<i>15 марта 1917</i>	<i>Отречение царя; освобождение политических заключенных</i>
<i>25 марта 1917</i>	<i>Возвращение Сталина в Петроград</i>

<i>16 апреля 1917</i>	<i>Прибытие Ленина в Петроград</i>
<i>7 ноября 1917</i>	<i>В России большевики приходят к власти</i>
<i>8 ноября 1917</i>	<i>Назначение Сталина народным комиссаром по делам национальностей</i>
<i>1918–1919</i>	<i>Гражданская война; деятельность Сталина в Царицыне (впоследствии Сталинград)</i>
<i>Март 1921</i>	<i>Введение Лениным новой экономической политики (нэп)</i>
<i>8 апреля 1922</i>	<i>Назначение Сталина Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии</i>
<i>21 января 1924</i>	<i>Смерть Ленина</i>
<i>1924–1929:</i>	<i>Путь Сталина к власти</i>
<i>Январь 1929:</i>	<i>Высылка Троцкого из Советского Союза</i>
<i>1929–1932:</i>	<i>Насильственная коллективизация сельского хозяйства</i>
<i>1936–1938</i>	<i>Борьба Сталина против оппозиции; показательные процессы</i>
<i>23 августа и 28 сентября 1939:</i>	<i>Заключение договоров с Германией</i>

Хронологическая таблица

1941–1945

Война

5 марта 1953:

Смерть Сталина

Серия «Исторические силуэты»

Георг фон Раух, Густав Хильгер

Ленин

Сталин

Редакторы: *Юрина Л.,
Давыдова Ю.*
Корректоры: *Крупанина И.
Подгорный Н.*
Художник: *Каштанов С.*
Компьютерный
дизайн: *Гончаренко А.*

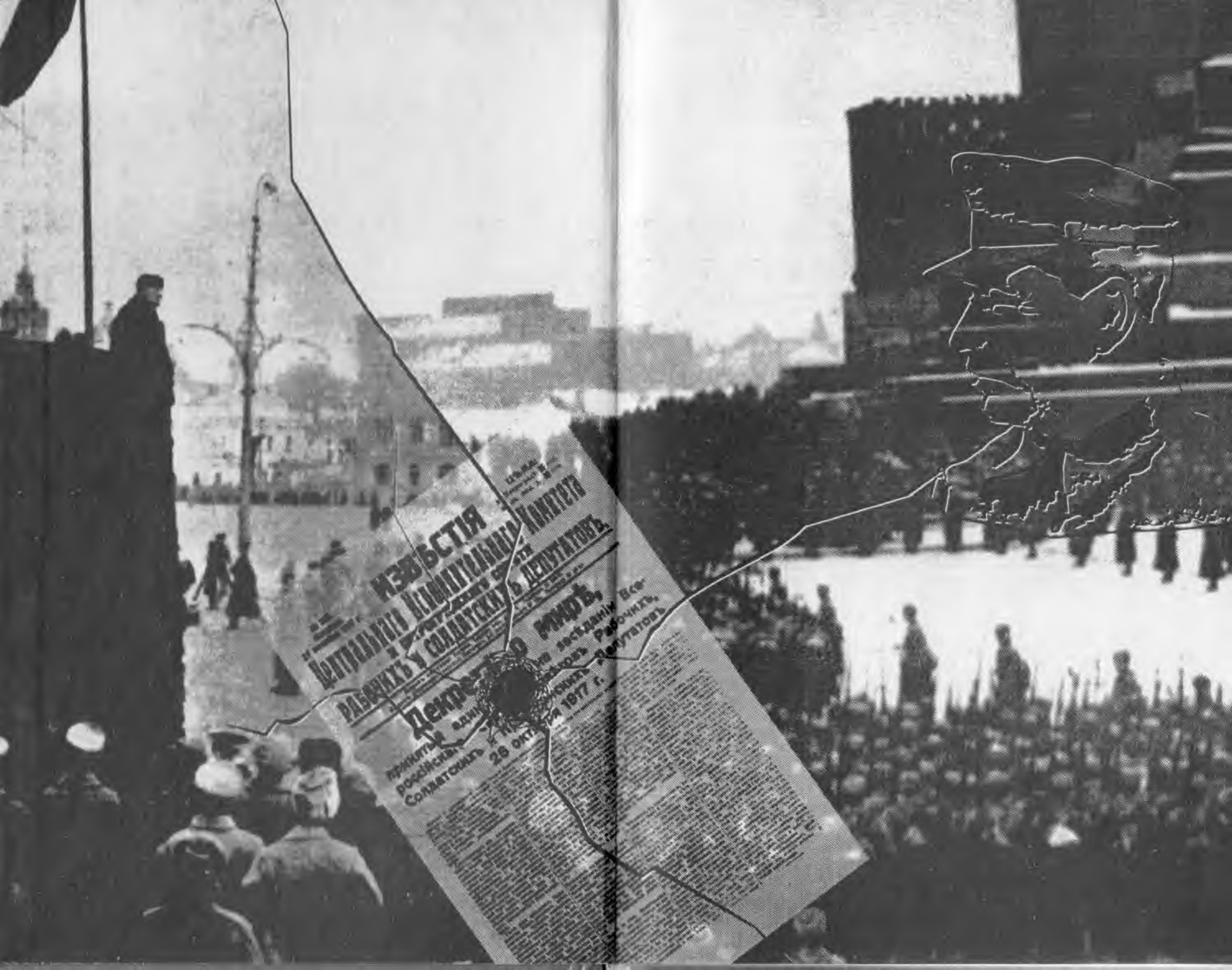
OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа

Лицензия ЛР № 065194 от 2 июня 1997 г.

Сдано в набор 11.03.98 г. Подписано в печать 20.05.98 г.
Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная.
Гарнитура Петербург.
Тираж 5000. Заказ № 123

Издательство «ФЕНИКС»
344007, г. Ростов н/Д,
пер. Соборный, 17

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

ИЗВЕСТИЯ
Центрального Комитетa
Рабочих и Солдатских Депутатовъ
Депрессия
 на заседании Всесоюзнаго Съезда Рабочих и Солдатских Депутатовъ
 28 Октября 1917 г.

Книга включает два не совсем обычных биографических очерка, посвященных ключевым фигурам истории Советского Союза – В. Ленину и И. Сталину. Они знакомят читателя с жизнью этих двух неординарных, противоречивых личностей. В центре повествования – революционная деятельность советских вождей и управление государством после захвата власти. Не оставлена без внимания и сфера личной жизни этих людей.

